

СКАЗКА В СОВРЕМЕННЫХ ДЕКОРАЦИЯХ

ВАЛЕНТИНА РАСКАЧ

16+

Валентина Николаевна Раскач

Сказка в современных декорациях

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66538816
SelfPub; 2021*

Аннотация

Ли́ка Журавлева потеряла всех близких родственников и оказалась очень богатой наследницей. Однако, это обстоятельство никак не повлияло на ее весьма скромный образ жизни. Близкое окружение Лики и не догадывается, что она является долларовым миллионером. После окончания МГУ Лика увлеченно трудится биохимиком в НИИ эпидемиологии. Лика вплотную подошла к решению сложной задачи, над которой бьются маститые ученые. И вот в этот самый момент ее неожиданно увольняют из НИИ под совершенно надуманным предлогом. Не успела Лика прийти в себя от внезапного поворота судьбы, ей поступило предложение поработать три месяца переводчиком в частной фармацевтической компании. Лика в совершенстве владеет тремя иностранными языками, поэтому она соглашается, чтобы за это время прийти в себя и решить, как жить дальше. Но, затем начинают происходить странные события.

Валентина Раскач

Сказка в современных декорациях

Ли́ка быстро вскочила с постели, как обычно, подошла к окну, отдернула штору – за окном еще еле-еле брезжил рассвет. Она взглянула на часы, и в ужасе, помчалась в ванную, по дороге ругая себя за то, что с вечера забыла завести будильник. Ли́ка много лет подряд по утрам принимала прохладный душ, он помогал взбодриться, и давал тонус организму на целый день. Включив воду, отрегулировав напор на максимальную мощность, она направила душ на себя. Прохладные струи воды вонзались в упругое тело Ли́ки, они быстро привели ее в чувство, помогли моментально вспомнить, что будильник она не завела с вечера сознательно – впервые ей некуда торопиться, так как вчера ее уволили с работы.

– Ну, раз уж вскочила, придется завершать водные процедуры. Будем считать, что я умываюсь слезами по потерянной работе, – иронично заключила про себя Ли́ка.

Она стояла под душем, вспоминая вчерашний день. Надо же, как неожиданно изменился размеренный распорядок ее жизни, в которой по своему желанию ей не хотелось ничего менять. С самого раннего утра ничего не предвещало пере-

мен, Лика работала в лаборатории, она с упорством, в который раз, проверяла свои результаты – ей не верилось, неужели, и правда, ей удалось нейтрализовать этот вирус, в результате своих экспериментов. Лике самой трудно было в это поверить, ведь над этой задачей бились многие известные ученые. Во второй половине дня Лику неожиданно вызвал к себе начальник лаборатории. Сначала ей пришло в голову, наверно, его заинтересовали прямо так сенсационные результаты, полученные ей. Хотя откуда он может знать, вроде, она еще ни с кем не делилась, слишком уж большой замах был на открытие, чересчур уж все красиво, надо еще несколько раз проверить. Но то, для чего ее вызвал Николай Петрович, было еще более неожиданным для нее, чем сенсационные результаты эксперимента.

Лике сразу бросилось в глаза, что Николай Петрович очень волнуется, таким она не видела его никогда, потому что он, и так обычно румяный, стал просто пунцовым, видно было, что ему очень неловко. Он сообщил ей, что в институте идет оптимизация хозяйственной деятельности, сокращаются целые лаборатории, а ему (по-видимому, Николай Петрович ставил себе это в заслугу) удалось отстоять лабораторию, но пришлось сократить несколько сотрудников, Лика попала в их число. При этом Николай Петрович сказал, что очень ценит Лику, но здесь он бессилен. Самое ужасное, он просил Лику написать заявление об уходе по собственному желанию. Когда Лика написала заявление, Николай Петро-

вич таким голосом, будто вручает ей премию за заслуги перед отечеством, сообщил Лике, что еще две недели она будет числиться в штате, но он разрешает ей не приходить на рабочее место. Посоветовал Лике использовать это время для поисков нового места работы. И так, как бы между прочим, почему-то шепотом, поделился с ней новостью, что в его лабораторию берут какую-то родственницу самого директора, теперь, он считает, что ему будет попроще выживать.

После душа Лика пыталась еще полежать, надеясь, что вдруг удастся уснуть. Вспомнила, как раньше, так хотелось понежиться в постели, когда препротивно звонил будильник. А теперь спи, сколько хочешь – а уснуть не получается. Очень хотелось забыться и не думать о том, что делать дальше, как-то уж очень неожиданно жизнь преподнесла ей сюрприз (кстати, получалось, что подарок судьбы был прямо к двадцатипятилетию Лики, день рождения у нее как раз через два дня). Работа ей нравилась, у нее получалось, были интересные идеи и вдруг – такой некрасивый финал. Лика с отличием закончила МГУ, получив профессию микробиолога, три года после университета, как ей казалось, успешно трудилась в НИИ по специальности, ей все нравилось, она не собиралась менять жизнь, даже небольшая зарплата ее не волновала. Хотя Лике нравились крутые повороты, но этот вираж судьбы явно пришелся ей не ко вкусу.

Ее подруга Юлия Сергеева, с которой они дружили еще со школы, вообще удивлялась, как можно возиться с мыша-

ми, с лабораторными пробирками, когда у тебя денег не-
проворот. Юлька давно предлагала Лике, все бросить, попу-
тешествовать по миру, посмотреть другие страны, пока сво-
бодна, нет мужа и детей (с ними уж точно не получится от-
дохнуть). У самой Юльки был прекрасный муж, с которым
у них была любовь еще со школы, и трое детей – все – дев-
чонки, причем очень похожие на Юльку. Но им этого было
мало, они с мужем мечтали завести обязательно пацана, по-
этому Юлька обещала рожать до первого мальчика.

А Лике ее работа нравилась, она выбрала себе стезю био-
химии еще в школе, будучи совсем маленькой девочкой. На
это повлияла ранняя смерть ее мамы, это было, когда Лика
только закончила первый класс. Лика спросила папу, поче-
му маму не вылечили, надо было дать ей лекарство, которое
бы ей помогло. Но папа ответил, что, к сожалению, такого
лекарства еще не изобрели. Вот именно с тех пор Лика ста-
ла интересоваться, где открывают новые лекарства, куда для
этого надо пойти учиться, чтобы самой работать в этой обла-
сти? И до вчерашнего дня все шло гладко, Лика занималась
любимым делом. Конечно, сейчас она была уже не наивной
маленькой девочкой, и понимала, что изобрести лекарство,
чтобы люди не умирали, ей не удастся, но вполне по силам
внести свой маленький вклад в развитие науки фармаколо-
гии.

Лика встала, все равно заснуть уже не получится. Сделала
зарядку, раньше, когда спешила на работу, никогда не хвата-

ло времени, теперь свободное время девать некуда. Уложила волосы, еще мокрые после душа, позавтракала, чего раньше частенько не успевала. Оказалось, что все эти процедуры заняли не так уж много времени, так что Лика поняла, что с зарядкой и завтраком она просто придумывала, делала себе поблажку, говоря, что не успевает. Решила позвонить Юльке, поделиться новостью, но взглянув на часы, поняла, что очень рано, наверняка, Юля еще спит, небось, с вечера умаялась со своими девчонками. Так что, Лике не оставалось ничего другого, как спокойно сесть и поразмыслить о своей жизни, оглянуться назад, может быть, ретроспектива поможет определить, что же ей делать дальше, как строить свою новую жизнь. Как дряхлая старушка, Лика устроилась в кресле, укрылась пледом, и стала вспоминать.

Она помнила себя совсем еще маленькой, когда жива была мама, эти годы Лика вспоминала, как самые счастливые. Мама была такая красивая и веселая, Лика запомнила мамин смех, он звучал, как серебряный колокольчик. Летом они всей семьей -она, мама и папа, отправлялись на море, и это тоже – совершенно незабываемые воспоминания. Лика до сих пор помнила эти замечательные моменты: родители учили Лику плавать – у нее не получалось, папа сердился, а мама смеялась. Наверное, никто не поверит, но Лика до сих пор помнит мамин запах. А потом мамы не стало, видно болезнь была скоротечной, потому что Лика не помнит, как мама болела, все было хорошо, и вдруг – полный дом людей

в черном, все плачут. На этом счастливая беззаботная жизнь Лики кончилась.

У отца очень быстро появилась новая жена, с которой он познакомился, когда выполнял, не ведомые ему раньше, обязанности – покупал в детском магазине одежду и обувь быстро растущей Лике. Там он случайно столкнулся с хозяйкой этого магазина детской одежды, которая помогла ему с покупками. С этого момента Лика поняла, что потеряла и папу, потому что она просто не могла смотреть, как папа обнимает и целует эту чужую женщину точно так же, как он целовал и обнимал маму, она считала это предательством. Лика теперь в новой семье чувствовала себя совершенно никому не нужной.

Ради справедливости, надо сказать, что новая жена папы из кожи вон лезла, чтобы понравиться Лике, как могла, старалась ей заменить мать, но Лика не принимала ее, она не верила в искренность этой неизвестно откуда-то появившейся женщины, которая хотела заменить ей такую добрую, родную маму. Лика помнила мамин запах, а от этой тетki всегда пахло духами, этот запах воздвигал между ними стену, которая не позволяла Лике сблизиться с мачехой.

Звали мачеху – Екатерина Михайловна, Лика так ее и звала. Как-то, когда уже прошло несколько лет, с тех пор как Екатерина Михайловна появилась в их доме, она со слезами на глазах сказала Лике, что ей бы очень хотелось, чтобы Лика называла ее мамой. Ну, уж нет, сердито думала про себя

Ли́ка, мама бывает только одна. И она посоветовала Екатерине Михайловне завести собственную дочь. Ли́ка не поняла, от чего вдруг мачеха так расплакалась и сказала, что, к сожалению, не может этого сделать. Теперь-то Ли́ка понимает, что это значит, а тогда подумала:

– Надо же, рожать не хочет, а называться мамой хочет.

И со всем своим юношеским максимализмом заклеяла про себя Екатерину Михайловну. Так несправедливо Ли́ка относилась к отцу и мачехе вплоть до того момента, пока не произошло страшное несчастье – возвращаясь на машине с юга, отец с мачехой разбились в автомобильной аварии. Отец погиб на месте, а Екатерину Михайловну успели довезти до ближайшей больницы (но травмы оказались несовместимыми с жизнью) и не приходя в сознание, она умерла в тот же день.

Ли́ка тогда только кончила второй курс университета. Она не поняла, откуда все узнали про несчастье, она никому не сообщала, но буквально через день их московская квартира наполнилась кучей родственников, которые раньше никак не проявлялись. Ли́ке это напомнило день, когда умерла ее мама – тогда тоже квартира заполнилась людьми в черном. На самом деле, у Ли́ки было полно бабушек и дедушек, но как-то так получилось, что они совсем не участвовали в ее жизни.

Мамины родители жили в Новосибирске, они преподавали там в университете, бабушка – английский язык, а де-

душка – высшую математику. Еще при жизни мамы, они с бабушкой (то есть с ее мамой) поссорились и практически не общались. Об этой бабушке Лика знала лишь то, что это она уговорила маму назвать новорожденную девочку Анжеликой (вроде, мама рассказывала, в честь какой-то литературной героини, от которой бабушка была без ума). Лика с тех пор, как себя помнит, ненавидела это дурацкое имя, все девочки были с красивыми именами – Юли, Маши, Насти, а она с этим труднопроизносимым именем. Поэтому мама, когда поняла, что девочка страдает, сказала, чтобы она всем говорила, что зовут ее – Лика. Так что к ней приклеилось это компромиссное имя, а Анжеликой ее звали только учителя. Тогда Лика думала, как жаль, что бабушка с мамой поссорились не до ее рождения, но, в конце концов, смирилась. Последний раз она маминых родителей видела только на похоронах мамы, давненько это было, однако.

Папины родители долгое время жили в Африке, там дедушка работал в посольстве Танзании. В Москву они приезжали несколько раз в отпуск, вот только тогда Лика их и видела, но это было так редко, что она их плохо помнила.

Родители Екатерины Михайловны жили в Петербурге, однако, в Москву приезжали довольно часто, так как у мачехи в Питере были два детских магазина, и мама помогала дочери контролировать ее бизнес. К Лике они тоже были открыты всей душой, но для нее родители мачехи и подавно были чужие.

Так вот на следующий день, сразу после аварии, десант этих бабушек-дедушек приземлился в квартире, где жила Лика. И весь запас любви, не израсходованный ими за предыдущие годы, обрушился на бедную Лику. Все родственники как-то очень сплотились под воздействием свалившегося горя, они дружно организовали похороны и поминки, затем стали решать, что делать с бедной сиротой, ведь, кроме них у нее – никого нет. Такое впечатление, что они долго крепились, целых девятнадцать лет, а вот теперь готовы растить и воспитывать внучку. У Лики было такое чувство, что сейчас ее разорвут на три части – одна поедет в Новосибирск, другая – в Африку, а третья – в Петербург. К счастью, выяснилось, что в Африку ехать не надо, так как дедушку уже перевели в Москву, он теперь работает в Министерстве Иностранных дел, (Лика с облегчением вздохнула – ей, как Айболиту, не надо спешить в Африку к реке Лимпопо.)

Самое интересное, что страстные уговоры бабушек-дедушек, приведенные ими железные аргументы, что только у них ей будет хорошо, неожиданно быстро разбились о твердый отказ Лики. Они вдруг все сразу очень быстро успокоились. Лике показалось, что даже повеселели, узнав, что она не намерена никуда ехать, прекрасно справится со всем сама. По крайней мере, их совесть была чиста, они предложили свое участие в судьбе девочки, а уж, если она не хочет – выбор за ней.

И вот, когда все родственники разъехались, Лика осталась одна дома в большой квартире. Полная тишина, слышно даже, как тикают часы. Раньше Лика никогда на это не обращала внимания, квартира была полна других звуков, заглушающих тиканье часов. Всегда, как фон, в квартире тихо звучала классическая музыка – мачеха была страстной меломанкой; также в кухне, как правило, работал телевизор, который никто не смотрел, но телевизор все время упрямо включали; постоянно слышался голос Екатерины Михайловны, докучавшей Лике, как ей казалось, пустыми разговорами. Как же ей тогда хотелось вновь услышать голос мачехи с ее обычными расспросами, не устала ли Лика, не хочет ли поехать, не поехать ли в магазин, что-то давно она не обновляла свой гардероб.

Мачеха очень часто доставала билеты в театр, на концерты заезжих знаменитостей, причем доставала несколько билетов, чтобы Лика взяла с собой своих друзей. Постоянно расспрашивала Лику, как у нее дела в университете, и так заинтересованно слушала, что Лика заметила, что ей и самой хочется рассказать, когда у нее происходило что-то интересное.

Тогда эта гулкая тишина в квартире помогла Лике понять, что на самом деле ее очень любили, и отец, и Екатерина Михайловна, причем любили безответно, ничего не требуя взамен. Лика хорошо помнит, как она, зная, что Екатерина Михайловна вела дневник, стала искать его, сама не понимая,

зачем он ей нужен, что она хочет узнать, но упрямо перерыла весь дом, пытаясь найти его. Она искала в сейфе, на письменном столе, даже на книжных полках, а когда, было совсем отчаялась, нашла дневник в прикроватной тумбочке в спальне родителей. И дневник открыл ей Екатерину Михайловну совершенно по-новому. Кстати, взяв в руки дневник, Лика вспомнила, как однажды насмешливо сказала маме:

– Екатерина Михайловна, вы, что, живете в девятнадцатом веке, это тогда женщины увлекались дневниками, а в двадцать первом веке для этого существуют социальные сети – все, что с вами приключилось, все свои мысли, выкладывают в интернет. Потом куча людей высказывают вам свое мнение по поводу вашего поведения, дают советы, могут быть даже полезные, можно поспорить, обсудить. Не хотите идти в ногу с временем?

– Лика, дорогая, я совсем не хочу делиться со всем миром своими мыслями и переживаниями, просто дневник служит для меня своего рода таблеткой. Вот, например, меня что-то сильно волнует, без конца крутится в моей голове, а близких людей я не хочу нагружать своими проблемами. Тут на помощь приходит дневник – как только я это оформлю в качестве записей в нем то, что меня волнует – моментально возвращается душевное равновесие, приходит облегчение, я даже лучше начинаю понимать себя, иногда чувствую, что надо что-то подправить в своем поведении. Понимаешь, некоторые ходят к психоаналитику, рассказывают ему о своих про-

блемах, а я пишу в дневник.

Тогда Лика задумалась над этим объяснением, и сказала мачехе, что, может быть, тоже попробует такой способ борьбы с переживаниями. Но, как-то до вчерашнего дня и повода волноваться не было.

А тогда, прочитав дневник, она только подкрепила то, что уже помогла ей осознать гулкая тишина дома – она потеряла любящих родителей. Оказалось, что Екатерина Михайловна на самом деле искренно любила Лику, она действительно относилась к ней, как к своей родной дочери, несмотря на враждебное отношение к ней падчерицы. Екатерина Михайловна в своих записях даже оправдывала это поведение Лики, понимая, как девочке трудно смириться с тем, что вместо любимой мамы папа привел другую женщину.

Сама мачеха, как оказалось, не могла иметь детей по каким-то причинам, связанным с женским здоровьем. Екатерина Михайловна до брака с отцом Лики тоже была замужем. Она любила первого мужа, но он ее бросил именно из-за того, что жена не могла родить ему сына, о котором он мечтал. Екатерина Михайловна очень тяжело пережила развод с первым мужем, и для нее большим подарком судьбы была встреча с отцом Лики. Как было понятно из дневника, они поженились не из-за страстной любви, а просто каждый облегал боль другого от ран, которые им нанесла судьба в предыдущих браках. В результате, образовалась новая прекрасная семья. Как же Лика себя корила, что уже никогда

не сможет сказать родителям, что она их тоже очень любит. Почему мы понимаем это так поздно, только когда теряем близких людей!

Когда пришло время выбирать, куда пойти учиться после школы, Екатерина Михайловна посоветовала Лике, специальность выбирать по душе, не думать о деньгах, мол, они у нее всегда будут – прибыль от магазинов обеспечит ей будущее. Она при жизни составила завещание, в котором все свои богатства распорядилась передать Лике. Кстати, из дневника стало ясно, почему в таком раннем возрасте (Екатерине Михайловне было сорок лет, когда она оформила все бумаги у нотариуса) ее вдруг приспичило писать завещание. Дело в том, что еще до первого замужества ей цыганка нагадала такую судьбу: будет у тебя два мужа, первый тебя бросит, потому что ты не родишь ему сына; со вторым мужем у тебя будет дочь; все сначала будет хорошо, но ты очень рано погибнешь. Так вот, Екатерина Михайловна видела, что вся ее жизнь идет так, как нагадала ей цыганка, поэтому, боясь поделиться с мамой и мужем предсказаниями ворожеи, составила завещание, чем, конечно, вызвала удивление близких людей.

Таким образом, на Лику после смерти Екатерины Михайловны свалилось огромное богатство в виде пяти детских магазинов – три в Москве и два в Питере. Работа во всех пяти магазинах была отлично налажена, во всех магазинах были квалифицированные управляющие, подобранные самой

хозяйкой. Наталья Сергеевна (мама – Екатерины Михайловны), на всякий случай, спросила Лику, не хочет ли она заняться бизнесом, который теперь ей принадлежит. Получив решительный отказ, вполне ожидаемый, зная Лику, Наталья Сергеевна посоветовала Лике пока не продавать магазины (она назвала их «курицей, несущей золотые яйца»). За магазинами в Питере вела контроль сама Наталья Сергеевна, а за магазинами в Москве поручила следить приятельнице Екатерине Михайловны, которая была в теме, так как помогала подруге и при жизни. В результате Лика понятия не имела, как работает принадлежащий ей бизнес, зато ее счет в банке непрерывно рос.

Лика в это время спокойно училась в университете, затем стала работать по специальности в НИИ. Правда, где-то чуть больше года назад, Лику вдруг стали обхаживать два крупных бизнесмена, желающие выкупить у нее весь бизнес целиком, говорили, что они предлагают за него такие деньги, которые больше никто не сможет дать. Лика, конечно, поделилась этим с Натальей Сергеевной. Но та, вначале и слышать о продаже не хотела, но потом вдруг резко поменяла свое решение, так как у нее обнаружилось тяжелое заболевание, притом она узнала, какие огромные деньги предлагают. Наталья Сергеевна поняла, что пока она жива, надо срочно провести сделку, иначе Лику обведут вокруг пальца.

В результате весь бизнес Екатерины Михайловны, принадлежащий теперь Лике, был продан, и Лика стала долла-

ровым миллионером. Напоследок, Наталья Сергеевна наказала:

– Лика, я выполнила свой долг: сохранила и приумножила то, что тебе оставила моя доченька Катюша, которая тебя очень любила. Я тоже очень привязалась к тебе, считаю тебя своей внучкой и, видя, как тебя тяготят финансовые дела, готова была и дальше тебе помогать. Но у меня обнаружилась тяжелая болезнь, дни мои сочтены, здесь не могут помочь никакие деньги. Теперь тебе самой придется распоряжаться своим наследством. Я понимаю, сейчас тебе кажется, что такой огромный капитал тебе не нужен, но у тебя когда-нибудь будет муж, дети, возможно они захотят заняться бизнесом, а, быть может, и сама захочешь организовать, например, выпуск лекарств (никогда не знаешь, куда в будущем повернет судьба). Поэтому советую тебе: деньги зря не разбазаривать, лучше никому о них не говорить, а ежемесячно, брать со счета необходимую для комфортной жизни сумму, чтобы ты работала там, где тебе интересно, а не там, где много платят. И, поверь мне, когда-нибудь эти деньги тебе пригодятся, и ты вспомнишь мою доченьку и меня.

На что Лика ответила, что ей в принципе деньги не нужны, а Екатерину Михайловну она и так помнить всегда будет, даже бы если она ей ничего не оставила, мол, Лика поняла, что тоже очень любит Екатерину Михайловну, ей ее очень не хватает, и что, про себя она даже стала называть ее мамой. Наталья Сергеевна прослезилась, обняла Лику, чего раньше

никогда не делала. Через два месяца пришло известие, что Наталья Сергеевна умерла.

Таким образом, на счету в банке у Лики оказался огромный капитал. Поскольку Лика не знала, что делать с такими деньжищами, то она воспользовалась советом Натальи Сергеевны: ежемесячно со счета снимать оговоренную сумму, которой Лике с избытком хватало на ее весьма скромную жизнь. Лика никому не говорила, про свалившееся на нее богатство, разве что Юльке, ну, как она могла от нее это скрыть, они даже смеялись, и звали подпольную миллионершу – а-ля «Корейко».

Сейчас, сидя в кресле, уютно прикрывшись пледом, Лика размышляла о том, что судьба отняла у нее почти всех родных людей: маму, папу, мачеху, теперь вот еще и Наталью Сергеевну, с которой она так сблизилась последнее время, а вместо них подсунула ей деньги, о которых она никогда не мечтала, неужели, судьба так от нее откупается. Кстати, сейчас отняла и работу, что теперь делать, Лика не знала, она оказалась совершенно не готова к такому повороту. Не успела Лика решить, с чего начинать поиски, как вдруг неожиданно пропел свою мелодию дверной звонок. Лика быстро вспорхнула из кресла, отбросив плед, побежала открывать.

– Странно, кто бы это мог быть, сейчас на дворе раннее утро, меня в это время вообще не бывает дома. Наверно, это Юлька, почувствовала, как она мне сейчас нужна, но ведь она не знает, что я – дома, а – не на работе, промелькнуло в

голове у Лики, пока она добежала до входной двери.

Открыв дверь, Лика замерла в недоумении – на пороге стоял Игорь, с которым они расстались больше года назад, по обоюдному согласию, просто отношения изжили себя. Она о нем, честно говоря, вообще забыла, хотя встречалась с ним продолжительное время, и даже собиралась за него замуж, но, к счастью, бог уберег, поняла, что он – не герой ее романа. Жалко было, потраченных впустую двух лет, но Лика мудро решила, что приобрела жизненный опыт, и особенно не горевала даже о потраченных годах. Но встречаться с Игорем никак не входило в ее планы, а уж в гости, не ждала его и подавно, поэтому довольно нелюбезно обратилась к нему:

– Привет, мне кажется, мы по-хорошему расстались, общих детей у нас нет, также, как и совместно нажитого имущества, своих личных вещей ты у меня не забыл, что могло тебя привести в такой ранний час, особенно, учитывая, что меня в это время не бывает дома? Надеюсь, не воспоминания о давно ушедшей любви – без всяких сантиментов завершила Лика.

– Понимаешь, Лика, (не поздоровавшись, начал Игорь) я попал в неприятную переделку. Меня преследуют два типа, требуют миллион, если не отдам, грозятся убить. Мне надо где-то спрятаться, а я вспомнил, что у меня остались ключи от твоей квартиры. Я решил, что ты уже уехала на работу, и я у тебя на какое-то время спрячусь. Однако, оказалось, что ты вообще поменяла дверь, я потыкал ключи, они не подхо-

дили, естественно, в новой двери были и другие замки. Затем я без всякой надежды нажал на дверной звонок – и ты, к счастью, оказалась дома.

– Игорь, зачем прятаться, тебе надо не ко мне, а пойти и заявить в полицию, сказать, что тебе угрожают. Не вижу логики, причем здесь я.

– Дело в том, что я въехал в дорогуший «Мерседес» последней модели.

– Господи, тебе тогда надо не в полицию, а в страховую компанию. При аварии, вы вызывали дорожный патруль?

– В том-то и дело, что-нет. Когда произошла авария, я обещал расплатиться с владельцами, не вызывая полицию, но мне не могло прийти в голову, что они потребуют с меня такие «бабки». Хозяин машины говорит, что ремонт обойдется не меньше, чем в миллион, пойми, Лика это настоящие бандиты, они меня могут убить.

В голосе Игоря появились капризные, требовательные нотки, как будто это Лика виновата в том, что с ним случилось. Лика смотрела на Игоря: высокий, стройный, атлетически сложенный, но сейчас он выглядел жалким и беспомощным. Волосы, о которых раньше он так тщательно заботился, укладывая их волосок к волоску, торчали в разные стороны. Голос, бывало, такой спокойный, даже слегка флегматичный, с бархатным тембром, тоже был неузнаваем – какой-то совсем чужой голос с визгливыми нотками. Видно, было – он так напуган, что ему совершенно наплевать, как

ОН ВЫГЛЯДИТ.

– Так, ну ладно, Игорь, а чего ты от меня хочешь?

– Хочу спрятаться от своих преследователей.

– А где, ты жил до этого?

– У Алены – девушки, с которой я встречался последнее время, но она меня выгнала, когда начались проблемы, эти типы меня подкарауливали у ее дома.

– Игорь, но ведь у тебя есть родители, почему ты не поехал к ним?

– Но, представь, зачем мне тревожить стариков, у них – высокое давление, у отца – вообще больное сердце.

– А, значит, меня тревожить можно? Как ты себе это представляешь, мне эти бандиты нужны? И, причем здесь я, ты что, считаешь, я за тебя буду нести ответственность до конца жизни? Если хочешь знать, я про тебя совершенно забыла, ну, был такой эпизод в моей жизни, но он давно прошел, сейчас у меня новая счастливая полоса, у меня есть молодой человек, которого я очень люблю- покраснев соврала Лика. -Кстати, он ревнив, как Отелло, он тебя убьет раньше, чем настигнут бандиты, если застанет тебя здесь.

Лика взглянула на Игоря: он был бледный, как полотно, руки дрожали, похоже, он серьезно воспринял угрозу еще и со стороны Отелло.

– Как я раньше могла собираться за него замуж, сейчас он ничего кроме жалости и презрения у меня не вызывает – промелькнуло в голове у Лики.

– Игорь, по-моему, ты бежишь от проблемы, а не решаешь ее, напрасно ты думаешь, что ты спрячешься, и, тебя не обнаружат. Надо найти деньги, уж коль ты влип в такую историю. Ты, не пытался достать требуемую сумму?

– Конечно, я испробовал все возможные варианты: спрашивал у знакомых, но сейчас сложное время – кризис, никто не хочет одалживать, даже если деньги и имеются. А в банке – у меня плохая кредитная история, я там набрал кучу займов, чтобы возить Алену на дорогие курорты; еще она очень любила различные ювелирные украшения. И теперь вовремя не могу погасить все задолженности, так что о новом кредите в банке приходится забыть.

Ли́ка про себя подумала: надо же, со мной Игорю не приходила в голову мысль, дарить мне ювелирные украшения, или еще круче, свозить меня на Мальдивы. Но прикинув так и сяк, решила, что единственный способ избавиться от Игоря это – дать ему денег.

– Послушай, Игорь, я все же тебе помогу.

Игорь обрадованно начал надевать тапочки, чтобы пройти в квартиру, до этого они разговаривали в прихожей.

– Можно, вот эти новые тапки, раньше их у тебя не было, своих старых я не вижу. Ли́ка, ты не только дверь поменяла, но и тапки, в которых я ходил, выбросила.

Голос Игоря моментально окреп, стал приобретать знакомый тембр. Ли́ка поспешно остановила его:

– Нет, Игорек, тапочки поставь на место, проходить не на-

до. Я же тебе сказала, что у меня есть мужчина, который в любой момент может прийти, и тогда, боюсь – будет много трупов.

– Но ты же сейчас только сказала, что поможешь мне, требовательно и плаксиво, опять чужим голосом проверещал Игорь.

– Я и не отказываюсь, помогу тебе, но по-другому – я дам тебе миллион. Приходи завтра утром, можно в это же время, думаю, я успею достать требуемую тебе сумму.

Игорь оторопело смотрел на Лику, он никак не мог понять, откуда у нее такие деньги, и уж совсем не ожидал, что так легко решаться его проблемы, поэтому, не веря до конца в подвалившую удачу, спросил:

– Надеюсь, что ты не шутишь, неужели, правда, у тебя есть миллион?

Лику терпеть не могла вранья, старалась всегда говорить правду, но уже второй раз за пятнадцать минут засекала себя на обмане:

– У меня таких денег нет, но я попрошу их у своего молодого человека, уверена, он мне не откажет.

Игорь, до конца не веря в счастливый конец своих злоключений, радостно переспросил:

– Ну, так я завтра с утра, приблизительно в это время зайду?

В дверях он обернулся и торопливо добавил:

– Расписку я принесу. Да, Лику, разреши тебя поздравить

с прекрасным выбором молодого человека, наверно, скоро свадьба, не затягивай. Я смотрю, ты уже на работу не ходишь, да, и зачем тебе париться, если ты в любой момент можешь попросить такие деньги.

На это Лика решила не отвечать, чтобы не пришлось еще раз соврать про своего молодого человека, которого у нее не было. Она перевела разговор в другое русло:

– Игорь, ну, ты, прям как заботливая мамаша, советы даешь. Кстати, замки я поменяла вовсе не потому, что не хотела тебя пускать. Мне даже в голову не могло прийти, что ты ключ от моей квартиры хранишь целый год. Если бы я знала, что ключи у тебя хранятся, то попросила бы вернуть, когда потеряла свои. А так пришлось замки вырезать автогеном, поэтому и дверь поменяла, зато теперь современная, красивая, и что не маловажно – есть запасные ключи.

Тут Лика с ужасом вспомнила, что запасные ключи (на случай, если она потеряет) хранились у нее на работе в ящике стола, а она про это совсем забыла, и не взяла их. Лике совсем не хотелось, опять возвращаться на работу, откуда ее так бесславно попросили вон, но теперь, очевидно, придется. Захлопнув за Игорем дверь, Лика опять попыталась вернуться к своим размышлениям о жизни, которые были так бесцеремонно прерваны. Она снова села в кресло и попыталась вернуться к тому месту раздумий, на котором ее прервал Игорь, но поняла, что не получается. В голове начала крутиться история с забытыми на работе ключами.

Ли́ка подумала, что, если она сама придет в НИИ, тут же сбегутся сотрудники, с которыми она в мире и дружбе провела три года своей жизни. Начнутся охи и вздохи, причитания по поводу несправедливого увольнения. Женщины жалостливо будут обсуждать, что бедная сирота осталась без средств к существованию, отчаянно ругать несправедливое начальство. Строить из себя бедную несчастную жертву, Ли́ка не хотела, но и рассказать им правду о том, что она – миллионерша, тоже не могла. Поэтому Ли́ка прикинула, что лучше всего попросить Светлану, передать ей забытые ключи. Со Светланой и Филиппом она сидела в одном кабинете. Там стоял ее рабочий стол, за которым она последнее время сидела очень редко, так как постоянно пропадала в биохимической лаборатории, где проводила эксперименты.

Филиппа она сразу отмела, он – занудный тип, обязательно станет корить ее, за то, что Ли́ка все забывает, припомнит, что однажды ей уже автогенном вырезали замки, а она все за свое. Ли́ка про Филиппа ничего не знала, хотя три года сидела с ним в одной комнате. Она даже не знала сколько ему лет, на вид – сорок-сорок пять, а сколько на самом деле – большой вопрос, дни своего рождения, как принято на работе, он никогда не отмечал. Откуда он пришел, тоже было неизвестно, он в этот НИИ устроился на работу в тот же год, что и Ли́ка, но она-то пришла сразу по окончании МГУ, а Филипп, судя по возрасту, должен был где-то еще поработать. Никто не знал, есть ли у него семья. Ли́ка не интересовалась

его семейным положением, но, когда Светлана пыталась разузнать, он, как уж, выскользнул от ответов. Еще Филипп обладал какой-то совершенно неприметной внешностью, общаешься с ним целый день, а выйдешь за дверь – лица его в памяти воспроизвести – невозможно. И как-то ухитрился ничего про себя не рассказать вообще, хотя жизнью других очень даже интересовался. Лика даже не знала, чем он занимается в их лаборатории. Филипп ни разу не выступал с отчетом о проделанной работе на семинаре, как было принято в лаборатории, не делал научных докладов. Самое удивительное, что Николай Петрович, требовательный ко всем сотрудникам, спокойно пропускал эти факты, никогда не делал ему замечаний. Сам же Филипп был приставучий, как репей, особенно последнее время. Он просто, можно сказать, преследовал Лиду, все докапывался, чем она занимается, ходил за ней в экспериментальную лабораторию, мешая сосредоточиться, как дятел, долбил ее вопросами. Недавно Филипп в шутку спросил:

– Лика, ты что открытие сделала, работаешь как одержимая, небось, на Государственную премию замахнулась?

Лика также в шутку ему ответила:

– Филипп, бери выше, Нобелевская премия, вот – моя основная цель.

Филипп отреагировал на шутку Лики каким-то неестественным смешком. Исходя из такого представления о Филиппе, Лика решила, не обращаться к нему с просьбой. Для

этого гораздо лучше подходила другая соседка по рабочему кабинету – Светлана.

Светлана – очень милостивая девушка, имела, как она сама об этом говорила, один малюсенький недостаток – она была огромного роста для девушки, где-то под два метра. Конечно, для баскетболистки или топ-модели это – очень хороший параметр, но для просто биохимики, притом желающей непременно выйти замуж, этот рост выливался в большую проблему. Светлана – была полной противоположностью Филиппу, она обладала чрезмерной откровенностью, причем ей, кажется, доставляло удовольствие обсуждать свою жизнь с любым, кто готов ее выслушать. Ей скоро должно было исполниться тридцать лет, так вот Лика знала о ней буквально все, начиная с того момента, с которого сама Светлана себя помнила. Истории из детства, потом из студенческой молодости Светланы Лика знала наизусть, потому что, она рассказывала их много раз, правда, иногда события приобретали новые краски, но канва сохранялась. Последние годы у Светланы появилось маниакальное желание выйти замуж и родить ребенка. Поскольку в ближайшем окружении Светы на работе кандидатов не просматривалось, она оседлала Интернет. Там она знакомилась, затем встречалась вживую с очередным претендентом, потом оказывалось, что они не пара (кто-то из них разочаровывался) – и так до бесконечности. А на работе она рассказывала Лике и Филиппу каждую историю в мельчайших подробностях. Лике пришлось

в голову, что Филипп мог бы спасти их от этих историй, если бы – взял и женился на Светке, но он тупо слушал о ее похождениях, и, казалось, что ему это – даже интересно. Правда, что я фантазирую, думала Лика, возможно, у него есть жена и куча, мал-мала меньше, своих детишек.

Лика решила, попросить Светлану передать ей забытые ключи, и набрала номер ее телефона.

– Алло, Светик, привет! Слушай, я вчера в спешке забыла запасные ключи от своей квартиры, которые я на всякий случай держала в верхнем ящике моего стола, будь любезна, передай мне их на нейтральной территории, не хочется возвращаться туда, откуда, тебя попросили.

– Лика, привет! Как ты сама, держишься? Я вчера ушла раньше, даже не знала, что тебя уволили. Сегодня утром, как снег на голову, свалилась эта ужасная новость, я даже не успела с тобой попрощаться. Лика, прикинь, весь прикол в чем – я вчера ездила покупать подарок к твоему двадцатипятилетию. Как всегда, собирали деньги со всех членов лаборатории, и этот козел – Николай Петрович тоже, как ни в чем не бывало сдал деньги и ничего не сказал.

– Светик, не волнуйся, он, наверно, сам еще не знал, что придется меня уволить, эту директиву ему спустили сверху. А за меня не переживай, не могу сказать, что я рада, но, с другой стороны, жизнь заиграла новыми красками, есть свои плюсы – можно не вставать ни свет, ни заря, неспеша сделать зарядку, и самой выбрать вектор дальнейшего развития.

Я еще сама не решила, возможно, я кардинально поменяю направление своей деятельности, уйду в другую, еще неизведанную мной область. Я на самом деле люблю крутые повороты, а последнее время меня затянула рутина – каждый день был похож на предыдущий. Правда, мне это нравилось, но, видно, судьба решила разнообразить мою жизнь.

– Ты, что, Лика, ведь ты – такая перспективная, у тебя было столько новых идей, не то, что я, да и другие сотрудники, которых почему-то не уволили, мне, кажется, тебе многие завидовали, по-моему, и этот румяный козел – Николай Петрович тоже ревниво относился к твоей самостоятельности, и совершенно новым подходам, которые ты на последнем семинаре представила. Все в один голос сказали, что такое невозможно, столько больших ученых бились над блокировкой этих биохимических процессов, а ты вдруг объявляешь, что можно совершенно просто достичь этого, еще тогда они посмеялись над тобой.

– Светочка, самое интересное, мне кажется, я на практике подтвердила свою теорию, но теперь это уже не имеет никакого значения. Света, пожалуйста, открой верхний ящик стола, смотри, там в правом углу должны быть мои ключи.

– Ну, вот – я открываю, вижу: две упаковки бумажных платков, какие-то прикольные ручки, карандаши, нераспечатанная коробочка конфет. Лика, а ключей здесь никаких нет. Слушай, а зачем, ты оставила конфеты и канцелярские принадлежности, давай, я тебе их принесу.

– Светик, все, что мне надо – это только ключи, остальное можешь взять себе, если, тебе что-то приглянулось.

– Лика, может, ты переложила ключи в другие ящики, давай посмотрю. В других тоже – ключей нет, боже, ты оставила свои моднючие туфли, они же совсем новые, они мне так нравились, уж их-то я тебе точно передам при встрече. Нет, все обыскала – ключей нет, может, ты их взяла и машинально куда-нибудь засунула, поищи хорошенько.

– Свет, а у тебя какой размер ноги, тебе мои туфли не подойдут?

– Лика, ты что, забыла, про мои габариты, конечно, они мне малы.

– Светик, ну, тогда ладно, ничего, кроме ключей я не хотела забирать. Просто сделаю дубликат, странно только, куда я их могла задевать, хотя, ты же знаешь, я – всем известная растеряша. Заезжай ко мне в гости, если будет время. Ты же помнишь мой адрес – в прошлом году я приглашала всю лабораторию к себе домой на предыдущий день рождения.

– Лика, дорогая, я к тебе приеду обязательно и очень скоро, через два дня, подарок-то куплен, надо же его как-то доставить тебе, ты не возражаешь? Может, правда, тебе в день рождения неудобно, ты, наверно, ждешь гостей, тогда я приеду в другой день, когда скажешь.

– Приезжай в день рождения, посидим. Ну, ладно, Светик, пока, до встречи.

Лика опять пыталась вернуться к своим воспоминани-

ям, но поняла, что это безнадежно. Внезапный приход Игоря, потом возникшая проблема с ключами, непонятно почему-то так встревожившая Лику – все это мешало спокойному течению мыслей о прошлой жизни.

– Господи, и что эти ключи не выходят у меня из головы, понять не могу! Поеду, сделаю дубликат, всего-то пара пустяков, а хранить его буду не на работе (как оказалось, это – не самое надежное место), а у своей подружки Юльки.

Но червь тревоги почему-то не оставлял Лику в покое. Она стала припоминать, как она в спешке собиралась, уходя с работы.

– Может быть, и правда, я в суматохе чисто машинально бросила запасные ключи в сумку, а память это не зафиксировала?

Лику вывалила содержимое сумки на стол – запасных ключей там не оказалось, были только те ключи, которыми она повседневно пользовалась – они были в кожаной ключнице. А запасные ключи были прикреплены к брелочку, который Лику привезла из Лондона в качестве сувенира, когда была там на конференции. Брелок был металлический, массивный, весил почти столько же, сколько и сами ключи, поэтому в обычной жизни им пользоваться было неудобно. Затем Лику, на всякий случай, проверила карманы пальто и жакета, в которых вчера была одета, но и там нужных ключей не обнаружила. Тогда Лику, для чистоты эксперимента, решила проверить папку со своими записями теории и опы-

тов – это единственное, что она забрала с работы (свой личный ноутбук она уже несколько дней назад принесла домой, как знала, что уволят). Папка была объемистая, пухлая, зачем Лика ее взяла, она и сама не знала, но это просто единственное, что было ей дорого, то, над чем она старательно билась. Папка была, вроде, как памятью о трех годах жизни, проведенных в стенах НИИ. Лика стала ворошить записи, надеясь, что вдруг она сунула ключи в папку. Одно неловкое движение – и листки с бесконечными химическими формулами веером рассыпались по ковру, лежащему на полу. Лика сгребла все рассыпавшиеся бумаги, и села за письменный стол, чтобы упорядочить их. Собирая листки, укладывая их в нужном порядке в папку, Лика как бы складывала в нее свой этап жизни, который был ей дорог именно этими исследованиями. И Лика вдруг импульсивно приняла решение:

– Сегодня я все равно иду в банк за миллионом для Игоря, поэтому заодно захвачу свою папку и ноутбук, помещу их в ячейку, где хранятся драгоценности Екатерины Михайловны, пусть и мои драгоценности хранятся рядом с ее бриллиантами.

Тут Лика вспомнила, что надо позвонить в банк, предупредить, что она снимет миллион со своего счета. Обычным клиентам такую операцию можно осуществить, только предупредив за два дня, но Лика была VIP-клиентом, так как хранила все свои капиталы в одном банке, поэтому, была уверена, что ей пойдут навстречу. Не откладывая в долгий

ящик, Лика набрала номер телефона операциониста банка, который был прикреплен персонально к ней, и условилась о времени, когда подъедет, чтобы забрать деньги. Лику всегда смешило, как с ней разговаривают в банке, можно подумать, будто она – наследный принц из Саудовской Аравии. Лика понимала, что с ней так расшаркиваются, боясь, что она переведет часть капитала в другой банк.

Взглянув на часы, Лика сообразила, что уже можно звонить Юльке, наверняка, она уже отправила девчонок в детский сад, и теперь, с чистой совестью, можно обрушить на нее все свои переживания, рассказать, как круто с ней обошлась судьба. Она уже представляла, как умильно Юлька будет успокаивать ее, но и здесь ее ждал очередной облом. Когда она позвонила Юльке, оказалась, что ее подружка сейчас не дома, а на пути в парикмахерскую. И вообще Юлька очень удивилась, услышав голос подруги в такое время, когда она должна находиться в НИИ и общаться с мышами (у Юльки было такое представление о работе Лики в институте эпидемиологии).

– Привет, Лика, складывается впечатление, что у тебя институт закрыли. Ты же в это время вкалываешь, как сумасшедшая? Я, в кои-то веки, решила привести голову в порядок – покрасить, постричь и накрутить волосы. Надеюсь, ты не забыла, что у тебя – юбилей, вот к нему-то я и стараюсь. Лика, а у тебя часом не случилось ли чего, что-то мне твой голос не нравится?

– Юль, я дома, меня уволили с работы. Ну, в общем, при встрече я все тебе подробно расскажу. Сейчас съезжу в банк, а потом я весь день буду дома, приезжай ко мне после салона, если у тебя нет больше никаких срочных дел.

– Ну, наконец-то, свершилось! Сколько раз я тебя уговаривала, бросить это занудство, видно, сверху высшие силы услышали мои призывы, и принудительно освободили тебя от этой тягомотины. Слушай, Лика, я уже подъехала к салону, сразу после него примчусь к тебе, это будет где-то часа через три.

– Хорошо, Юлек, я тебя жду, а пока тоже займусь делом, съезжу в банк.

Лика быстро оделась, легкий макияж – и вот она готова ехать в банк за миллионом для Игоря. В коридоре она переложила свои ключи из сумки, с которой ходила на работу, в модный рюкзачок от Шанель, взяла необходимые документы, туда же засунула свою пухлую папку вместе с ноутбуком, и поехала в банк. В НИИ с таким роскошным рюкзачком Лика ездить не решалась, слишком вызывающе дорогая вещь (от Светкиных расспросов не отделаешься). Этот подарок незадолго до своей смерти ей сделала Наталья Сергеевна, сказав, что, по случаю, удалось купить эту вещицу, хочет, чтобы и от нее у Лики осталась память.

– Как они все не понимают, что я и без всяких подарков буду всегда помнить и Наталью Сергеевну, и ее дочь – Екатерину Михайловну, мою вторую маму. Я буквально каждый

день их вспоминаю, и мне так их не хватает, как мне хочется, чтобы они это знали!

Так с горечью думала Лика, отъезжая от дома. Быстро, сделав в банке все намеченное, на обратном пути к дому Лика заехала в кондитерскую, чтобы купить торт и еще что-нибудь вкусненькое к Юлькиному приходу. Юлька – известная сладкожка, но дома ей ничего не достается, все, что покупается из сладостей, она отдает своим девчонкам, таким же лакомкам, как и она. Поэтому Лика загрузилась по полной, чтобы Юльке было, что отнести домой своим маленьким сластенам. Все эти дела заняли у Лики около полутора часов, и она спешила домой, надеясь навести в квартире хотя бы минимальный порядок перед Юлькиным приходом.

Лика не отличалась хозяйственностью, так получилось, что во время становления характера девочки, Екатерина Михайловна оградила ее от всех домашних хлопот, не сформировав у падчерицы привычки заниматься хозяйственными делами. Лике все преподносилось на блюдечке с голубой камочкой – и еда, и красивая, чистая одежда, и порядок, и уют дома. Правда, когда Лика осталась одна, она оказалась – не избалованной неженкой, а очень неприхотливой особой, совсем не вдающейся в премудрости домашнего быта, но и не требующей для себя тех же условий, в которых она выросла. Готовила себе то, что обычно готовят холостые мужчины – яичницу, в лучшем случае – омлет. В рабочие дни питалась

в институтской столовой, а дома перехватывала, что придется, вернее, то, что покупала по дороге с работы в кулинарии.

Когда у Лики жил Игорь, он всячески пытался заинтересовать ее домашними делами. Он говорил, что готов разделить с ней все обязанности и по приготовлению пищи, и по уборке квартиры, и по закупке продуктов. Типа, давай, все вместе делать, это – и веселее, и опять же у нас будет общее дело, которое объединит нас, и мы станем настоящей семьей. Но не случилось, не удалось Игорю создать здоровую ячейку общества, не захотела Лика вместе стоять у плиты, вместе пылесосить, вместе убирать квартиру. Может быть, поэтому они и разошлись, чему Лика была несказанно рада.

Ее подружка Юлька сколько раз уговаривала Лику взять помощницу по хозяйству, которая и приготовит, и уберет, и позаботится о чистоте белья и одежды. Но Лика всегда упрямо отвергала этот совет, считая, что она сама прекрасно справляется со всеми делами. Ей вовсе не хотелось, чтобы какая-то посторонняя женщина мельтешила у нее перед глазами, прикасалась к ее вещам, придумывала, чем ей питаться. Особенно ей не хотелось, чтобы в ее квартире поселился посторонний запах. Как казалось Лике, квартира еще хранила запах духов Екатерины Михайловны, и это было ей особенно дорого.

Вообще у Лики с запахами была особая история. По-видимому, природа наделила ее особо острым обонянием, она

людей запоминала, как ей казалось, больше не по внешнему виду, а по запаху, свойственному каждому человеку. Вот и с Игорем, как потом поняла, она рассталась вовсе не из-за расхождения взглядов на ведение домашнего хозяйства, а просто ее стал раздражать его запах. Нет, конечно, от него не воняло потом, наоборот, он был очень чистопахнущим, без конца мылся, но безжалостно орошал себя мужскими дезодорантами и духами, а все просьбы Лики убавить это опрыскивание наталкивались на полное непонимание. Главным аргументом для него служило оправдание, что у него самая дорогая мужская косметика от Армани, на нее он, мол, тратит половину своей зарплаты.

Размышляя об этом, Лика не заметила, как добралась до дома. Когда Лика открывала дверь своей квартиры, она очень удивилась, ей казалось, что она закрыла дверь на оба замка, а оказалось, что дверь просто захлопнута.

– Что за чудеса, неужели я – такая растяпа, то ключи потеряю, то дверь не закрою, с досадой думала Лика.

На пороге в квартиру Лика в недоумении остановилась – в квартире она явно учуяла запах Филиппа.

– Похоже, я схожу с ума, мне уже и запахи стали мерещиться. Надо срочно успокоиться. Сегодня с Юлькой выпьем хорошего Бордо, надеюсь, это приведет мою нервную систему в порядок – рассуждала про себя Лика.

Она прошла в коридор, на комод перед зеркалом стояла ее сумка, в которой утром она так тщетно искала дубликат

ключей, сумка была раскрыта. Лика вспомнила, как утром она потрошила сумку. Вообще-то, ей было не понятно, даже немного тревожно, что за маниакальное желание возникло у нее – во чтобы-то ни стало, (вынь да положь) непременно обнаружить запасные ключи. Фантом утерянных ключей просто преследовал Лику. Ведь раньше она постоянно что-то теряла, причем даже более нужные вещи, и вовсе не волновалась, просто ругала себя за рассеянность. А тут зациклилась на такой ерунде, и вроде нервной никогда не была, а тут поди, как ее пробрало. Лика пришла к неутешительному выводу – она стала нервной дамочкой с тонкой душевной конструкцией. Поставив на себе такую печать, Лика решила закрыть сумку, которая ей уже вряд ли пригодится. Она дернула замок на молнии, и услышала, как что-то зазвенело внутри сумки.

– Что, за ерунда, как будто звенят ключи, нет, я точно схожу с ума, у меня еще и слуховые галлюцинации, мало того, что запахи мерещатся, так еще и звон ключей в ушах стоит! Выходит, мне срочно надо лечиться.

Лика силой дернула молнию, раскрыла сумку – в ней лежали ключи на брелоке из Англии – те самые, искомые ключи, спокойно лежали на дне одного из отделений злополучной сумки.

– Ну, а это просто фантазмагория, час от часу не легче. Теперь я вообще не знаю, как все это понимать! Кто со мной разыгрывает эту злую шутку? Неужели все это игра моего

воспаленного ума, на который так фатально подействовало увольнение меня с работы? Да, недаром, я весь день думаю об этих, совсем не нужных мне ключах. А, может быть, наоборот, это – мне наказание за то, что я раньше все теряла – и легкомысленно не придавала даже серьезным потерям никакого значения.

– Стоп, я должна сесть и спокойно все обдумать, куда делось мое природное логическое мышление?

Лица быстро сняла пальто, еще раз осмотрела и ощупала злополучные ключи, взяла их с собой в комнату, уселась в кресло и стала рассуждать:

– Так, какие у нас условия задачи, что мы имеем?

– Первое: в ящике стола, где хранились ключи на работе, их не оказалось, и это – не игра моего ума, Светлана может подтвердить.

– Второе: в сумке, которую я принесла домой, ключей тоже не было. Я выпотрошила сумку основательно, так что не заметить металлический, массивный брелок я не могла – ключи обязательно бы зазвенели.

– Третье: когда я уходила из квартиры, то, помнится мне, дверь я запираю на оба ключа, а когда пришла – она была просто захлопнута.

– И четвертое, самое главное, условие задачи: в квартире стоял запах Филиппа.

– Вот – и все исходные данные. «Элементарно, Ватсон», решение напрашивается само собой: Филипп, возможно, ре-

шил так пошутить, доставив мне домой забытые ключи. Все, вроде, складно, плохо стыкуется только с характером Филиппа – мне казалось, что он шутить вообще не умеет, а тут шутка оказалась весьма экстравагантная. На всякий случай, надо еще пройтись по квартире, посмотреть, не пропало ли чего, ведь, возможен вариант, что я выронила эти злополучные ключи, их подобрали вору – и ограбили меня.

Ли́ка обошла свою большую квартиру, взглядом оценила, что все – на своих местах, только какой-то беспорядок на письменном столе. Обычно, там действительно был беспорядок, но, как раз сегодня, Ли́ка навела там порядок, когда складывала рассыпавшиеся листки из своей рабочей папки, которая теперь, как драгоценность, хранится в банке.

– Может быть, Филипп искал ручку, чтобы написать мне о своей проделке, а потом передумал. Господи, ну, все, кончаю это запутанное расследование – я с ума не сходила, а просто Филипп напоследок решил так нетривиально пошутить.

Ли́ка засмеялась и облегченно вздохнула:

– Ура! Я – не сумасшедшая, а совершенно нормальная.

Ли́ка тут же выбросила из головы эту дурацкую историю с ключами, мучавшую ее все утро, и бросилась приводить квартиру в порядок к приходу своей подруги. Напевая, она готовилась к встрече, настроение положительно улучшилось, теперь Ли́ка не знала, жаловаться на жизнь или, наоборот, радоваться.

Ю́лька приехала, где-то через час, все было готово. Обни-

мая Юльку, Лика поняла, как ей не хватает таких простых нежностей, которых она последнее время была напрочь лишена. Не оттягивая, подружки сразу сели за стол, который ломился от сладостей и фруктов, на нем так же была бутылка прекрасного «Бордо» (ее Лике привез из Парижа французский коллега, сотрудничавший с ней по работе). Поскольку Лика по телефону уже рассказала Юльке о своей беде, а подруга восприняла это с радостью, к тому же долгие поиски ключей, и реакция Юльки окончательно вывели мозг Лики из комы, то и говорить про увольнение вовсе не хотелось. И подружки начали весело перебирать возможности, чем заняться Лике на новом этапе жизни.

Сначала Юлька предложила Лике стать просто инвестором какой-нибудь крупной компании, и тупо получать дивиденды, не вникая в суть деятельности этой компании. Однако, Лике хотелось самой работать, она не представляла жизни без творческого поиска, без решения трудных задач, а ничего не делать это – точно не про нее, поэтому этот путь был сразу отвергнут. Дальше стали думать, в какой области деятельности могут пригодиться знания и умения Лики, а разбиралась она хорошо в биохимии, еще помимо латыни, она прекрасно владела тремя иностранными языками – английским, французским и японским. Лика думала, что лучший выход – устроиться по специальности в какой-нибудь другой НИИ, занимающийся теми же проблемами, что и тот, из которого ее уволили. На что, Юлька авторитетно заявила:

– Ты что, проработаешь там опять три года, а тебя возьму и уволят, ни за что, ни про что, на ровном месте, у них, видите ли, там оптимизация деятельности. Ну, уж нет, ты должна сама стать хозяйкой какой-нибудь фирмы, сама увольнять сотрудников, а не они – тебя.

Юлька провозгласила это так уверенно, что спорить с ней не имело смысла, да и не хотелось. Подружки распили почти всю бутылку красного сухого вина, Лике стало так хорошо, куда-то ушли все переживания, наоборот, с помощью Юльки она стала чувствовать, как будто действительно, потеряв работу, сбросила груз с плеч, тянувший ее. Теперь можно самой выбирать путь, новый вектор развития своего потенциала. И, хотя, по-прежнему, было не ясно, в каком направлении двигаться, Лика чувствовала, что эта неизвестность и неопределенность манит ее.

Еще Лика поняла, что нельзя жить одной, надо срочно искать человека, который будет с ней в трудную минуту. Ведь, как хорошо, примчалась Юлька, помогла развесть ее печали. Но не может же она каждый раз бросать своих дочек, мужа и, сломя голову, лететь – успокаивать подругу. Лика вдруг остро ощутила, что ей не хватает крепкого мужского плеча рядом (она, наконец-то, смогла понять Светлану, отчаянно ищущую мужа, над которой раньше посмеивалась).

– Юль, я чувствую, все это со мной случилось к тому, что мне надо искать не работу, а мужа.

– О, боже, спасибо небесам, свершилось! Моя подруга

превращается в нормальную женщину со здоровыми инстинктами, я уж отчаялась дождаться этого счастливого момента. Давно пора вить гнездо, выращивать птенчиков, «кстати, о птичках» – уже время забирать моих детей из детского сада. Попробую позвонить мужу, договориться с ним, чтобы он сегодня выполнил эту мою обязанность.

И Юлька начала звонить Сергею, долго чирикала с ним по телефону объясняя, что, во-первых, она выпила и не может позволить себе в таком состоянии везти детей в машине, во-вторых, она просто очень нужна сейчас Лике, ее точно нельзя оставлять одну, Как поняла Лика, мужа и не надо было уговаривать, он с радостью согласился, но Юлька все болтала, убеждая его в безвыходной ситуации.

Лика под мелодичное Юлькино щебетанье отвлеклась, и вспомнила, что ничего не рассказала Юльке о своей утренней трагикомической истории с ключами, да и о чем говорить – ключи нашлись, вся эта катавасия не стоит и выеденного яйца. А вот про странный приход Игоря, и про свое обещание помочь ему Лика, умышленно умолчала, зная заранее, что Юлька не одобрит ее поведение, начнет ругать за то, что она разбазаривает свои миллионы, напомнит ей про наказ Натальи Сергеевны. Зачем зря выслушивать Юлькино мнение, Лика и так его знает, но она уже все решила. Юлька всегда говорила Лике:

– Погоди, настанет момент, и эти капиталы тебе точно пригодятся, не знаю, зачем, но если судьба их тебе дала, то

значит, это для чего-то предназначается.

Сама Юлька тоже ничего не хотела принимать от Лики, единственное исключение сделала, когда на рождение третьей дочки подруга подарила ей роскошную четырехкомнатную квартиру. Здесь она не устояла, слишком уж в стесненных условиях они жили. Но твердо сказала, что больше ничего никогда не примет, типа, это и так будет мучать ее всю оставшуюся жизнь. Все уговоры Лики, объяснения, что деньги лежат бесцельным грузом, и только тяготят ее, она не принимала. Мужу и родителям Юлька не стала рассказывать про подарок, а соврала, что это – квартира Лики, досталась ей по наследству, а поскольку жилплощадь пустует, Лика предложила пожить в ней многочисленному семейству Юльки. Юлькин муж не заморачивался расспросами, радуясь такому счастливому переселению. Сергей работал на заводе простым инженером, поэтому заработать на такое жилье, было для него недостижимой мечтой.

Наконец-то, Юлька кончила свой получасовой разговор с мужем, можно подумать, они сто лет не виделись. Только она села за стол, как опять раздался звонок ее телефона.

– Неужели вы не все еще обсудили?

– Да, наверно, Сережа не усвоил, какие номера ящиков с одеждой у детей, придется повторить. Ой, да это звонит не он, это – мой братишка – Андрей. Обычно, от него звонка не дождешься, а тут, когда не к месту, пожалуйста, хотя мы с ним говорили на прошлой неделе.

– Привет, Андрияша! Что это ты, вспомнил сестру в самый неподходящий момент. Почему неподходящий – да потому, что я в кои-то веки выбралась к Лике, мы сидим пьем красное вино, поем песни, никого не трогаем.

Юлька весело рассмеялась:

– Вовсе нет, мы не напились – и поэтому поем, просто нам хорошо – душа поет, а мы ей тихонько подпеваем. Ну, ладно, давай к делу, что тебе от меня нужно? Надеюсь, у тебя ко мне не секретное сообщение? Ну, хорошо, тогда включу громкую связь, пусть Лика тоже тебя послушает, а то она совсем заскучала, потому что я только что кончила говорить со своим мужем, а с ним у меня быстро поговорить, не получается.

– Лика, если меня слышишь – тебе большущий привет, сто лет мы с тобой лет не виделись! Юлек, теперь перехожу к делу. Зная, что у тебя куча знакомых, надеюсь, ты мне сможешь помочь. У нас на предприятии – совершенно авральная ситуация, срочно на пару месяцев необходимо найти переводчика, знающего три языка – английский, немецкий и французский. Ты же сама начинала учиться в инязе (правда, так и не кончила его), но я слышал, ты до сих пор перезваниваешься с девчонками, с которыми вместе поступала в вуз. Подумай, на вскидку, может, придет на ум подходящая кандидатура.

Юлька на несколько секунд задумалась, но потом вдруг взгляд остановился на Лике, и тут ей в голову пришла отлич-

ная идея:

– Андрюш, вообще-то передо мной сидит и потягивает красное вино настоящий полиглот, кстати, вам и по тематике соответствует, вы, ведь, насколько я помню, фармацевтическая компания, производящая лекарства, а она их изобретает.

Тут уже не выдержала Лика и вмешалась в разговор, чувствуя, что Юля сейчас нафантазирует и скажет, что ей присудили «Нобеля»:

– Юль, ты уже начала придумывать, я действительно работала в области разработки вакцин, но я ничего не изобрела, этим занимался огромный коллектив, у меня был лишь малюсенький участок в этой тематике – я билась над нейтрализацией всего лишь одного белка.

– Да, я отлично знаю, что Лика работает в занудном институте, кажется, НИИ эпидемиологии, но ведь она не бросит его ради работы всего на два месяца, а совмещать не получится. Было бы здорово, если бы она была свободна, да и «бабок» она получит за этот срок больше, чем за целый год в своем институте.

– Прикинь, Андрюша, как вам повезло: именно сейчас она ушла из этого НИИ, ей надоело там прозябать, и пока она еще не выбрала, чем ей заниматься дальше. Может быть, как раз два месяца ей и нужны, чтобы определиться. Погоди, я спрошу у Лики, не согласится ли она поработать в вашей «фармацевтической лавочке» пару месяцев, она, по-моему,

ушла на кухню, и не слушает наши переговоры.

И «великий комбинатор» – Юлька стала звать Лику:

– Лика, беги скорее сюда, я нашла место, куда ты можешь направить свой мощный потенциал, пока будешь решать, что ты хочешь делать. Это всего на два месяца, причем просто работать переводчиком!

Лика пришла из кухни, и Юля вздохнула стала описывать ей прелести того, как Лика весело может провести ближайшие два месяца. Тут в разговор вклинился Андрей:

– Юль, ты, что все время нашу фирму называешь «фармацевтической лавочкой», Лика подумает, что и правда, а на самом деле мы – солидная фармацевтическая компания, которая выпускает важнейшие отечественные препараты, а также выпускает по лицензии некоторые препараты зарубежных фирм. Вот как раз, для сотрудничества с зарубежными партнерами нам и нужна переводчица.

– А, что случилось с вашей бывшей переводчицей, которая сбежала из такой солидной компании – ехидно спросила Юля.

– Тут, долго рассказывать, сейчас у нас, если честно, тяжелые времена. В двух словах опишу ситуацию так: мой шеф застукал жену со своим партнером, сама понимаешь, за чем. В этих обстоятельствах его партнер вынужден был уйти, но забрал с собой часть вложенного капитала, он собирается, сам организовать производство, с ним ушли наиболее преданные ему сотрудники, в числе коих и оказалась наша пере-

водчица. Но, к счастью, это – буквально единичные случаи, а переводчица – просто его мать, поэтому у нее не было вариантов. Жена шефа при разводе тоже пыталась отжать часть фирмы, но, слава богу, ей это не удалось, так как факт измены был зафиксирован (у них с шефом был брачный контракт на этот случай). Найти переводчицу на постоянной основе мы, конечно, собираемся, уже объявили конкурс, но это быстро не получится потому, что от кандидатов требуется знание трех языков: английского, немецкого и французского, и нам надо, лично побеседовать с каждым претендентом. Шеф считает, что за два месяца мы точно справимся с этой задачей, но на такой короткий срок можно взять временно-го переводчика, особо не придираясь, лишь бы более-менее смог изъясняться на этих трех языках.

– Лика молча сидела и слушала, как без нее решают ее судьбу. Самое интересное, ей это нравилось, ей вовсе не хотелось возражать. Чудно, Юлька почему-то не сказала, что Лику уволили, а придумала, что она сама ушла из института. Но с этим Лика тоже спорить не стала, ведь в заявлении она написала «по собственному желанию», как попросил Николай Петрович. Лика краем уха слышала, как там говорят, о трех языках: английском, немецком и французском, она подумала, что почти она подходит, так как отлично владела, помимо латыни, английским, французским и японским, правда, немецкий она знала похуже. Лика тут вспомнила свою вторую маму – Екатерину Михайловну, это она, видя, как

Ли́ке хорошо даются иностранные языки, приглашала репетиторов. До Ли́ки доносилось, как Ю́лька говорила Андрею:

– Братишка, точно я не обещаю, но попробую уломать Ли́ку. Как будет результат, по любому, сразу тебе перезвоню. Ладно, пока, кончаем разговор, а то Ли́ка сейчас сама съест весь торт. Все, я тебя тоже целую.

Ли́ка прекрасно понимала, что Ю́лька хитрит, она, наверняка, знает, что если бы Ли́ка возражала, то обязательно бы запротестовала, встряла бы в телефонные переговоры. А так сидит довольная, молчит, еще и улыбается. А Ли́ке действительно все нравилось, было даже очень приятно, что кто-то за нее решает, такого раньше Ли́ка никому не позволяла. Видно, старею, подумала Ли́ка, и тут же вспомнила, что послезавтра день рождения, который несмотря на все неприятные обстоятельства, вовсе не собирался задерживаться. И она предложила подруге:

– Ю́лек, я вот, что думаю: сегодня мы так хорошо посидели дома, может быть, день рождения, для разнообразия, отпразднуем в ресторане? Как ты смотришь, на такой вариант, возьмешь с собой Серегу, а я захвачу Светлану с бывшей работы, (она хочет меня осчастливить подарком, на который сотрудники лаборатории заранее собрали деньги, не зная, что меня уволят).

– Кстати, отличная идея, послезавтра – как раз выпадает на субботу, а это значит, что детей я смогу подкинуть своим родителям. Слушай, Ли́ка, как это здорово – в кои-то веки

потанцую с любимым мужем, а то совсем зачахла в болоте повседневности.

Тут же подруги позвонили в ресторан, который выбрала Юля, и заказали столик на вечер субботы. Юлька чувствовала, что, для приличия, надо бы спросить у Лики, согласилась ли она на работу переводчицы на пару месяцев, хотя она понимала – Лика согласна. Но все же, решив быть истинным дипломатом, она, как бы между делом, задала подруге этот вопрос. Юля была уверена, что знает Лику лучше, чем саму себя, поэтому ответ Лики слегка обескуражил ее.

– Юль, я понимаю, вы с Андреем уже все решили за меня, но давай, не будем спешить, я спокойно подумаю, и дам ответ после дня рождения – твердо сказала Лика голосом, не терпящим возражений.

Такого поворота Юлька никак не ожидала. Она была уверена, что провернула «делку века», одновременно решив и проблему брата, и придумав Лике, чем занять свободное время, пока та не успела выбрать, куда направить свой путь дальше. А тут – еще какие-то раздумья – вместо того, чтобы с радостью броситься подруге на шею. Это слегка расстроило Юльку, но она быстро успокоилась, так как застолье продолжалось, и наконец-то, настало время сладкого. Пили чай с тортом, который Юлька оценила очень высоко, еще была куча всяких кондитерских изысков, они смогли поднять ее настроение.

– Юль, жалко, когда пойдем в ресторан, у нас не будет

мужчин, кроме твоего мужа, а то Светлана тут же начала бы устраивать свою личную жизнь, у нее просто пунктик такой – мечтает выйти замуж.

– Тебе надо не о Светлане, а о себе думать, ты что забыла, ты же сама сказала, что и тебе пора искать мужа – возмутилась Юлька.

– Нет, я не спору – надо, но не так же сразу, надо осмотреться, подумать, какие есть варианты. Вот, займусь этим, когда пройдет день рождения, двадцатипятилетие – хороший повод, подумать о замужестве.

– Лика, ты все дела наметила после дня рождения, что это за рубеж такой, всего-то четвертак. Мне тоже полгода назад стукнуло столько же, так вот, как опытный человек, объясняю – ничего не изменилось, все – то же самое: проснулась в двадцать пять – все та же «девочка».

Уехала Юлька довольно поздним вечером, когда ей уже начал названивать муж, он утверждал, что не справляется с девчонками. Но Лика прекрасно понимала, что Сергей отлично со всем справляется, а просто он соскучился по Юльке. Вот такая у них была любовь: они все делали вместе, никогда не расставались, но самое интересное, совсем не надоедали друг другу, а наоборот, им постоянно не хватало общения.

Все оставшиеся сладости (а Лика предусмотрительно купила с избытком) и торт упаковали в коробки, чтобы Юля взяла с собой в качестве откупных за свое отсутствие. Когда

Юлька в коридоре одевала пальто, Лика, глядя на подругу подумала:

– Надо же, три раза рожала, а по-прежнему, – тростинка, фигура, как у топ-модели, хоть сейчас на подиум.

И вообще, Юлька была очень эффектная – яркая блондинка (правда, крашенная), но ей это невероятно шло. Когда они с Юлькой ходили куда-нибудь вместе, на Юльку всегда заглядывались мужчины, провожая ее восхищенным взглядом. Лика тоже всегда любовалась подругой, удивляясь, как это ей удается, несмотря на кучу забот с детьми, оставаться такой красоткой. Но в этом восхищении не было ни капли зависти, хотя сама Лика была девушкой с совершенно заурядной внешностью «простушки», так она сама себя называла.

На нее уж точно никогда не оборачивались мужчины, но Лика не знала, что она обладала удивительным свойством – превращаться в очень привлекательную особу при прямом контакте с ней во время разговора. Казалось, начиная общаться с человеком, она как бы сбрасывала с себя «лягушачью кожу», и становилась Василисой Прекрасной. Но Лике никто не рассказал про эту ее волшебную способность, может быть, поэтому она не стремилась болтать просто так, без всякого на то повода с кем попало, а наоборот, была довольно замкнутой личностью. Правда, когда-то Игорь пытался понять, что его так завораживает, когда Лика вдруг начинает с ним разговаривать, рассказывать ему про свои дела на работе, или про свое отношение к тому или иному явлению.

Игорь так и не понял, в чем дело, но видел, что Лика неожиданно на глазах преобразается. В такие моменты у него иногда даже вдруг ни с того, ни с сего возникало острое сексуальное желание, и он не вникал в суть того, что Лика пыталась ему сообщить. А у Лики Игорь таким поведением со временем вообще отбил охоту, что-либо ему рассказывать, делиться с ним своими мыслями и переживаниями.

Проводив Юльку, Лика вдруг почувствовала, что ей смертельно хочется спать, хотя было еще довольно рано. Быстро помыв посуду, наведя минимальный порядок, Лика отправилась в постель, думая, что еще почитает перед сном, (так рано она никогда не ложилась). Но даже не успев раскрыть книгу, едва укутавшись одеялом, Лика моментально заснула.

На следующий день Лика, по привычке, проснулась чуть свет. Нехитрые утренние процедуры не заняли много времени, но она была удивлена, что настроение, которое так заметно поднялось после посиделок с подружкой, никуда не улетучилось. Она, вроде как, даже была довольна такими глубокими переменами в своей жизни. Тем более, что в ближайшие два месяца есть, чем заняться, пока не придумала глобально, что делать дальше. Лика вспомнила, что любила повторять ее вторая мама (Екатерина Михайловна):

– Что не делается – все к лучшему.

Получалось действительно так. Не откладывая в долгий ящик, Лика решила заняться выбором наряда для празднования дня рождения. Она заглянула в гардеробную: внима-

тельно оценив содержимое шкафов, поняла, что хоть они и ломались от одежды (купленной ей еще Екатериной Михайловной), но за прошедшие семь лет мода ушла далеко вперед, поэтому все содержимое гардеробной безнадежно устарело. Лика с удивлением осознала, что за все это время она ни разу не ездила за обновками. Ничего не поделаешь, придется срочно совершить вояж по бутикам, прикупить что-нибудь более актуальное. Пришлось напрячь память, вспомнить, куда ее возила вторая мама за обновками, с трудом, но пару адресов Лика все же припомнила. И она стала собираться в магазины за покупками, совсем забыв, что Игорь должен прийти за деньгами.

Лика уже одела пальто, чтобы ехать по намеченному маршруту, как вдруг раздался звонок в дверь. Увидев Лику в пальто, Игорь испугался, он решил, что она не достала ему денег и решила скрыться до его прихода, чтобы не объясняться с ним. Поэтому потухшим голосом он произнес:

– Лика, здравствуй! Я вижу, у тебя не получилось мне помочь?

– Привет, Игорь! Почему ты так решил, вроде я всегда выполняла свои обещания?

– Ну, ты же оделась, собралась уходить, не дождавшись меня.

– Если честно, я совсем забыла, что мы договорилась на раннее утро. Но, видишь, как хорошо, что ты успел, и мы не разминулись. Погоди, сейчас я возьму деньги из сейфа.

Игорь, который до конца не верил, что Лика сможет достать такую сумму, а увидев ее в пальто, и подавно потерял надежду, – был просто ошарашен. Он дрожащими руками взял протянутый ему сверток. Лике показалось, что он даже не слышал, как она ему сказала, что там все точно, можно не пересчитывать. Поэтому, не веря своему счастью, открыл пакет и торопливо стал считать. Убедившись, что все верно, его не обманули, он протянул Лике какую-то бумажку:

– Спасибо, Лика, ты спасла мне жизнь. Вот расписка, как только смогу, сразу верну. До свидания, будь счастлива!

И Игорь поспешил к выходу, как будто боясь, что Лика может передумать и забрать миллион обратно. Лика рассеянно, с некоторым удивлением глянула на расписку, она вообще не понимала, зачем Игорь ей ее всучил. Ее просто расшемило содержание этой расписки. Там было написано, что Игорь обязуется вернуть означенную сумму, так быстро, как только сможет, конечный срок был не указан, зато были назначены десять процентов в год, набегающие на взятую в долг сумму.

– Ничего себе, я получаюсь, вроде как ростовщик, хотя, честно говоря, не рассчитывала получить и миллиона обратно. Скорее всего, Игорь переоценил свои возможности, вряд ли он сможет вернуть эти деньги. Но я не обеднею, а может быть, и правда, спасу ему жизнь, хотя мне не верится, что его могли убить, так, погрозили просто.

Небрежно бросив расписку на комод в коридоре, Лика ре-

шила не оттягивать, и поехала по намеченному маршруту. В салоне модной одежды Лика растерялась, до конца не понимая, что ей выбрать. Раньше по магазинам она ездила только с Екатериной Михайловной, которая всегда знала, что Лике нужно, для какого случая, поэтому сама подбирала Лике наряды. Перемерив кучу различных вариантов, поняв, что все это – не то, Лика растерялась. Тогда она подошла к сотруднице магазина, у которой на бейджике значилось – продавец-консультант, и попросила подобрать ей наряд, объяснив для какого случая. Девушка очень обрадовалась, узнав, что у нее просят совета, и только поинтересовалась, какой суммой Лика располагает. Лика сказала, что она как раз получила большую премию, поэтому, насчет цены можно не заморачиваться, главное, чтобы ей подошло. Про себя Лика отметила, что она второй день подряд врет напрапалую, хотя терпеть не могла вранья. Но, что делать, не говорить же продавщице, что она – миллионерша, по внешнему виду этого не скажешь, да и вряд ли продавец-консультант в это поверит. Когда девушка принесла ей платье, Лика поняла, что даже не обратила на него внимания, когда перемеряла все сама. Платье было какого-то невыразительно светло-мятного цвета, но когда одела, то обомлела – казалось, что платье сшито специально для Лики, она в нем даже сама себе понравилась.

Довольная покупкой, Лика решила:

– Гулять, так гулять. Делать все равно сегодня нечего, пойду-ка я по совету Юльки, схожу в косметический салон.

Попав в салон, Лика решила, что уж здесь она точно не разбирается, поэтому сразу попросила консультацию у косметолога, у которого попросила совета, какие ей сделать процедуры, чтобы немножко подправить внешний вид. И уже, готовая к вопросу, какую сумму клиентка может оставить в салоне, Лика не стала врать, а сразу сказала, что деньги любые, главное, сделать ее пусть не красавицей, но хоть немножко попривлекательней. Зачем Лике вдруг понадобилось, и красивое платье, и усилия косметологов, она и сама не знала, но она чувствовала в себе совершенно новый импульс изнутри, толкающий ее на такие экстравагантные для нее поступки.

– Наверно, я это все делаю из-за накатившего на меня решения, что пора замуж. Хотя чудно, ведь не в ресторане же я буду мужа искать. Ладно, не буду париться, все равно теперь поздно что-либо менять, думала Лика, пока над ней колдовали косметологи.

Вышла из салона Лика поздно вечером, но сев в машину, несколько раз осмотрела себя в зеркальце – она это, или не она, уж слишком разительны были перемены.

– Интересно, хотела бы я знать, а до завтрашнего вечера это чудесное превращение сохранится, или пробьет полночь – и принцесса превратится в Золушку?

Андрей ворвался в приемную, запыхавшись, на ходу спрашивая у секретарши:

– Ирочка, привет, шеф у себя, он один?

И не дослушав ответ, выяснив, что шеф на месте, бросился к двери в кабинет генерального директора.

– Здравствуйте, Владимир Владимирович! Пришел обрадовать вас, поручение выполнено – я почти нашел переводчицу на два месяца, как вы и хотели.

– Погоди, Андрей, что значит «почти»? Нам переводчица нужна срочно, уже во вторник, приезжает делегация из Германии. Ты же знаешь, как я рассчитываю с помощью этого контракта подправить наши дела. Надеюсь, договориться с ними о налаживании производства дженериков немецких препаратов. Предварительно они обещали осмотреть наше оборудование на соответствие стандартам GMP до комиссии Росздравнадзора. Еще хотелось с ними обсудить некоторые нюансы, насчет закупки субстанций, вот здесь точно не обойтись без хорошей переводчицы. Не знаю, будут ли они откровенны, было бы здорово, если бы удалось у немцев узнать, где они закупают субстанции, я слышал, что сейчас все закупают в Китае (говорят, что и Евросоюз, и Штаты закупают в Китае, но не все признаются в этом). Дело в том, что у нас в России сейчас тоже налаживают производство субстанций, вот возникает вопрос – где лучше. Но, ладно, это я так, отвлекся разговорами о наболевшем. Давай подробней, что за переводчица, и почему – «почти».

– «Почти» – потому, что она не дала окончательного согласия. Владимир Владимирович, я вам точно говорю, что

если удастся ее уломать, то лучшего варианта нам не найти. Это – подружка моей сестры, я знаком с ней с раннего детства. Она три года назад кончила биологический факультет МГУ по специальности биохимия, (кстати, с отличием). Занимается, по-моему, задачами, связанными с разработкой новых вакцин в Центральном НИИ эпидемиологии. Три года она проработала в этом институте, и вот – не знаю, в чем дело, вдруг уходит оттуда, буквально день назад, как будто угадала, что она нам может пригодиться.

– Андрюш, конечно, хорошо, что она имеет отношение к фармацевтике, но причем здесь переводчица, нам же не с латыни нужно переводить.

– Владимир Владимирович, дело в том, что она, помимо латыни, в совершенстве знает три языка: английский, французский и японский, и что немаловажно, на среднем уровне владеет и немецким, представляете, такая вот – «полиглотка».

– Да, ничего себе девочка. Андрюш, признаюсь тебе, я вообще-то терпеть не могу отличников – золотых медалистов, и обладателей красных дипломов. В обычной жизни они оказываются, как правило, просто зубрилами, от которых мало толку в деле. Кроме всего прочего, (у меня сложился такой стереотип) женщина при таких обширных познаниях, наверняка, страшна, как баба-яга. Ну, скажи честно, я угадал?

– Нет, Владимир Владимирович, не угадали. Я, правда, давно ее не видел, но она – довольно симпатичная девушка,

не скажу, что – красавица, но уж точно, – не баба-яга.

– Андрюша, в таком случае почему ты не додал ее, почему она не дала ответа сразу, надо было наобещать ей чего угодно, лишь бы согласилась? Сегодня у нас пятница, пойми, мне надо в понедельник, в крайнем случае во вторник, чтобы была переводчица. Какой же я был дурак в молодости, гонял балду вместо того, чтобы, как твоя отличница, учить иностранные языки! И когда же «их величество» даст нам ответ?

– Сестра сказала, что завтра они идут в ресторан отмечать юбилей Лики, так зовут эту девушку, вот, типа, сразу после юбилея она и примет решение.

– Андрюш, а ты знаешь, в каком ресторане они отмечают юбилей? Давай, и мы с тобой пойдем, тоже поздравим ее с днем рождения, подарим хороший подарок, поможем ей побыстрее принять положительное решение. Понимаешь, мне надо обязательно заключить этот контракт с немцами, это может помочь спасти наше предприятие, ты не представляешь, в какие огромные долги я вляпался из-за распила фирмы, когда Мишка ушел.

– Хорошо, Владимир Владимирович, я могу узнать у сестры, где и когда они будут праздновать. Но только я с трудом представляю, что мы будем говорить, как объясним, почему мы там оказались «совершенно случайно».

– Да, мы не будем говорить, что мы случайно туда попали. Мы честно скажем, что пришли уговорить именинницу

принять наше предложение на любых условиях с ее стороны. И мы используем все чары, вернее, все возможности, что у нас есть, чтобы обаять твою Лику, кстати, какое-то редкое имя. А еще такой вопрос, что за юбилей, вроде, она – еще молодая девушка?

– На самом деле ее зовут Анжелика, но она просто не переносит это имя, говорит, что оно – дурацкое, труднопроизносимое, и просит звать ее – Лика. Ну, а юбилей, думаю, наверно, ей, как и моей сестре, – двадцать пять, они же в одном классе учились.

– Андрюша, интересно, а эта твоя Лика замужем?

– Владимир Владимирович, вы задаете вопросы, один другого труднее. Я так сходу теряюсь, не могу вам точно ответить. Знаю только, что официально замуж Лика не вышла (иначе бы сестренка мне обязательно сообщила). Но сейчас же все живут гражданским браком, вроде был у нее парень, а есть ли он сейчас в данный момент, или, может быть, какой-то другой появился, честно, – я не в курсе. А почему вы вдруг задаете такой вопрос? Что, боитесь, когда вы скажете: выполню любое ваше условие, только поработайте у нас – она вдруг заявит- хочу, чтобы вы на мне женились? А, испугались, значит, не все просьбы готовы исполнять.

И Андрей, довольный тем, что разгадал опасения шефа, весело расхохотался.

– Андрей, представь, я ради дела готов и жениться, ведь я теперь – завидный холостяк. Не успел, конечно, насытиться

свободой, но ради процветания предприятия я готов на любые жертвы.

– Владимир Владимирович, не пугайтесь, я просто пошутил. Уверен, что у Лики, просто по определению, не может быть таких мыслей, она, по-моему, совсем не заморачивается насчет замужества, насколько я знаю, у нее другие ценности на первом месте – наука, например.

– Ну, если бы у твоей Лики на первом месте была бы наука, она вряд ли бы ушла из НИИ.

– Да, я и сам удивился, когда узнал, может быть, правда, что-то поменялось. Но все равно, мне кажется, если мы хотим убедить Лику принять наше предложение, нам лучше действовать не нахрапом, а через мою сестру. Моя сестренка Юлька быстрее найдет подход к подруге, и сможет убедить ее. А уж я сам объясню сестре, что нам это необходимо срочно.

– Так, Андрей, значит – узнаешь у сестры место проведения вечеринки, сообщаяешь мне, и мы с огромным букетом (кстати, хорошо бы узнать, какие цветы любит юбилярша) едем ее поздравлять.

Андрею не очень понравилась эта идея – идти напролом, он надеялся, что Лика и так согласится, но возражать, зная упертость шефа, было бессмысленно.

Николай Петрович задержался на работе. Он чувствовал, что у него очень сильно поднялось давление, но хотя у него

и был в кабинете тонометр, он за весь день так и не выбрал времени, чтобы померять давление. Сегодня – пятница, выдалась особенно напряженная; почему-то именно в пятницу более высокое начальство придумывает назначать совещания. Еще подспудно Николая Петровича терзало его собственное решение, уволить эту талантливую девочку Анжелику Журавлеву. Он думал о том, что он на самом деле пошел на сделку с совестью, фактически совершив преступление. А все из-за своей единственной любимой дочери. С тех пор, как умерла жена, Николай Петрович пытался заменить Аллочке мать. Жены не стало пять лет назад, он отлично помнил этот последний день. Жена, когда поняла, что уходит, попросила Николая Петровича, обязательно выдать дочь замуж, сделать все, как положено – с фатой, белым платьем, с огромным лимузином, в общем со всей ерундой, которую так любят женщины. Дело в том, что пять лет назад, Аллочке было уже двадцать пять лет, и жена очень переживала, что дочь все еще – одна, что она не успела сама выдать ее замуж.

Поскольку это была последняя просьба жены, с которой они прожили вместе больше тридцати лет, Николай Петрович покорно принял

эту эстафету. Теперь главной его задачей стало – выдать дочь замуж со всеми, принятыми в обществе атрибутами и прибамбасами. Но это легко сказать, гораздо труднее осуществить задуманное. Он может организовать свадьбу, но это

самое простое и последнее дело, сама же Аллочка должна найти себе пару. Так вот – года два после смерти жены, как Николай Петрович ни внушал дочери, что пора подумать о семье, о детях, Аллочка преспокойно порхала по жизни одна, иногда с кем-то встречалась, но ничего серьезного не намечалось. Работала Аллочка врачом в частной клинике, говорила, что на работе она встречается только с больными, а за них замуж выходить ей вовсе не хочется. Тем не менее, именно в клинике к ней на прием пришел Филипп, который устраивался на работу, и для этого обходил всех врачей (чтобы ускорить этот процесс, пришел в частную клинику).

И вот с Филиппом у них неожиданно все так быстро закрутилось, что Николай Петрович и опомниться не успел, как они стали жить вместе, в квартире Аллочки. Причем Аллочка попросила папу устроить Филиппа к себе в НИИ, ей не нравилось, что он устраивался на фармацевтическое предприятие, она посчитала, что по профилю деятельности Филиппу подходит институт, в котором работает ее отец. Николай Петрович, конечно, выполнил просьбу дочери, взял ее избранника к себе в лабораторию. Казалось бы, все хорошо, можно устраивать свадьбу, наконец-то, воля жены будет исполнена, но Николая Петровича ждало горькое разочарование. Ни Аллочка, ни Филипп не собирались оформлять отношения, их вполне устраивал гражданский брак. Все попытки Николая Петровича разбивались о полное непонимание, зачем вся эта кутерьма, мол, нам и так хорошо. Так

Аллочка и Филипп прожили вместе, где-то около трех лет, недавно дочери исполнилось тридцать лет.

Договорились, что день рождения отметят в узком семейном кругу, только Николай Петрович и дочь с Филиппом в квартире Аллочки. С коллегами по работе и близкими подругами Аллочка условилась отметить юбилей на следующий день в ресторане. Николай Петрович приехал к дочери с огромным букетом и пухлым конвертом. Было очень тепло и уютно, Аллочка сердечно благодарила папу, за все, что он для нее делает, говорила, что он ей – не только папа, но и мама. Николай Петрович очень растрогался, ему было очень приятно, что дочь ценит его усилия. Было много вкусной еды, мужчины и не заметили, как вдвоем выпили почти полную бутылку коньяка, Николай Петрович, вроде уже и смирившийся с таким положением вещей, вдруг опять вспомнил, что дочь так и не вступила в законный брак. Он начал пенять Филиппу, говорить, что покойная жена не одобрила бы гражданский брак. Аллочки в этот момент не было в гостиной, она вышла в другую комнату – ей звонила подруга, поздравляла ее с днем рождения. Филипп неожиданно вдруг сделал такое предложение Николаю Петровичу:

– Уважаемый, Николай Петрович! Ну, посудите, сами, я – простой научный работник, и считаю, что я – не ровня вашей дочери, она уже давно защитила кандидатскую диссертацию. Вот, если бы я тоже смог защитить диссертацию, то тогда бы я официально сделал Аллочке предложение, и мы

бы заключили законный брак.

Николай Петрович от неожиданности растерялся, ему и в голову не могло прийти, что Филиппа останавливает такая, как ему казалось, ерунда. Учитывая, что Николай Петрович выпил приличное количество коньяка, он был очень красноречив и напорист, пытаясь убедить Филиппа, что для Аллочки наличие кандидатской степени вовсе ничего не значит. Но будущий зять стоял на своем, доказывая, что для него статус очень важен.

– Филипп, но ведь тогда тебе надо взять серьезную тему, потом долго работать над ней, здесь быстро не получится. Мне-то вообще казалось, что у тебя нет склонности к научной деятельности, за три года работы в нашей лаборатории ты же фактически ничем не занимался, а я на это закрывал глаза (выпитый коньяк помогал Николай Петровичу быть откровенным).

Но эти доводы вовсе не смутили Филиппа, он выслушал их с усмешкой и сказал:

– У меня другое предложение. Вы же сами только что сокращались, что вам спустили сверху директиву – сократить штат лаборатории. Так увольте в числе прочих Лику Журавлеву, а я воспользуюсь ее результатами. Она смогла нейтрализовать белок этого нового, не изученного еще вируса, помните, она докладывала на семинаре. Тогда над ней еще все посмеялись, что она замахнулась на такую задачу, над которой бьются серьезные ученые. Так вот, я зря время не

терял, следил за ней, и точно могу сказать, что она провела лабораторные исследования и доказала, что ее теория подтвердилась. Прикиньте, это просто открытие, этого хватило бы даже на докторскую диссертацию, но я буду скромным, мне хватит и кандидатской.

Николай Петрович от такой наглости Филиппа начал трезветь.

– Но, Филипп, это же нечестно, как я уволю такую талантливую девочку, да еще и позволю тебе воспользоваться результатами ее работы. Это пахнет преступлением, это же плагиат в чистом виде. Да, и вообще, я не понимаю, как ты сможешь разобраться в том, что она сделала.

– Легко, во всем я разберусь. Она сама облегчила мне задачу, помните, тот доклад, что она делала на семинаре, наверняка, он есть в ее компьютере. Правда-(Филипп вдруг задумался)– она с собой все время таскала принесенный из дома ноутбук, брала, чтобы вечерами дома работать, вдруг у нее только там ее доклад. Лика не любила работать на большом стационарном компьютере, а ноутбук, кажется, последнее время я не видел на ее рабочем столе. Но зато, у нее на столе всегда лежит папка с записями того, что она делает, эту папку она и в экспериментальную лабораторию таскала, там есть все, что надо, -(успокоил себя Филипп)– но, а в чем я не смогу разобраться, надеюсь на вашу помощь.

Николай Петрович пытался еще вяло сопротивляться:

– Филипп, Журавлева, наверно, расстроится, если я ее

уволю, жалко девочку, она с таким энтузиазмом работала, сейчас таких работников практически не существует.

– Николай Петрович, вот насчет Журавлевой вам точно беспокоиться не надо, она – девушка действительно умная, за свою жизнь сделает не одно открытие, от нее не убудет, если одним поделится с не очень умным сотрудником.

Так самокритично, уже окрепшим голосом, заключил Филипп. Он почувствовал, что Николай Петрович уже не так категорично отрицает его предложение, и продолжал добавлять:

– Я прекрасно изучил Журавлеву, три года проведя с ней в одном рабочем кабинете, и наперед знаю, как поведет себя Журавлева. Поэтому, Николай Петрович, уверяю вас, Лика совершенно спокойно отнесется к увольнению, причем ей будет гораздо легче найти себе работу, чем какому-либо другому сотруднику, ее с удовольствием возьмут в любой профильный институт. А я, когда защищу диссертацию, у меня изменится статус, буду себя чувствовать достойным вашей дочери, мы сразу же отправимся в загс. Создадим прекрасную семью, и у вас появятся замечательные внуки.

– Перспектива стать дедушкой окончательно заставила Николая Петровича сдаться. Он тихо, почти шепотом еще раз спросил:

– И, что, ты точно женишься на Аллочке?

– Слово мужчины, я же сам вам это предложил.

Николай Петрович на некоторое время задумался, и уже,

кажется, испугавшись, что такая перспектива может сорваться, тревожно переспросил:

– Филипп, а что, если Журавлева заберет с собой все свои записи теории и результаты лабораторного подтверждения?

– Да, ни в коем случае, я-то ее характер за три года изучил. Я просто уверен, что она с собой не заберет ничего, даже личных вещей.

Вспоминая эту сделку, заключенную с будущим зятем, а вернее сказать, с дьяволом, Николай Петрович еле плелся в тесном потоке машин. Он ехал не к себе домой, а к дочери, чтобы там переговорить с Филиппом, узнать, удалось ли раздобыть материалы Журавлевой. Свою часть договора он выполнил, уволив девушку. Надо сказать, нелегко далась Николаю Петровичу эта задача. Прошло два дня с этого момента, а его самочувствие становилось все хуже, очень поднялось давление. Вот и сейчас Николая Петровича преследовала тупая боль в затылке, давило виски и глаза, бешено колотилось сердце, причем, выпитые за день таблетки, вовсе не помогли.

– Но, ничего (успокаивал себя Николай Петрович), даже если не удастся выполнить волю жены, все равно, напишу заявление об уходе на пенсию, и буду на даче спокойно доживать старость.

Размышляя о том, как он будет проводить время, когда уйдет с работы, Николай Петрович немного успокоился, и не заметил, как, наконец-то, добрался до дома, где жила его

любимая Аллочка.

– Ой, папочка, как неожиданно, почему ты не предупредил меня, что заедешь? Не целую, боюсь измазать тебя в помаде.

– Как, а разве Филипп, не сказал тебе, что я приеду, мы с ним договорились встретиться, нам надо переговорить.

– Папуля, я очень рада с тобой повидаться, давай поужинаем вместе, а с Филиппом вы можете выяснить рабочие моменты и в институте, что вам, там времени не хватает? Филя, иди скорей встречай гостя, папа, оказывается, к тебе пришел.

Алла обратила внимание, что у отца какое-то очень нездоровое, красное лицо. Он и так бывал обычно румяным из-за повышенного давления, (врачи говорили, что если постоянно держится такое давление, то это – не страшно, главное, чтобы оно не скакало). Но сейчас лицо у него было просто малиновое, причем с нехорошим синюшным оттенком, явно, что давление выше обычного.

– Папуля, ты нормально себя чувствуешь? Что-то ты слишком разругмянился.

– Ничего, не волнуйся, Аллочка, сейчас выпью таблетку, похоже, и правда, поднялось еще больше мое повышенное давление. Будь добра, принеси мне стакан воды, чтобы запить таблетку, прямо сюда в прихожую.

Николай Петрович грузно опустился на банкетку, он чувствовал, как наливаются ноги, начала кружиться голова. Он

принял сразу две таблетки от давления, жадно выпив полный стакан воды. Из комнаты донесся веселый голос Филиппа:

– Николай Петрович, где же вы, я вас жду в гостиной.

Николай Петрович с трудом поднялся и шаркающей походкой направился в комнату.

– Аллочка, ты пока похлопочи в кухне, приготовь ужин, а нам с Филиппом надо переговорить по рабочим делам, тебе это будет неинтересно.

Алла послушно оставила мужчин одних. Сейчас, видя состояние отца, ей не хотелось ему возражать. Когда дверь за ней закрылась, Николай Петрович с ходу недовольно обратился к Филиппу:

– Ну с, молодой человек, как вы мне объясните, что два дня, после того как я уволил Журавлеву, я бегаю за вами, и не могу застать вас на рабочем месте. Куда ты, Филипп запропастился, надеюсь ты заполучил бумаги Лики, почему ты мне ничего не сообщил? Я вынужден был тебе звонить по телефону и договариваться о встрече здесь, в квартире дочери. Как ты не понимаешь, что Аллочка не должна ничего знать о нашем договоре.

– Николай Петрович, мне не удалось раздобыть материалы Журавлевой, она все забрала с собой – сокрушенно произнес Филипп.

Николай Петрович опять от волнения перешел на «вы»:

–Выходит, то, из-за чего я уволил Журавлеву, можно сказать, совершил должностное преступление, оказалось на-

прасным. Вы не удосужились выполнить свою часть договора, не смогли получить ее бумаги. Вы же сами убеждали меня, что самое главное – уволить ее, а завладеть ее работой вы сможете без труда, мол, она сама вам все оставит. Я, как последний дурак, вляпался в сомнительную авантюру, уволил талантливую девочку – и все – напрасно. Вам даже в голову не пришло, что надо подстраховаться, можно было, например, сфотографировать ее записи, не полагаясь на то, что она все бросит. Вы возомнили себя «инженером человеческих душ», решили, что вы заранее знаете, как Журавлева поведет себя, когда ее уволят.

– Николай Петрович, ну, не сердитесь, я и сам в шоке. Лика действительно повела себя не так, как я предполагал. Я же вам говорил, что она, уходя, не возьмет с собой даже своих личных вещей, так и получилось, она оставила на работе даже запасные ключи от своей квартиры. Единственное, что она прихватила, так это только свои труды (и по теории, и по экспериментам). Видно, девочка не так проста, как я о ней думал. И, скорее всего, она почувствовала ценность своего открытия. Дело в том, что в стационарном компьютере, она не оставила никаких следов, там нет ни ее доклада, который она делала на семинаре, и вообще она не оставила никаких записей по этой проблеме. Значит, все хранится в ее ноутбуке, который она тоже забрала. Папку с ее записями, которая всегда небрежно лежала на ее рабочем столе, Журавлева тоже прихватила.

– Господи, Филипп, ну зачем ты меня втянул в такую грязную историю. Теперь я до конца своих дней буду мучиться, мне уже вовсе и не хочется, чтобы моя дочь выходила за тебя замуж, я не хочу никаких внуков. А ты, я вижу, и не сильно расстроился, у тебя прекрасное настроение, ты же не совершал преступления, ты вышел чистеньким из этой ситуации.

– Напрасно, Николай Петрович, вы думаете, что я не переживаю, и ничего не предпринимал, чтобы исправить ситуацию. Вы даже не представляете, где я пропал эти два дня, когда вы меня искали. Если хотите знать, я, как, вор – домушник, пробрался в квартиру Лики, воспользовавшись ключами, которые она оставила на работе (еще на всякий случай я сделал дубликат ключей). Выследив, когда она уедет по своим делам, я вошел в ее квартиру, осмотрел буквально все – ни ноутбука, ни бумаг мне не удалось обнаружить (ее ключи я бросил в сумку Лики, она – такая растеряша, наверняка, подумает, что сама взяла их). И это еще не все, так как первый раз я очень спешил, не зная надолго ли Лика уехала из дома, я решил еще раз более внимательно осмотреть квартиру. На следующий день опять убедился, что она уехала, открыл дверь дубликатом ключей и еще раз более тщательно проверил, вдруг я первый раз не заметил то, что искал. Но к несчастью, опять поиски оказались безуспешными. Правда, в коридоре на комодке валялась долговая расписка, которая меня очень удивила. Дело в том, что Журавлева, как значилось в расписке, давала в долг миллион, да еще под

проценты. Странно, ведь правда?

– Филипп, ты что-то не в свои дела лезешь. Какое значение для нас имеет, кому и под какие проценты дает в долг Журавлева? К нашему делу это уж точно не имеет никакого отношения.

– Напрасно вы так думаете, Николай Петрович, это именно связано с тем, что мы ищем. Прикиньте, откуда у бедной сироты вдруг такие деньги. Я раньше выведал у нее, что живет она только на свою зарплату, а тут вдруг ее увольняют с работы, а она разбрасывается миллионами.

– Что-то я не очень понимаю, куда ты клонишь, Филипп.

– Ясное дело, Лика оказалась не такой уж простушкой, за которую себя выдавала. Она на порядок умнее нас, и продала свое открытие кому-то еще. Там сразу раскусили, что это – бомба, и расплатились с ней миллионами.

– Филипп, успокойся, ты фантазируешь. Даже если, кто-то понял, что она первая нашла способ, как нейтрализовать этот новый вирус, то это действительно важный аргумент, чтобы защитить диссертацию, но уж никак не способ заработать на этом миллионы. Наука у нас пока слишком бедная, чтобы Журавлевой предложили такие деньги. Тебе просто обидно, что твоя идея провалилась, вот ты и сочиняешь.

– А, что, если нашлась богатая частная фирма, или агенты промышленного шпионажа за ней охотились.

– Филипп, у тебя начинается просто бред. Предлагаю, давай забудем, как будто не было у нас никакого договора, жи-

вите с Аллочкой спокойно гражданским браком. Правда, я буду терзать себя мыслью, что уволил Журавлеву, но ты меня успокоил, по крайней мере, она не нуждается в деньгах, а на работу ее возьмет любой институт по нашей тематике.

На самом деле, Николай Петрович вдруг почувствовал, будто гора свалилась с плеч, стало необыкновенно легко. Он совсем забыл, что еще полчаса назад негодовал по поводу того, что все сорвалось, и Аллочка не выйдет замуж по всем правилам. Теперь ему стало казаться, что это – совсем, никому не нужная, формальность.

В это время в комнату вошла Аллочка, она поинтересовалась, как папа себя чувствует. Узнав, что все в порядке, предложила пройти в кухню, ужин уже готов. Ужин прошел в очень теплой атмосфере, как будто и не было тяжелого разговора с несостоявшимся зятем. Аллочка радовалась, что у отца заметно улучшился цвет лица, да и настроение, кажется, поднялось. Она про себя отметила, что совсем исчезла напряженность, которую она сразу отметила, когда папа только зашел в дом. Николай Петрович даже шутил в своей обычной манере. Аллочка предложила папе остаться у них на ночь, а домой поехать, завтра с утра, Николай Петрович охотно согласился. После чая решили перейти в гостиную, еще поболтать. Так было принято, когда отец оставался у дочери на ночевку, они обычно долго сидели в гостиной, обсуждая погоду, политику, рост цен, и еще, бог знает, что.

В этом году ранняя осень выдалась довольно холодной,

а так как центральное отопление еще не включили, то и в квартире было весьма прохладно. Чтобы комфортно провести время за беседой в гостиной, Аллочка предложила:

– Филя, не зря же мы с тобой купили электрический камин, включи его, нагрей немного комнату, а мы с папой немного посидим в кухне, кстати, я пока приготовлю фруктов к столу в гостиную.

Филипп направился выполнять поручение Аллочки, она склонилась над раковиной, намывая там фрукты. Тихо журчала вода в раковине, дочь весело мурлыкала, напевая себе под нос. Николай Петрович вдруг почувствовал приятное умиротворение, наполнившее каждую клеточку его тела, просто физически ощущалась необыкновенная легкость. Он радовался, что, слава богу, их афера с Филиппом сорвалась, и он опять – честный гражданин, ему не надо терзаться угрызениями совести. И, как показалось дочери, совершенно не к месту, неожиданно сказал:

– Аллочка, если я в чем и виноват, так это в том, что слишком любил тебя и твою покойную маму.

– Папуля, любви слишком много не бывает, а потом, почему «любил» в прошедшем времени?

И, не дослушав ответ, понесла вазу с фруктами в гостиную, на ходу приговаривая:

– Папуля, комната уже, наверняка, прогрелась, давай потихоньку перемещайся в гостиную, я тебе подготовлю твое любимое кресло.

Аллочка не видела, как в кухне отец встал из-за стола, собираясь идти в гостиную, но вдруг неожиданно зашатался. Падая, он пытался ухватиться за стул, который с грохотом упал. Николай Петрович сдавленно вскрикнул и тяжело осел, потеряв сознание. Когда дочь и Филипп, услышав странные звуки, вбежали в кухню, то увидели Николая Петровича, лежащим в неловкой позе на полу. Лицо у него было не красным, а белым, как мел, на лбу выступил пот.

С утра в субботу Лика первым делом бросилась к зеркалу, посмотреть, что осталось от вчерашних усилий косметологов, вдруг все исчезло, но очень обрадовалась, отметив: слава богу, все сохранилось. Там же при косметическом салоне была парикмахерская, в которую ей посоветовали записаться на сегодня, объяснив, что прическу надо делать непосредственно в день юбилея. До времени, на которое была записана Лика в парикмахерскую, оставалось два часа. Надо, не забыть позвонить Светлане, думала Лика, сообщить ей, что отмечать будут в ресторане, назвать его координаты.

Но с раннего утра начал трезвонить телефон, оказывается, бабушки и дедушки отлично помнят, что у них есть внучка. Так как они звонили очень редко, то разговоры с ними длились очень долго, они пытались компенсировать редкость звонков длительностью разговоров. Еще звонили сокурсники по университету, а также сотрудники ее бывшей лаборатории. Чудно, но они тоже помнили про ее круглую дату, на-

верно, потому что, она на каждый день рождения закатывала праздник, приглашая на него большую компанию, чтобы не быть в этот день одной. Лике казалось, что каждый, кто ее поздравлял, по привычке ждет, что она пригласит его в гости, может быть, ей просто так мерещилось, но она чувствовала разочарование в голосе каждого абонента.

А в этом году, несмотря на юбилей, ей не хотелось приглашать много людей, всем рассказывать, почему она ушла с работы, куда собирается идти дальше (этого она и сама пока еще не знала). Лика решила, что пусть в этом юбилейном году будет не так, как всегда – шум, куча народу, а, наоборот – тихо, приватно, только близкая подруга с мужем, да еще Светлана, которая попала в дурацкое положение с подарком. Надо только позвонить Светлане, сообщить, что встречаемся в ресторане. Но, как только Лика собиралась набрать номер Светланы, тут же раздавался звонок с поздравлениями. И Лика, совсем уж было отчаявшаяся, что когда-то удастся позвонить Светке, вдруг увидела, что при очередном звонке на ее телефоне высветилось, что звонит сама Светлана. После обычных поздравлений, а также после того, как Лика объяснила, в каком ресторане намечено встретиться, и к какому времени туда прибыть, Светлана приглушенным скорбным голосом вдруг спросила:

– Лика, а тебе поздравляли сотрудники нашей лаборатории?

– Да, почти все уже дозвонились, причем каждый не пре-

минул напомнить, что ты привезешь подарок от всей лаборатории, а в чем дело?

– А, они тебе ничего не говорили про нашего начальника?

– Нет, ничего не говорили, только, мне показалось, что у всех были какие-то напряженные голоса, я это списала на то, что меня уволили, наверно, они, как и ты, считают, что во всем виноват Николай Петрович. А он сам мне, слава богу, не звонил.

– Ли́ка, ты на всякий случай сядь, я тебе сейчас сообщу ужасную новость. Села, ну, слушай, вчера у Николая Петровича случился инфаркт, он умер.

На некоторое время Ли́ка потеряла дар речи.

– Как так – умер, три дня назад был такой румяный, пышущий здоровьем, – и вдруг – умер. Света, надеюсь, это – не глупая шутка, что случилось, вроде, он ничем не болел?

– Сама в шоке, хоть я его и недолюбливала, но, честное слово, не желала ему ничего плохого. Теперь чувствую себя, как будто виноватой, что все время ворчала на него. В принципе, он – нормальный мужик, намного лучше других начальников. Ли́ка, но это – еще не все новости, сейчас я тебе расскажу про Филиппа, это вообще – отпад.

– Светик, не пугай так, надеюсь, с Филиппом ничего плохого не случилось?

– Не волнуйся, Филипп жив, но, как ты думаешь, кем он является Николаю Петровичу? Даже не напрягайся, ни за что не угадаешь. Он, оказывается, все три года, что у нас прора-

ботал, жил с дочерью Николая Петровича, уж не знаю законным или гражданским браком. Подожди, знаю, он не ходил в загс, я это, в свое время, узнавала в отделе кадров, когда хотела сама его окольцевать (какая же дура я была). Слушай, но, как ему удавалось, три года это от нас скрывать? Вот, жушок, а у нас все выпытывал!

– Света, успокойся, какое нам до этого дело, пусть живет с кем хочет. Вот Николая Петровича действительно жалко, а когда случился у него инфаркт?

– Вчера после работы, когда он был в гостях у дочери. Это именно Филипп сообщил, откуда мы и узнали, кем он приходится Николаю Петровичу. Он сказал, что все произошло совершенно неожиданно, типа, ничего не предвещало. У них был обычный семейный ужин после тяжелой трудовой недели, Николай Петрович был немного усталый, но не более того. После ужина они собирались еще посидеть, поболтать, но вдруг Николай Петрович упал – и конец. «Скорая помощь» приехала мгновенно, но она только зафиксировала факт смерти. Слушай, Лика, мне самой становится просто страшно, не знаешь, что случится буквально завтра. Например, уж никто не мог ожидать, что тебя раз – и уволят. Да, и с Николаем Петровичем я столкнулась буквально за несколько часов до его смерти, когда уходила с работы. Он был совершенно живой, пожелал мне хороших выходных, сказал, что тоже скоро собирается домой. Кстати, прикинь, он мне еще велел, тебе передать поздравление с днем рождения от

него, как знал, что сам не успеет позвонить. А я-то подумала, что ему, видно, стыдно самому тебе звонить, вот поэтому он просит меня, передать тебе, все пожелания, и, чтобы следующее место работы оказалось для тебя более счастливым. Представь, так и сказал.

Света расплакалась. Потом стала извиняться, что портит настроение Лике в такой день. На этом попрощались и договорились встретиться уже в ресторане. Взглянув на часы, Лика поняла, что уже опаздывает в парикмахерскую, поэтому начала лихорадочно собираться. Светкины размышления, о том, как неожиданно все происходит, включили мозг Лики к более широкому развитию этих мыслей. Она стала думать, что ведь и правда, совсем не знаешь, что ждет тебя буквально за поворотом, тут же у нее в голове начала звучать песня Макаревича на эту тему, поэтому сворачивала в салон Лика именно под этот, привязавшийся к ней, мотивчик. Но, к счастью, в парикмахерской с ней не произошло ничего катастрофического, а наоборот, из салона Лика вышла очень даже хорошенькой.

До ресторана Лика решила ехать на такси, чтобы не заморачиваться со спиртным. Кстати, место празднования подруги выбрали не в центре, а на окраине Москвы, практически за городом. Первый раз они там были, когда Юлька отмечала новоселье, тогда она выбрала этот милый ресторанчик по отзывам в интернете. И, действительно, ресторан

им очень понравился. Он был небольшой, очень уютный, как раз для приватного времяпровождения. В нем играла живая музыка, и было какое-то сочетание, казалось бы, несовместимое, современного интерьера со строгой, немного помпезной классикой. Но именно это создавало неповторимый уют, кстати, кухня тоже была на высоте. В этом ресторане хотелось быть хорошо одетой, аристократично вести себя, танцевать, немодные сейчас, вальсы и танго (вопрос только, с кем, сердито подумала Лика). Когда Юлька узнала, что будет всего четыре персоны, то она мгновенно решила, что этот ресторанчик именно то, что надо.

Шофер такси сказал, что не знает, что это за ресторан, пришлось по интернету узнавать, как туда добраться. Дорога была не близкая, поэтому, пока ехали, у Лики было время поразмыслить, понять, что такое необычное с ней стало твориться, почему она вдруг купила новое платье, потащилась в парикмахерскую и косметический салон. Такая тщательная подготовка к совсем уж обычному событию, которое случается с ней каждый год, всего-то день рождения (ну, пусть даже юбилей), а она к нему готовится, как невеста к свадьбе. Еще она вспомнила, как дома вертелась перед зеркалом, разглядывая себя со всех сторон, такого раньше с ней точно не бывало. Причем, когда рассматривала себя в зеркало, поняла, что ей надо срочно худеть. А уж такая ерунда, и подавно, никогда не приходила Лике в голову.

– Что, если, чтобы похудеть, мне взбредет, начать есть

вместо своих любимых бутербродов какую-нибудь полезную спаржу, морепродукты или листья салата, как это делают длинные и тощие топ-модели. Да, теперь я уж и не знаю, чего от себя ждать – сокрушенно заключила Лика.

Здание, в котором располагался ресторан, было оформлено под старинную усадьбу. Чтобы войти в него, надо было подняться по широкой лестнице, с изысканной балюстрадой. Перед входной дверью была большая площадка, плавно переходящая в открытую террасу, идущую по всему фасаду, обрамленную такой же балюстрадой, что и лестница. Поскольку ресторан был расположен на окраине, его владельцам удалось окружить его небольшим сквериком, вся территория была за чугунной оградой. Между тем Лика уже подъезжала к ресторану. Еще из машины она заметила, что Юлька с мужем и Светлана почему-то стоят у входных дверей, ждут ее на улице, а не за столом. Она сначала удивилась, увидев, что троица мило разговаривает, будто хорошо знакомые; потом вспомнила, что, действительно, она их познакомила со Светкой на предыдущем дне рождения у себя дома. Рядом с гостями Лики стояли еще два незнакомых мужчины, видно, вышли проветриться. Приглядевшись, Лика в одном незнакомце разглядела брата Юльки – Андрея, второго она точно никогда не встречала раньше.

– Так, а это что еще за совпадения, почему Андрей здесь, не помню, чтобы я его приглашала – промелькнуло у Лики, когда она вылезала из машины.

Только она успела подняться по лестнице, как раздался оглушительный грохот – начался салют, небо осветилось яркими сполохами фейерверков. Лика про себя недоумевала:

– Что, Юлька с ума сошла, ведь она прекрасно знает мое отношение к фейерверкам, я их просто не переношу. А, что, если, услышав такой шум, сюда приедет полиция, не хватало еще в моем новом наряде и макияже оказаться в полицейском участке (хотя, кто его знает, может быть, все мои метаморфозы предназначались именно какому-нибудь участковому).

А неприятие фейерверков у Лики возникло еще в детстве, когда одной из ее подружек оторвало руку во время пуска, по-видимому, из «контрафактной» ракетницы. Лика на ухо прокричала Юле:

– Юль, ты же знаешь, я терпеть не могу эти фаер-шоу.

Хотя вокруг все гремело и светилось, Юлька тоже прямо в ухо Лике жалобно проверещала:

– Лика, прости, ради бога! Это мой брат и его начальник так решили тебя поздравить, видишь, стоят пуляют, я, честное слово, была не в курсе.

– Что за дела, какой еще начальник, я с ним не знакома, не приглашала его, кстати, почему здесь твой брат Андрей, да еще в нагрузку со своим начальником? С какой беды он поздравляет незнакомую девушку, причем фейерверками, буквально прошипела раздосадованная Лика. Юля, скажи мне правду, неужели ты затеяла весь этот балаган?

Неожиданно грохот стих, перестали взрываться гирлянды искр. Юля не успела еще ничего ответить Лике в свое оправдание, как вдруг незнакомый мужчина с Андреем потащили всех на террасу с криками:

– Сюда, сюда, это была артподготовка, главный фейерверк впереди!

И, неожиданно, как по волшебству, рядом с оградой сквера возникла горящая надпись:

– С днем рождения, Лика!

А сверху над горящей надписью начался грандиозный фейерверк, он был по-настоящему красивый, взрывался гирляндами искр, превращающийся в волшебные цветы, шары, причудливые фигуры. Причем все сменялось быстро, как в калейдоскопе, удивляя разнообразием красок и форм, и грохот был где-то вдалеке, совсем не такой оглушающий, как вначале. Все замерли, не понимая, как так получилось, вроде никто больше не пускает ракетниц в небо. Юлька и Светлана визжали от восторга, кричали, что очень красиво. Они начали выспрашивать мужчин, затеявших салют, как им удалось, так написать, вроде, ничего не предвещало. В это время Андрей подвел к Лике своего начальника.

– Лика, дорогая, извини, что не сразу представил тебе Владимира Владимировича, организовавшего поздравление с днем рождения.

Подошедший к Лике Владимир Владимирович, оказался вдруг, с непонятно откуда возникшим, огромным букетом

белых роз. Букет был таких невообразимых размеров, что за ним не было видно самого Владимира Владимировича. Лица протянула руку:

– Мне не остается ничего другого, придется знакомиться. Ну, а как меня зовут, вы, судя по горячей надписи, знаете. Не представляю, что сказать еще, наверно, как воспитанная девушка, я должна вас поблагодарить за поздравление. Но на будущее, позволю себе, дать вам совет: когда еще решите поздравить какую-нибудь девушку, поинтересуйтесь, тем, что она терпеть не может, тогда не получится так, как в этот раз.

Владимир Владимирович был мужчиной не робкого десятка, да и к девушкам, как ему казалось, знал подход – и вдруг такой прокол. Он не мог понять, что не понравилось Лике, всегда фейерверк и огромный букет действовали безотказно. А сейчас обычный набор не сработал, и он чувствовал себя неловко. К тому же, букет мешал ему поцеловать протянутую руку Лики, пришлось просто пожать ее. Ему, казалось, он даже покраснел, но совладав с собой, произнес:

– Лица, зовите меня просто Владимир, еще лучше Вова, мне как-то неловко, обращаться к вам Лица, а вы ко мне по имени – отчеству. Причем, когда при знакомстве произносятся – Владимир Владимирович, невольно сравнивают меня с известным тезкой, и я сильно проигрываю. Скажите, вам, правда не понравились ни фейерверк, ни букет?

– Если просите правду, Владимир Владимирович, то есть, Вова, скажу, как есть. Моя нелюбовь к фейерверкам идет из

детства, из-за них покалечилась моя школьная подруга, а чересчур большие букеты напоминают мне золотые цепи и малиновые пиджаки из 90-х, я считаю это китчем.

Видя, как расстроился Владимир Владимирович, Лика сжалилась и решила его немного успокоить:

– Но белые розы я, действительно, люблю, просто мне не нравится такое большое количество, представляете, если поделить на небольшие букеты (по пять – семь цветков), скольких девушек можно было осчастливить. Но теперь ваш ход, также честно, как и я, отвечайте, зачем вам все это понадобилось, поздравлять совершенно незнакомую девушку с таким цирковым набором подручных средств, чего вы добиваетесь?

– Хотел вам понравиться, надеялся, доставить вам маленькое удовольствие. Понимаете, Лика, Андрей мне сказал, что вы еще не дали ответ, согласны ли вы поработать у нас переводчицей. Представляете, я надеялся, что таким способом мне удастся ускорить принятие решения. Просто мне некогда искать, срочно нужен переводчик для работы с иностранными партнерами. А теперь я уверен, вы точно откажетесь работать с таким нетерпеливым, настырным начальником.

– Станный у вас подход, зачем мне нравится, вы же не замуж меня зовете, а на работу. Но можете успокоиться, я уже решила, что согласна у вас поработать, просто не спешила об этом сообщать. Но, что, представление кончилось, на-

деюсь, кроликов из шляпы вы не будете доставать? Уже все замерзли, давайте скорей к столу, там расскажете, как получилось, что вы перестали пулять, а получилось красивое, настоящее фаер-шоу.

Фейерверк закончился, продолжала светиться только горящая надпись. Светлана, Юля, Сергей и Андрей, с тревогой прислушивающиеся к перепалке Лики и Владимира Владимировича, наконец-то, облегченно вздохнули, обрадовавшись разрешению неловкой ситуации. Владимир Владимирович свой огромный букет передал Андрею, похоже совсем забыл про случившуюся неловкость, и галантно помогал дамам раздеваться в гардеробе. Юлька от восхищения даже вскрикнула, когда увидела подругу в новом наряде, видно, не зря прошли усилия парикмахера и косметологов.

– Лика, я никогда тебя такой красивой не видела – шепнула она на ухо подруге.

Лика думала, что придется менять стол, поскольку она заказала на четыре персоны, но, оказалось, что все уже предусмотрели, приборы стояли на большом столе для шести персон.

– Точно, они все сговорились, чувствую, это – Юлькины проделки, решила привести нам в компанию кавалеров. Но не устраивать же скандал, я и так с фейерверком всех отчитала.

Так думала Лика, пока все гости рассаживались за столом. Возникла неловкая пауза, все напряженно ждали реак-

ции именинницы. Но, когда заметили, что Лика, как будто не обратила внимания на то, что стол накрыт на шесть персон, расслабились, поняли, что с этим фокусом пронесло. И просто удивительно, как после такого скомканного начала праздника, потом вдруг неожиданно установилась теплая сердечная обстановка. Казалось, что за столом встретились люди, давно знавшие и любившие друг друга.

Наперебой, под хорошую закуску звучали веселые остроумные тосты. Лика не помнила, когда она так много смеялась, ей было действительно легко и хорошо, ей даже доставляло удовольствие общаться с, так неожиданно вторгшимся, новым знакомым, Владимиром Владимировичем. Он по-прежнему настаивал, чтобы она звала его Вовой, но теперь Лика категорически отказывалась, узнав, что он будет ее начальником. Когда заиграла живая музыка, и Владимир Владимирович пригласил Лику на танец, он ей стал доказывать, что сегодня просто необходимо звать его Вовой, ведь Лика еще не работает у него, иначе он и Лику будет звать по имени отчеству. Такая перспектива испугала Лику, не хватало, чтобы ее называли – Анжеликой Максимовной, и она нехотя уступила, но только на сегодняшний вечер.

– Ну, хорошо Вова, выдайте секрет, как так получилось, что вы с Андреем перестали пускать петарды, а начался по-настоящему красивый фейерверк и загорелась надпись с поздравлением, как вы устроили этот фокус?

– Просто это была работа профессионалов, которых мы

заказали. А что, разве раньше вас никто так не поздравлял, почему вы удивляетесь? Кстати, надпись до сих пор горит, хотите посмотреть, вон, ее видно из окна. Она сделана из горящих свечей, так что еще долго будет светиться.

– Нет, действительно, со мной такое в первый раз, вообще этот день рождения очень отличается от предыдущих, их я праздновала совершенно по-другому. Обычно, ко мне домой заваливалась огромная компания, мы веселились до поздней ночи. Сегодня мне звонили с поздравлениями мои друзья, мне кажется, они были разочарованы, уж точно не ожидали, что в юбилей я их не приглашу. Честно, я и сама не пойму, почему я так странно решила отмечать день рождения на этот раз.

– Может быть, вы не хотели в юбилей возиться с готовкой, ведь это столько забот, организовать стол для большой компании дома?

– Ну, вот уж нет, с этим я никогда не заморачивалась. Хозяйка из меня просто никакая, уж точно, пирогов к празднику я не пеку. Всю еду я заказывала в ресторане. Сейчас в ресторанах есть такая опция: они приносят заказанную еду со своей посудой, сами украшают стол, а на следующий день еще и убирают.

– Тогда остается один вариант – вы хотели со мной познакомиться, (домой -то я уж вряд ли бы к вам завалился). Лика, признавайтесь, я прав?

– Если рассуждать логически, поскольку, я уже приняла

решение поработать переводчицей, мы бы с вами, Вова, так или иначе бы встретились через пару дней. Так, что вряд ли из-за этого, быть может, только не удалось бы величать вас «Вовой». Скажите, Вова, а вы всех работников так подбираете с иллюминацией, стараясь понравиться?

– Честно, честно, первый раз, раньше я так делал только для девушек, в которых был влюблен, кстати, мне это всегда помогало. Просто сейчас у меня на работе сложилась сложная ситуация, я надеюсь, что меня может спасти только контракт с иностранными компаниями. А ради своей фармацевтической компании я готов на все, сейчас работа – моя главная девушка. Вы не поверите, я вчера сказал Андрею, что готов на вас даже жениться, если вы мне поставите такое условие.

– Как жаль, что я уже согласилась на работу, не зная, что можно поставить такое условие.

И Лика весело расхохоталась, а за ней рассмеялся и Владимир Владимирович. Очередной танец кончился, они за разговорами не заметили, что уже очень долго танцуют. Народ же за столом требовал именинницу, желая произносить тосты. Лика про себя отметила, что Светлана, узнав, что Андрей не женат, усиленно пытается очаровать его, ее не смущал даже небольшой рост Андрея. Получилось так, что за столом образовались как бы три пары: Юлька с мужем, Светлана с Андреем и третья пара – Лика с Владимиром Владимировичем.

Естественно, Юлька с мужем, как всегда, получали самое большое наслаждение не от компании, а друг от друга, они были счастливы, что им, в кои-то веки, выдалась возможность спокойно посидеть, потанцевать. Юлька шепнула Лике, что в танце сообщит Сергею о своей очередной беременности (вот, будет сюрприз). Вторая пара это – Светлана и Андрей.

– Чудны дела твои, господи, казалось бы, Андрей никак не подходит по габаритам этой дылде Светке, а он сидит такой довольный, похоже, ему нравится ее сексуальный напор. Не удивлюсь, если они после ресторана поедут к Светке домой, скорее всего, ночевать они будут вместе.

Так, про себя, с некоторой долей зависти к тому, что так легко Светлана готова пробовать с человеком, которого узнала только сегодня, грустно думала Лика. Ей было жалко, что она бы точно так не смогла.

Ну, а третья пара вырисовывалась это – Владимир Владимирович и Лика (она решила, что так получилось по остаточному принципу, потому что ему уже не из кого было выбирать). Он добился того, что хотел – Лика согласилась поработать у него переводчицей, а теперь она его вряд ли интересует. Ей, казалось, странно только, почему он сразу не ушел, когда узнал, что дело в шляпе. И продолжает развлекать ее и веселить, постоянно танцует с ней, наверно, просто из благодарности, или хорошо воспитан.

В общем, вечер прошел просто отлично, Лика о таком дне

рождения и не могла мечтать. Небольшой казус вышел только, когда стали собираться по домам. Официант счет принес почему-то не Лике, а Владимиру Владимировичу, и он очень быстро, не успела Лика и слово вставить, как оплатил счет. Лика пыталась, было протестовать, но Владимир Владимирович, произнес убедительную речь: типа, во-первых, его и Андрея никто не приглашал, во-вторых, они проштрафились с фейерверком, не зная, что именинница его не любит, потом вышел прокол с букетом, и еще привел кучу причин, почему платить должен он. На трезвую голову Лика, наверняка, нашла бы веские контраргументы, но поскольку тостов было очень много, причем таких красивых, за которые, грех не выпить – она не смогла парировать.

Когда вышли на улицу, чтобы ехать домой, оказалось, что, уезжать все будут тоже парами. На улице уже ждали три, заказанные машины. Лика, которая все привыкла делать сама, не могла понять, когда успели вызвать такси. Как и предполагала Лика, Светлана с Андреем на одном такси едут к Светлане, на другом – Юля с Сергеем тоже спешили к своим девчонкам, а третья машина была заказана для Лики. Но поскольку у нее было много вещей (подарки, букеты, и, главное, этот здоровый букет, для которого можно было заказывать отдельный транспорт) Владимир Владимирович сказал, что поедет с ней, поможет все занести в квартиру. В ресторан он приехал на личной машине, но поскольку хорошо выпили, за руль садиться было нельзя, Владимир Владимирович

решил машину оставить, приехать за ней завтра. Лика чувствовала, она не догоняет, все идет по накатанной колее, из которой она не может выбраться, а, может быть, не хочет.

И вот, когда Владимир Владимирович, наконец, перетаскал все вещи и этот злосчастный букет в ее квартиру (кстати, пришлось искать ведро, чтобы его поставить), Лика просто, чисто, из вежливости, не рассчитывая, что он согласится, предложила ему выпить чашечку кофе. Такое впечатление, что он только этого и ждал, потому что поспешно, с радостью согласился. Надо сказать, честно, обрадовалась и Лика, ей так не хотелось, чтобы прекрасный вечер кончился. Она сварила кофе в кофе-машине, они сначала выпили кофе, потом откуда-то, как кролик из шляпы, появилась бутылка «Шампанского», Владимир Владимирович сказал, что на прощанье надо выпить на брудершафт. Но и, казалось бы, Лика должна была с гневом отвергнуть это предложение, но что-то пошло не так, и она согласилась.

– Подумаешь, ничего страшного, ведь я и так целый вечер называю его Вовой, ну, будем сегодня еще и на «ты», успокаивала себя Лика.

Но то ли, «Шампанское» ударило Лике в голову, то ли давно с ней рядом не было мужского плеча, последнее, что она еще с трудом контролировала, был поцелуй на брудершафт, который погрузил ее в пучину страсти. Случилось то, чего Лика не могла от себя ожидать. Она отдалась мужчине, которого знала всего несколько часов, отдалась без сопротивле-

ния, наоборот, кажется, проявляла инициативу, может быть, впервые ей этого так нестерпимо хотелось. И было так хорошо, как никогда не было раньше.

Утром, проснувшись, когда Лика ощутила у себя под головой крепкое мужское плечо, о котором она уже два или три дня страстно мечтала, она с ужасом поняла, что утро – не вечер, сейчас все будет по-другому. Она украдкой посмотрела на спокойно спящего Вову, нет сегодня он – уже точно не Вова, а ее будущий начальник – Владимир Владимирович, правда, фамилии его она не знала. И вот именно то, что она не знает даже фамилии мужчины, с которым провела ночь и проснулась в одной постели, добавило в эту «картину маслом» еще больше черных красок. Лика думала, как будет неловко и некрасиво, когда он проснется, увидит рядом с собой незнакомую женщину, может, он сразу не узнает ее, и не поймет, как он здесь очутился. Она лежала, боясь пошевелиться, чтобы не разбудить его, не зная, как высвободиться из этой неловкой позы, в которой она проснулась – голова у него на плече, он как бы слегка обнимал ее во сне, а тела так плотно прижимались друг к другу. Уж хоть бы он пошевелился, или захрапел, тогда будет повод высвободиться из этих объятий, которые принадлежали вечеру, но никак не отрезвляющему утру.

В такой позе Лика пролежала не меньше получаса, вспоминая, как вчера считала, что только Светка способна пере-

спать со слабо знакомым мужиком, а, оказалось, что в этом нет ничего сложного, вот – и она смогла. Вопрос только в том, как просыпаться, что в таких случаях говорят друг другу мимолетные партнеры. Может быть, я накручиваю, размышляла Лика, что, если у Владимира Владимировича это обычная практика, и он спит подряд с каждой подвернувшейся под руку легкомысленной девушкой. С другой стороны, он свободен, как мне показалось, хорош собой, обходителен, чувствуется, что у него большой опыт в амурных делах, вон, как быстро меня раскрутил. Но, тогда он должен знать, как просыпаться, что говорить в таких случаях. Значит, мне надо сделать вид, что я еще сплю, пусть просыпается первый, и сам выкручивается, заключила свои раздумья Лика. В это время Владимир Владимирович зашевелился, Лика использовала момент и высвободилась из его объятий, повернувшись на другой бок.

– Лика, ты еще спишь?

сонным голосом произнес Владимир Владимирович. У Лики заметались мысли, не зная, что ответить, наконец шепотом она еле-еле выдавила:

– Начинаю просыпаться, сейчас еще немного полежу, посмотрю интересный сон.

Господи, что же я такое несу, думала Лика, какой еще сон, они мне в жизни не снились. Между тем, она краем глаза из-под одеяла, увидела, как потянувшись, Владимир Владимирович начинает, не стесняясь, как ни в чем небывало, вста-

вать. Спокойно, как у себя дома, натягивает на себя трусы, и обращается к ней:

– Дорогая, ты еще лежи. А я пойду на кухню, сварю кофе, если, конечно, найду, где у тебя хранится турка. Принесу тебе завтрак в постель.

Наклонился, чмокнул Лику в щеку, как будто они супруги уже много лет, и спокойно отправился на кухню, начав там грохотать посудой.

– Интересно, он совсем не помнит, что вчера я ему варила капучино в кофе-машине, зачем ему понадобилась турка? Слава богу, если все же обязательно нужна турка, то она тоже имеется, стоит в кухне на видном месте, ее в качестве сувенира привезла из Стамбула Екатерина Михайловна. Кстати, сказал, «ты еще поспи», а сам грохочет, как слон в посудной лавке, можно подумать, что не кофе варит, а танки выпускает, ворчливо думала Лика.

Используя этот грохот, как прикрытие, она на цыпочках прокралась в ванную, быстро почистила зубы, кто знает, вдруг последует продолжение и Владимир Владимирович еще надумает целоваться (оказывается, втайне она надеялась на это).

Через некоторое время Владимир Владимирович, как был, в трусах, правда, сверху одел еще фартук Екатерины Михайловны, торжественно внес поднос с завтраком в спальню. Удивительно, он совсем не смущался, вел себя так естественно, как будто эту процедуру он совершал каждый день.

– Ли́ка, доро́гая, ты уже досмотрела свой интересный сон? Признайся честно, наверняка, я был там главным действующим лицом? Уж не обессудь, завтрак далеко не королевский, все, что удалось найти у тебя в холодильнике, так только – ветчина и сливки, поэтому тосты с ветчиной и кофе со сливками. Да, кстати, вчера я, видимо, очень волновался – (про себя Ли́ка хихикнула, когда услышала, как он заливаает, про волнение) – совсем забыл про клубнику к «Шампанскому», которую я прихватил из ресторана, зато сегодня клубника весьма кстати.

И Владимир Владимирович поставил поднос прямо перед лицом Ли́ки, которая вынуждена была сесть в кровати, натянув на себя одеяло до подбородка. Она, обычно, такая находчивая, совершенно не понимала, что нужно говорить в такой ситуации, поэтому вела себя просто, как глухонемая. Теперь Ли́ка поняла, почему на кухне стоял такой грохот: Владимир Владимирович (про себя, для краткости, она уже стала называть его Вовой) нашел на кухне вещи, которые Ли́ка никогда не использовала в повседневной жизни, после смерти родителей они так и хранились ненужным хламом. Например, этот вычурный поднос, для таких вот завтраков в постели, а еще хлеб для бутербродов он подсушил в тостере, который Ли́ка тоже никак не использовала. Ли́ка поняла, что ее очень смущает вид Вовы в трусах, поэтому, вспомнив, что у нее есть совершенно новый мужской махровый халат, она судорожно начала соображать, как поделикатнее предложить его

практически раздетому случайному партнеру. Наконец она решилась:

– Владимир Владимирович, то есть Вова, у меня для вас, то есть для тебя есть подарок, если ты закроешь глаза, и пождешь минуточку, я тебе его принесу.

Лица, быстро, не дождавшись возражений, отодвинула поднос и выскользнула из постели. Не успел Вова сообразить, к чему все это затеяла Лица, как она вернулась сама, одетая в прекрасный махровый халат, и протянула ему такой же, упакованный в коробке. Видно, сыграл эффект неожиданности: Вова стал послушно распаковывать подарок, затем одевать его – халат оказался ему в пору, и он действительно был очень шикарный, Вова выглядел в нем, как-то уж очень пафосно. Лица расхохоталась:

– В таком виде надо есть рябчики и ананасы на завтрак.

Удивительно, как сразу изменилась обстановка, Лица перестала чувствовать скованность, зато Вова, кажется, в трусах ощущал себя куда, как более свободно. Эти халаты тоже привезла ее вторая мама из Ирана, причем она привезла их в комплекте – мужской и женский, Екатерина Михайловна сказала, что это тебе и твоему будущему мужу. Свой Лица одевала всего несколько раз, слишком уж он был шикарный, не для повседневной жизни, а мужской, так и лежал в нераспечатанной упаковке в шкафу. Когда у Лици жил Игорь, ей и в голову не пришло, подарить ему, а вот сегодня она как-то сразу об этом халате вспомнила. И они оба, в красивых

халатах, удобно устроившись на постели, приступили к завтраку. Кофе, сваренный в турке, показался Лике удивительно вкусным, не сравнить с тем, что делала кофе-машина, о чем она не преминула тут же сообщить Вове.

– Лика, не догадываешься, для чего я это все делаю? Ну, ладно, подскажу – для того, чтобы соблазнить тебя.

– А разве вчера ты не соблазнил меня, или мне все это приснилось в моем хорошем сне?

– Вчера не считается, все-таки мы прилично выпили, а мне хочется этого на трезвую голову. Лика, дай мне, пожалуйста поднос, ну, что ты в него так вцепилась.

– Осторожно, сейчас прольется кофе – заверещала Лика.

Она держалась за поднос, как за соломинку, до конца, еще не понимая маневра Вовы, но уже внутри зрело предчувствие-ожидание повторения вчерашнего безумства. Отпуская поднос, напоследок, Лика зачем-то успела схватить и засунуть в рот в огромную клубничину. Вова поставил поднос на тумбочку, сбросил халат и набросился на Лику, освобождая ее от одежды и целую ее рот, набитый клубникой. То ли клубника сделала поцелуй таким сладким, но после этого поцелуя Лика была готова на любые безумства. Ее уже во все не смущало, что на дворе не вечер, как вчера, а довольно позднее утро, в окно, с незанавешенными шторами светит неяркое осеннее солнце, что она – абсолютно трезвая, и по-прежнему не знает фамилии своего партнера. Нет никаких оправдательных причин, и она ведет себя просто, как

девушка легкого поведения, но ее уже ничего не останавливало. Она опять, также как вчера вечером, второй раз в жизни почувствовала себя настоящей женщиной, поняла, что такое страсть и желание. Ей было совершенно наплевать, что, возможно, это – последний раз, что завтра они с Вовой будут совершенно чужие люди, он – просто начальник, а она – временная переводчица, но это будет завтра, а сегодня – ее еще никто не делал такой счастливой. Лика ощутила внутреннюю свободу, никакого стеснения, она не только полностью отдавалась во власть партнеру, но и, проявляя инициативу, вела его за собой туда вперед, к достижению вершин наслаждения.

Самое удивительное, когда все кончилось, и они лежали, тесно прижавшись друг к другу разгоряченными телами, совершенно нагие, и эту картину ласково освещало осеннее солнце, Лике совершенно не было стыдно. Она вспоминала, как ей было неловко утром, когда она проснулась. Сейчас она подумала, что, все страшно первый раз, а второй – вроде, уже так и надо. Было немножко горько, что сегодня – последний день, но она себя утешала тем, что хорошо, что вообще это случилось, а то могла прожить всю жизнь, и не узнать того, что ей довелось испытать за неполные сутки. Еще Лика недоумевала, как так, она читала в книжках, да и сама верила, что высшее наслаждение в сексе можно испытать только, если у тебя настоящая любовь, а со случайным партнером – невозможно. Но тут же догадалась, типа, в школе еще учили,

что у каждого правила есть исключения, видно, такое исключение и с ней приключилось. Она краем глаза посмотрела, что-то Вова молчит, может, вздремнул, но оказалось, что он лежит с открытыми глазами, тоже о чем-то думает. Наверно, думает, как бы поделикатнее расстаться, сказать, что «сказочке пришел конец». Надо бы его успокоить, сказать, что я ни на что не рассчитываю, мне от него ничего и не надо. В это время в квартире раздался звонок в дверь.

– Лика, ты ждешь кого-нибудь?

Лика замотала головой, типа нет, не жду.

– Тогда, если ты не возражаешь, я открою.

Вова накинул халат и пошел открывать дверь. Лика тоже одела халат и села на кровати, она недоумевала, кто бы это мог быть. Из коридора до нее долетали обрывки разговора, она не поняла, в чем там дело, ей даже показалось, что она слышит голос Игоря. Лике было приятно, что в кои-то веки ей самой не надо выяснять, кто и зачем пришел – сегодня у нее для этого мужчина. Она взяла поднос и стала уплетать клубнику, запивая остывшим кофе. Наконец входная дверь хлопнула, и в комнату вошел Вова с корзиной цветов.

– Лика, это тебе цветы, не от поклонника, а друга, он очень настаивал на том, что он – только друг, чтобы я ничего такого не подумал. Зовут его Игорь, сказал, что ты спасла ему жизнь. А вчера он не пришел, потому что боялся тебя беспокоить в день рождения. Почему-то мне показалось, что он меня очень испугался. Ты поняла от кого «цветы запоз-

далые»?

– Да, поняла, это – мой «бывший». А испугался он тебя потому, что несколько дней назад у него были какие-то проблемы, он хотел перекантоваться у меня в квартире некоторое время. Я ему отказала, сославшись на то, что у меня есть мужчина, ревнивый, как Отелло. Вот он, по-видимому, решил, что ты и есть – Отелло.

– Почему же он тебя благодарил, сказал, что ты спасла ему жизнь?

– Я помогла по-другому решить его проблему. Вова, я не понимаю, что за допрос, может быть, ты меня и ревновать еще начнешь?

– Я уже начал, а в ревности я просто страшен. Мой букет тебе не понравился, а какой-то «бывший», прикинувшись другом, приносит огромную корзину цветов, и ничего, ты его не отчитываешь, как меня вчера. Ладно, не пугайся, это я шучу. Теперь перейдем к серьезным вопросам. Лика, после того, что между нами произошло, я просто обязан на тебе жениться. Ты сразу согласишься или будешь думать?

Такого поворота беседы Лика не ожидала, она не могла понять, шутит Вова или говорит серьезно, поэтому судорожно начала соображать, что ответить, чтобы не выглядеть совсем уж доверчивой дурочкой. Пауза и так слишком затянулась, наконец, Лика решила продолжить разговор в шутиливом тоне:

– Мне надо серьезно подумать, ведь это такой важный шаг

для невинной девушки. Замужем я никогда не была, не знаю, что меня там ждет, тем более так сгоряча, нет, надо все обдумать.

– Лика, ты забыла, я похитил твою невинность, теперь у тебя нет другого выхода, чтобы спасти твою честь – ты должна выйти замуж, и только за меня.

– Вова, я удивлена, вроде, ты недавно только освободился от пут брака, и опять лезешь в эту петлю. Я слышала, что мужчины не очень-то стремятся жениться, обычно, об этом мечтают девушки.

– Но, оказывается, не все девушки, Лика, ты-то не ухватила за мое предложение.

Так они весело препирались еще некоторое время. Лика считала все это – ни к чему не обязывающем трепом, просто, надо же о чем-то говорить малознакомым людям, чтобы сгладить неловкость, которая бы обязательно возникла, если бы они молчали. А сейчас Лика чувствовала себя совершенно свободно, кажется, совсем забыв про утренние мучения, когда проснулась. Вова вообще не заморачивался, чувствовал себя, как дома. Когда принимал душ, он окликнул Лику, спросив, можно ли воспользоваться бритвой, которую он нашел на полочке в ванной.

– Да, конечно, это – бритва моего отца, которую, когда его не стало, я решила не убирать, так и оставила на своем месте. Видишь, как хорошо, тебе пригодилась.

Лика вспомнила, как Игорь настаивал, чтобы она убрала

все, что ей напоминало о родителях, но она, конечно, не стала его слушать. Свою бритву Игорь забрал с собой, когда они расстались, удивительно, он ухитрился не забыть ни одной своей мелочи, оставил только тапочки, потому что он их с собой не приносил, а ему их купила Лика. Когда он ушел, Лика выбросила эти тапочки, и, на всякий случай, купила новые (сейчас их одел Вова, действительно,годились). Странно только, что при такой педантичности Игорь забрал с собой ключи от квартиры Лики. Ее воспоминания прервал голос Вовы, выходящего из ванной комнаты:

– Лика, дорогая, у меня есть план – давай, сходим в ресторан пообедаем, я голоден, как волк, уверен, что и ты не прочь перекусить. Здесь поблизости от твоего дома, есть какой-нибудь заведение с хорошей кухней?

– Да, буквально в двух шагах есть неплохой ресторанчик, я обычно в нем заказываю себе еду на дом. Мне нравится, как там готовят, только предупреждаю, я – не гурман, не боишься, ориентироваться на мой вкус, это – большой риск.

– Я готов рисковать, мне теперь все равно придется подлаживаться под твой вкус, ведь мы будем вместе питаться всю оставшуюся жизнь. Тебе тоже надо присматриваться к тому, что я люблю.

Он опять не вылезал из этой, заезженной шутилой колеи, Лика заметила, что начала злиться. В конце- концов, пошутили – и хватит. Лика опять не знала, что и думать, ей казалось, что вот-вот все должно закончиться, Вова уйдет, и

она будет вспоминать то, что произошло между ними, как прекрасный сон. Как говорится, «долгие провода – лишние слезы», но отказаться от совместного обеда Лика опять не смогла.

Все равно, после того, что уже случилось, обед не повредит, тем более что есть очень хочется, а холодильник пустой – смело решила она.

– Ладно, тогда я быстро оденусь и приведу себя в порядок, а ты подожди в гостиной, кстати, там еще осталась клубника, доешь ее, пока я собираюсь.

Вышли из дома, как супружеская пара под руку, Лика про себя давилась со смеху от этого зрелища.

– Но, ничего, ресторан – нейтральная территория, на ней будет гораздо уместнее прощаться. Вот, что значит опытный человек, как хорошо придумал – успокаивала она себя.

Самое ужасное, Вова и за обедом продолжал вести разговор о женитьбе, вернее о замужестве Лики. Здесь она уже не сдержалась, и глядя на него в упор, с явным раздражением в голосе спросила:

– Вова, скажи мне, пожалуйста, у тебя что, такая манера, шутить про замужество со всеми легкомысленными особами, с которыми ты по случаю переспал?

Вову нисколько не смутил вопрос, поставленный ребром, наоборот, кажется, понравился, тем, что он может объясниться. И он спокойно отвечал, также глядя прямо Лике в глаза:

– Ну, во-первых, после того, как я развелся, ты – первая девушка, с которой я переспал, поэтому, наверно, со всеми, но «все» это – ты единственная. А, во-вторых, я вовсе не шу-чу, а говорю совершенно серьезно, я хочу на тебе жениться. Разве такими вещами шутят, неужели это непонятно?

Тут уж Лика совсем перестала понимать, что происходит. Она растерянно спросила:

– Разве так бывает серьезно? Мы знакомы меньше суток, ты же меня совсем не знаешь, вдруг я окажусь с несносным характером, может, вообще, я – баба-яга. Нет, необходим по крайней мере год, чтобы хорошо узнать друг друга, понять, подходим ли мы для создания семьи. Так быстро такие дела не делаются.

– Лика, вот поженимся, и будем узнавать друг друга, представляешь, как будет интересно, сколько нас ждет сюрпризов и открытий.

– Вова, тебе не кажется, что, может быть, лучше сначала получить все эти сюрпризы, а потом подумать, нужны ли они нам.

– Лика, дорогая, поверь опытному человеку, я уже был женат, будущую жену знал до этого несколько лет, разве это помогло? То, что до брака, это одно, а, то, что после, как говорится «в горе и в радости», это – совсем другая песня. Поэтому нет никаких гарантий, хоть ты год-два знаешь бу-дущую жену, хоть меньше суток – это лотерея, если повезет – сорвешь куш. Давай рискнем, мне почему-то кажется, что

нас ждет выигрыш.

– Странно, возможно, ты меня как следует не разглядел, я – не красавица, мужчины на меня не заглядываются. Постой, я вчера впервые ходила к косметологу и в парикмахерскую, наверно, от этого такой эффект. Вова, я не хочу, чтобы ты обманывался, косметика вся смывается, и я превращусь в девушку, на которую ты бы никогда не обратил внимания.

– Лица, что за такая низкая самооценка, ты – просто прелесть, не знаю, что там думают другие мужчины, а для меня ты именно та, которую я, может быть, ждал всю свою жизнь, как бы это пафосно ни звучало.

– А, вдруг ты мне не подойдешь?

– Я постараюсь, обязательно подойду, обещаю, честное слово. И что я говорю, я просто уверен, что я тебе уже подошел, такого секса, как с тобой, у меня не было никогда, а это самый главный признак того, что мы совпали.

– Вова, ты меня заставляешь краснеть, лучше объясни, чем же таким я тебе так понравилась, что ты срочно, как перезревшая девица, тянешь меня под венец? Помнится, при встрече я сразу начала скандалить с фейерверками, потом с букетом.

– Именно с этого момента ты меня и зацепила. Твоя такая необычная реакция на то, что так любят все женщины. Этот набор средств (фейерверк и огромный букет) я заготовил, чтобы убедить тебя срочно устроиться к нам на работу. Раньше это действовало всегда безотказно, поэтому ты

меня просто озадачила, когда так отреагировала на мои усилия тебя покорить. Дальше больше, видя, что я на все готов, вместо того чтобы придумать мне какие-нибудь невыполнимые условия, ты вдруг говоришь, что ничего не надо, я и так сама решила у вас поработать. Потом весь вечер, глядя на тебя, я ловил себя на мысли, что хочу тебя обнять, поэтому почти все время мы танцевали. Обнять-то я тебя мог во время танца, но теперь мне хотелось тебя поцеловать, поверь, со мной такое впервые. И я прихватил из ресторана клубнику и «Шампанское», надеясь, что удастся тебя поцеловать, честно, больше я не на что не рассчитывал.

– Стоп, дальше ты мне начнешь рассказывать, как я тебя соблазнила.

– Давай, теперь уже не будем выяснять, кто кого соблазнил, но только после этого я понял, что мне мало поцелуя. У меня появилось страстное желание жениться на тебе. Но вот, если бы сутки назад мне сказали, что со мной такое может произойти, ни за что бы не поверил, а теперь сижу и уговариваю тебя стать моей женой.

– Ну, и что же мы будем делать дальше?

– Очень просто, будем все время вместе, никогда не будем расставаться. Сейчас я еду к ресторану, в котором я с тобой познакомился, там у меня осталась машина. Забираю машину, на ней еду к родителям, обещал заехать к ним в воскресенье, вроде, у них пылесос сломался, надо отвезти в ремонт. Кстати, скажу им, что собрался жениться. Лика, можно я те-

бя сфотографирую на телефон, а то не поверят, что собрался жениться, а нет ни одной фотографии невесты. А вечером жди меня, ночевать приеду к тебе. Да, Лица, чтобы не говорила, что я тебя не предупредил, заявление в загс подадим прямо завтра.

– Вова, ты мне не оставляешь выбора, все решил за меня. Я к этому не привыкла, раньше я определяла сама, что мне делать. Но, как ни странно, чувствую, что новый поворот мне пока нравится. Как чудно получается, вчера в это время мы еще не знали друг друга, а сегодня уже планируем, как завтра пойдем в загс. Все-таки это плохо укладывается в моей голове.

– Вот-и хорошо, пока меня не будет, поразмыслишь, наведешь в голове порядок. Лица, все девушки мечтают стать невестой, выйти замуж, неужели тебе совсем этого не хочется?

– В принципе, нет, если уж только за тебя, Вова, ты меня так запугал, убедил, что ты и есть моя судьба, теперь я боюсь, если не выйду за тебя, вдруг упущу свое счастье. Кстати, с утра меня мучает вопрос, какая у тебя фамилия?

– Угадай с трех раз, имя-отчество – подсказка.

– Только не это, неужели Путин?

– Нет, не угадала, не буду тебя мучить, моя фамилия – Владимиров.

– Ну, слава богу, а то ты меня напугал, скажи, наверно, захочешь, чтобы я и фамилию на твою сменила.

– А как же, конечно, захочу, а как звучит твоя фамилия?

– Знакомьтесь, Журавлева Анжелика Максимовна. А бывшая жена меняла фамилию?

– Лику, ты долго будешь прошлое припоминать, я уже все забыл. А фамилию она не меняла, ей нравилась своя, говорила, что она из царского рода – Романова. И, давай договоримся, прошлое не вспоминаем, все с чистого листа. А то я как начну у тебя про Игоря выпытывать, еще про кого-нибудь, скажи, тебе понравится?

– Нет, наверно, не понравится.

– Тогда договорились, все, что раньше – не считается.

– Хорошо, у меня только есть еще одно опасение, не знаю даже, говорить тебе или нет. Понимаешь, всех моих родных, всех, кто мне дорог, бог забрал. Не боишься, что на до мной висит страшный рок, я иногда так думаю?

– Лику, ты рассуждаешь не как человек, получивший красный диплом по биохимии, а как темная деревенская бабка. А потом скажи, хоть одного мужа бог у тебя забрал?

– Нет, но у меня же их не было.

– Поэтому успокойся, все будет хорошо, я буду с тобой рядом, «пока смерть не разлучит нас».

Владимир произнес эту обычную фразу, но взглянув на Лику понял, что сморозил глупость, только подогрев опасения Лику. В это время они уже выходили из ресторана, Вова обнял Лику, поцеловал в губы, она тут же забыла обо всех тревогах, тесно прижавшись к нему. Вова проводил Лику до

подъезда, они постояли подождали такси, которое он заказал, чтобы ехать за своей машиной, и расстались до вечера.

Когда Лика поднялась в квартиру, ей показалось, что она просто опустела без Вовы. Удивительно, как буквально за несколько часов он так органично вписался, стал неотъемлемой частью квартиры, а теперь без него квартира просто осиротела. Лика поспешно одернула себя, что за мысли, еще немного и я не смогу без него жить. Этого нельзя допустить, неизвестно, что у нас получится, может, через день- другой он сам сбежит от меня, поймет, что я – совсем не та, какой ему показалась, и он сгоряча принял решение жениться на мне. Лика усилием воли пыталась заставить себя не думать о нем, но, как она не крепилась, не получалось.

Она решила отвлечься и позвонить Юльке, но никак не могла найти куда-то запропастившийся телефон. Обыскала все карманы, сумку – мобильника нигде не было. Хоть бы кто-нибудь позвонил, чтобы обнаружить пропажу. И тут Лике вдруг осенило, возможно, она потеряла телефон. Не может же быть, что ей за весь день никто не позвонил, да, точно, сегодня не было ни одного звонка. Лика стала вспоминать, когда она последний раз держала телефон в руках, и тут в памяти всплыла картина вчерашнего вечера. Когда только Вова разгрузил все подарки, и уже собирался уходить перед тем, как Лика предложила ему выпить чашечку кофе, он попросил обменяться телефонами, точно, она тогда доставала телефон, и они записали номера друг друга. Значит, телефон

в квартире, Лика вышла в прихожую и на комод, наконец, обнаружила пропажу. Глянув на телефон, Лика сразу поняла, почему не было звонков – мобильник был полностью разряжен. Только она подключила его к аккумулятору, едва он ожил, тут же раздался звонок, на экране высветилось – звонок от Юльки. Подруга возмущенно начала ее отчитывать:

– Лика, ты где, почему не берешь трубку? Я тебе звоню, не переставая с самого утра, а у тебя глухо, как в танке. Зачем ты отключила мобильник? Я уже волнуюсь, может, что случилось.

– Юль, успокойся, не отключала я телефон, просто он разрядился, а я не доглядела. Юль, я его только поставила на зарядку, давай через полчаса я тебе перезвоню. Мне самой хочется поговорить с тобой, рассказать, о чудесах, которые со мной происходят.

– Ну, подруга, заинтриговала. Лика, ты, самое главное, не тyani, как только телефон чуть зарядится, сразу звони, а то я с ума сойду от нетерпения.

Лика решила налить горячую ванну, полежать в ней, отмокнуть. Она любила так делать, когда надо было принимать какие-нибудь важные решения. Она считала, что это помогает и мозгу немного распариться, смыть все ненужное, оставить только то, что действительно имеет значение. Но в данном случае, какое решение она хочет принять, смешно, ведь она уже на все согласилась, завтра она идет в загс с женщиной, которого совсем не знает. Наверно, поэтому сегодня

ванна не привела мозг в умиротворенное состояние, способное принять правильное решение. Наоборот, он стал спорить сам с собой, приводя аргументы «за» и тут же «против». Poleмика выглядела приблизительно так:

– Лика, ты не права, ведешь себя, как глупая несмышленная девчонка, опомнись, пока не поздно. Ты же даже не знаешь, сколько ему лет, когда у него день рождения!

– Спокойно, Лика, ты уже узнала его фамилию, это – главное, со временем узнаешь и остальное.

– Ты же была всегда рассудительная, не делала опрометчивых шагов, а тут влезает прямо-таки в авантюру.

– А вдруг и правда, это – твоя судьба, прозеваешь ее, будешь кусать локти, будь смелей, учись рисковать.

– И что, ты ему веришь, неужели и, правда, думаешь, что смогла ему понравиться? Может ему от тебя чего-то надо, вдруг он каким-то образом узнал про твои миллионы.

В этом месте Лика решила прервать спор, ей стало неприятно, что такая мысль закралась ей в голову. Между тем, она из ванной слышала, как телефон в комнате просто разрывается от звонков.

– Устроили тут Смольный, надо вылезать, решила Лика, так и не приняв решения, за которым погружалась в ванную. Выйдя из ванной, она посмотрела на экран телефона, увидела, что звонила куча народу, в том числе: Светлана, конечно, нетерпеливая Юлька и, как ни странно, Вова. Интересно, что он ей хочет сказать, быть может, что не придет вечером.

Помучавшись, перезвонить ему или нет, набрала все же его номер.

– Привет, ты звонил? Слушаю тебя внимательно.

– Лика, мне нужен был твой совет. Когда я забирал машину у ресторана, мне пришла идея, заказать там еды нам на ужин. Вот, я и хотел узнать у тебя, чего бы тебе хотелось, но теперь уже поздно, я выбрал на свой вкус. А почему ты не отвечала?

– У меня телефон стоял на зарядке, а сама я отмокала в ванной.

– Ну, тогда все, подъезжаю к дому родителей. Лика, я уже скучаю.

Лика поняла, что ей очень хочется, чтобы последняя фраза Вовы была правдой. Облачившись в шикарный махровый халат, и удобно устроившись в кресле, понимая, что разговор с подругой будет долгим, набрала Юлькин номер.

– Господи, наконец-то, я думала, умру от любопытства.

И Лика, конечно, без интимных подробностей, но передала Юльке суть того, что с ней произошло за эти сутки.

– Ой, мамочки, Лика, я просто в культурном шоке! Как я рада за тебя, неужели правда, что вы в ближайшее время пойдете подавать заявление? Скажу тебе честно, я на вас смотрела вчера, когда вы танцевали, и мне уже тогда стало ясно, что между вами пробежала искра.

– Ну, насчет искры ты сильно сказала, конечно, ничего такого нет, просто мы решили поиграть в рулетку. Посмотрим,

чем это все закончится. Юль, сама лучше расскажи, как Сергей воспринял известие о твоей очередной беременности.

– Здесь – без вариантов, я и не сомневалась, конечно, рад. Говорит, нутром чувствует, что на этот раз будет пацан.

После разговора с Юлькой, чтобы как-то занять время, Лика решила разобрать подарки, которые Вова вчера вечером взгромоздил на стол в гостиной.

– Вот-так, сюрприз, огромная коробка от лаборатории это – кофе-машина. Неужели, они не помнят, что в прошлом году они уже подарили мне такую же огромную бандуру.

И Лика стала вспоминать, что вчера, когда Света вручала ей подарок от лаборатории, она говорила что-то такое, типа:

– В прошлом году мы тебе подарили не самую навороченную кофе-машину, зато в этом – последнее слово бытовой техники. А старую можешь выбросить, да и она, наверно, у тебя уже вышла из строя, а если не сломалась, отнесешь ее на новую работу, будешь варить кофе на рабочем месте.

Вчера Лика слушала все это, как в тумане, не усваивая, о чем речь, а сегодня ее обуял ужас, куда, прикажете, девать плодящиеся, как грибы, кофе-машины. Она представила, что если бы проработала в лаборатории еще несколько лет, то даже ее огромная кухня была бы заставлена этими автоматами, как кофейня. Получается, что увольнение Лики с работы, избавило ее еще и от возможности стать коллекционером кофе- машин, следить за ними, как они умне-

ют год от года. Это, кстати, веский аргумент, что пора было менять работу, а бедный Николай Петрович так волновался, когда увольнял ее. Тут Лика взгрустнула, вспомнив, что случилось с Николаем Петровичем. Опять накатили мысли, что совершенно не знаешь, что с тобой будет буквально завтра. Разве догадывался, увольняя ее, Николай Петрович, что через несколько дней с ним случится, да и Лика тогда не могла представить, что способна на приключения, как героиня авантюрного романа.

Чтобы сменить пластинку, она перешла к следующему подарку. Конечно, от любимой подружки был дорогуший набор красивого нижнего белья. Юлька, зная, что Лика сама не ходит по магазинам, всегда на дни рождения дарила ей последние новинки этой продукции. Лика еще смеялась, говорила, что никто, кроме зеркала, не сможет оценить эту красоту. А сейчас получается, что есть, перед кем красоваться в этом белье. Она тут же одернула себя:

– Мысли у меня стали какие-то примитивные, как у стареющей кокетки. Так, посмотрим, что же находится в коробке, которую подарил, Вова.

Лика вспомнила, как вчера, когда Вова хотел подарить этот подарок, она закричала:

– Неужели, фейерверк и огромный букет это – еще не все, может уже хватит подарков, я с ужасом жду еще какого-нибудь чуда.

Но это уже была середина вечера, веселье было в самом

разгаре, поэтому Вова разрешил эту ситуацию интересным ходом:

– Пусть, подарочная коробка это – черный ящик, что в нем неизвестно, и чтобы не портить вечера, именинница его откроет завтра утром, когда меня с ней рядом не будет, тогда она сможет возмущаться, сколько захочет.

Все засмеялись, женщины между собой высказывали предположение, что же там может быть, а Лика не заморачивалась, ей было все равно, хуже, чем фейерверк уже ничего не придумаешь. А сегодня она прикинула, интересно, на что же способна фантазия Вовы?

– Могу поспорить, на что угодно, там духи Шанель №5.

Лика развязала бант, распечатала подарочную коробку – там действительно была еще одна красивая коробочка, и в ней были духи – Chanel Coco Mademoiselle.

– Ну, практически угадала (только немного другой аромат), да, небогатая у Вовы фантазия, шаблонное у него представление о вкусах девушек. А уж угодить мне с моим особым пристрастием к запахам, это – вообще смертельный номер.

И Лика, так, для смеха, просто, чтобы еще раз убедиться в этом, вскрыла флакон и слегка смочила запястье духами. Через некоторое время она поводила рукой перед носом, удивительно, запах не раздражал ее обоняние, можно сказать, наоборот, он был ей приятен.

– Ничего себе, как я попала под очарование Вовы, даже

духи, подаренные им, мне нравятся. Нет, это надо срочно прекращать, так я себя потеряю, как личность. Я же ему понравилась именно тем, что не такая, как все, моя особая индивидуальность, а выходит, рядом с ним она пропадает. Но я же с ним собираюсь жить, а еще из биологии я помню, что симбиоз это – «сожительство двух организмов, приносящее взаимную пользу». А, это значит, что нельзя все время находиться в противоречии друг другу, где-то надо подлаживаться и под вкусы друг друга.

Успокоив себя таким образом, Лика решила, что надо иметь совесть, пора перезвонить Светлане, она уже сто раз звонила. А Лика все не могла собраться с духом, поговорить с ней. Она боялась, что Светка начнет выпрашивать ее, как закончился вечер, врать не хотелось, ну, а говорить правду – тем более. При первых же словах Светки у Лики отлегло: Светку вовсе не интересовала жизнь Лики, ей самой просто надо было поделиться эмоциями, которые ее одолевали после ночи, проведенной с Андреем. Похоже, ей Андрей очень понравился, поэтому, Светлана пыталась у Лики выпытать, все, что она о нем знает.

Хоть Лика Андрея знала с детства, но интересующих Светлану сведений, как раз у нее и не было. Она понятия не имела, с кем он раньше встречался, есть ли сейчас у него кто-то, и всякая такого рода ерунда, никогда Лику не интересовала. Тогда, Светка зашла с другой стороны – она попыталась уговорить Лику, узнать это у подружки, ведь она – род-

ная сестра Андрея. Здесь Лике тоже не хотелось, участвовать в роли сыскного агентства, поэтому она постаралась мягко убедить Светлану, что за чем, мол, той прошлое, не надо в нем рыться, у нее же планы на будущее. Кроме того, Лика сразу твердо отсекала попытки Светланы, узнавать от нее о поведении Андрея, ведь, они теперь вместе будут работать. Попыталась объяснить ей, что вмешательство третьих лиц всегда только вредит отношениям. Лика не поняла, обиделась Светлана или нет, но распрощались они по-хорошему.

Только она хотела положить телефон, раздался звонок от Вовы. Он спрашивал, согласна ли Лика приехать в гости к его родителям в следующие выходные. Они говорят, если он собрался жениться, необходимо познакомиться с невестой, не на свадьбе же знакомиться. Естественно, Лика согласилась, ну, как она могла отказать родителям. Вот именно в этот момент Лика поняла, что Вова не шутит, а все очень серьезно. Но, похоже ее это не спугнуло, а даже обрадовало, поэтому она вырядилась в подаренное белье, надушилась духами, и в таком виде пошла вертеться перед зеркалом.

– Ну, наконец-то, Вовочка приехал, иди, сынок, обниму тебя. Что так поздно, мы ждали тебя с утра. Володя, скорей встречай, Вовка приехал.

– Привет, мам, мы же в те выходные встречались, а ты, как будто сто лет меня не видела. Я приехал только из-за пылесоса, показывайте, что там с ним.

– Здравствуй, Вова, иди, и я тебя обниму. Ты, что за ерунду говоришь, из-за пылесоса приехал, мать тебя ждет – не дождется. Пирожков тебе любимых напекла, а ты – про какой-то пылесос.

– Ну, ничего, к обеду опоздал, зато поужинаем вместе. Мы, ведь, понимаем, как у тебя сейчас дел на работе много с уходом Миши. Небось, на работу и в выходной ездил? Ты, отец, не шуми, кто, кроме нас, сыну доброе слово скажет.

– Мам, не обижайся, но я не буду сегодня у вас ужинать. У меня сегодня ужин в другом месте, меня ждет невеста, а пирожки я возьму с собой, заверни мне их, пожалуйста. Так, давайте, лучше говорите, что там у вас с пылесосом, где он, а вижу – стоит в прихожей.

Вова тем временем быстро раздевается, берет пылесос, тащит его с собой в комнату, садится, и невозмутимо начинает разбираться, в чем дело. Родители в полном недоумении следуют за ним, они совершенно не понимают, что произошло с их сыном. Мама робко начинает допрос:

– Вовочка, какие-то у тебя шутки странные. В прошлые выходные, когда ты был у нас в гостях, ты клялся и божился, что тебя в брак теперь калачом не заманишь. Или мы что-то не так поняли? Объясни, что так резко поменялось.

– Действительно, мам, перевернулось все кверху дном. Сейчас я просто сгораю от желания, хочу жениться. Я встретил девушку, которую не могу упустить.

Здесь уже не выдерживает отец:

– И что приспичило прям так сразу жениться? Сейчас все, что тебе надо, можно получить и без женитьбы. Скажи уж честно, небось, вцепилась в тебя, поняла, что жених завидный, вот и напирает, а ты не сдавайся, повремени, посмотри, как дальше она себя поведет. Гляди, чтобы как с Мариной не получилось, ведь ты никогда ее не любил, а просто уступил ее напору. Вижу, Вовка, опять норовишь наступить на те же грабли.

– Да, не в этом дело, Володя, Вовка тогда женился на Марине только из-за этой аварии, в которой погиб наш младший сын Димочка. Она к нему до аварии как ни подкатывала, он на нее и смотреть не хотел. А Марина девка – красивая, Дима был в нее влюблен, а еще она очень нравилась Егору. Егор – это второй парень, который тоже был в этой машине, когда они втроем (Дима, Егор и Марина) попали в аварию. Ну, что я тебе рассказываю, ты сам-то что, ничего не помнишь.

– Маша, по-моему, ты сама уже все путаешь, причем тут авария? Какое отношение она может иметь к его женитьбе?

– Да, самое прямое, просто у нас было такое горе, что я тебе не рассказывала про эти тонкости, вы мужчины в них все равно ничего не понимаете. А дело было в том, что машину Диме дал брат Вовка, Дима был за рулем, он погиб на месте, а Егор сильно покалечился, он долго еще не мог ходить, Марина же внешне не пострадала, но сказала, что в этой аварии потеряла ребенка от Димы, и врачи ей поставили диагноз,

что больше она не сможет рожать.

– Хорошо, Маша, допустим все так и было, но причем здесь Вовка и его женитьба на Марине?

– А то, что Вова винил себя за то, что дал брату машину, он считал, что на нем лежит ответственность, что исковерканы судьбы трех людей. Он даже все эти годы по доброй воле оплачивал лечение Егора. А Марина воспользовалась этим, стала давить на жалость, плакала, говорила, кому я такая теперь нужна – вот он и женился, считая, не дай брату машину – был бы он жив сам и его ребенок.

– Постой, Маша, ты же сама сказала, что Марина нравилась Егору, поэтому Марина могла за него выйти замуж.

– Нет, вы мужчины ничего не понимаете в любви. Егор-то Марине не нравился и здоровый, а тут он стал инвалидом, конечно, он был ей не нужен и подавно, а на Вовку она запала, сразу, как в наш двор переехала.

Вова молча слушал разговоры родителей, между тем, про себя отметил, что, оказывается, мама все четко просекла, хотя никогда раньше с ним не заговаривала на эту тему.

– Mam, ты прям Санту-Барбару папе рассказываешь. Ладно с пылесосом все ясно – он приказал долго жить, поэтому немедленно еду, покупать новый.

– Вова, помнится, ты совсем недавно нам покупал этот, причем моющий, с множеством функций, сам говорил, что последней модели, к тому же японский.

– Во-первых, не так уж недавно, лет пять он вам прослу-

жил верой и правдой. Во-вторых, сейчас специально делают такие «одноразовые», чтобы чаще меняли, а в-третьих, техника очень быстро идет вперед, может, и правда, больше пяти лет нет смысла пользоваться старой.

– Вова, ну скажи маме честно, почему, непонятно откуда взявшаяся девушка, заставляет тебя срочно жениться, может, она уже беременная, а вдруг не от тебя?

– Мам, все – наоборот, это я вцепился в нее, как клещ, а она еще барахтается пытается вырваться, но я ее не упущу.

– Дорогие мои родители, не задерживайте меня, я очень спешу, мне надо еще заехать домой, взять кое-какие вещи отвезти Лике (так зовут мою невесту), кстати, вы меня даже не спросили, как ее зовут, не попросили показать ее на фото, а докапываетесь с какой-то ерундой.

– Вова, я чего-то опять не понял, ответь мне, как мужчина мужчине, почему ты едешь к ней, а не она к тебе? Что это еще за современный расклад. У тебя, слава богу, прекрасный дом, есть, где принять невесту, жену, а ты, как бомж, едешь на ее территорию.

– Пап, я собираюсь продать дом, поэтому, зачем приводить невесту туда, где мы не будем жить. У меня сейчас на фирме такое положение, что я просто вынужден выставить на продажу дом. Я уже уволил всех, кто следил за этим громадным домом, да, и задуматься, зачем он такой большой нужен, там куча комнат, в которых я просто никогда не бывал. Я его отгрохал, когда деньги лились рекой, куда-то надо

было их вкладывать. Но ты прав, меня тоже волнует вопрос, что женщину надо приводить в свой дом, а не заселяться на ее территории. Я об этом думаю, и когда продам дом, куплю квартиру.

– Вова, а по-моему, отец не прав, если такие проблемы с фирмой, зачем покупать еще квартиру, ведь, у этой твоей Лики есть квартира, что она очень маленькая?

– Нет, мама, как раз квартира у нее очень большая, вроде, комнат пять, но вот папа меня понимает, это будет ущемлять мое мужское достоинство. Ладно, смотрите фото, пока показываю, а то передумаю.

– Девушка, как девушка, только совсем молоденькая, сколько ей лет?

– Пап, наконец, ты стал задавать нормальные вопросы. Ей вчера исполнилось двадцать пять.

– А мне очень даже понравилась твоя Лика, хорошенькая, и видно, девушка умная и с характером. Вов, а ты хоть с ее родителями познакомился, они живут, случайно, не с ней?

– Мам, у нее нет родителей. Я даже боюсь затрагивать пока эту болезненную тему. Мне рассказал Андрей, он знает Лику с детства: ее мама умерла, когда она была маленькая, а потом отец и мачеха разбились в автомобильной аварии, но это где-то лет семь назад.

– Бедная девочка, что же она совсем одна?

– Выходит так. Слушайте, я никак не могу вырваться из ваших цепких лап, все бегу, скоро вернусь с новым пылесо-

сом.

Когда Вова уехал, родители еще долго обсуждали изменчивость мира, решили, что им уже не угнаться за быстро меняющимися событиями. Поэтому, надо не мешать ребенку, которому уж скоро исполнится сорок лет, пусть сам решает свою судьбу. И когда он вернется, надо обязательно сказать ему, что мы хотим пригласить Лику к нам, надо познакомиться.

Вечером Вова заявился в дом Лики с букетом из семи белых роз, с огромным количеством еды из ресторана и пакетом маминых домашних пирожков. Еще он притащил какой-то необъятных размеров чемодан. Пока он раздевался, Лика, как бы со стороны, наблюдала за ним, ее опять кольнула мысль, что здесь что-то не стыкуется, паззл не складывается. Интересно, зачем такому привлекательному, самодостаточному мужчине совсем обычная, не блещущая красотой девушка. Но она быстро отбросила сомнения, уж очень хорошо становилось в доме с приходом Вовы – он удивительным образом ухитрился заполнить собой всю пустоту этой огромной квартиры, где до его появления Лике было так одиноко.

– Вова, зачем еще один букет, посмотри повсюду цветы: букет от Юли, от Светланы, твой огромный монстр, который еле умещается в ведре.

– Как зачем, ты что, не поняла – я исправляю свои ошиб-

ки, стараюсь соответствовать твоему вкусу. Разве это плохо?

– В таком случае, ответный реверанс – Лика подошла поближе к Вова:

– Улавливаешь аромат? Я надушилась духами, которые ты мне подарил, и хочу сказать тебе – они мне очень понравились.

Вова притянул к себе Лику, делая вид, что изучает аромат, а потом опять так поцеловал, что она обо всем забыла, в виски стучало лишь страстное желание. Они тут же забыли про цветы, еду и чемодан, бросив все это в коридоре и, не сговариваясь, начали постепенно перемещаться в спальню, на ходу раздевая друг друга. Лика опять стала совершенно раскрепощенной, настоящей женщиной, не знающей преград для получения моментов наивысшего счастья, и щедро дарящей наслаждение партнеру. Потом, когда они обессиленные лежали на кровати, и Вова предложил вместе принять душ, Лика покорно согласилась. Для нее самой это было удивительно, потому что раньше она считала это пошлостью и дурным тоном. Когда Игорь пытался склонить ее к такого рода развлечениям, она отвечала ему, мол, зачем мыться вместе, будет тесно и неудобно. А сейчас с Вовой она стояла под душем, и ей было вовсе не тесно, наоборот, хотелось еще плотнее прижаться к его телу.

После душа вышли из ванной вместе в своих шикарных халатах. Одновременно они вдруг почувствовали страшный голод, ведь, с того времени, когда они обедали в рестора-

не, прошло несколько часов. Поэтому, вспомнив, что в коридоре лежат большие запасы провианта, привезенные Вовой, вместе бросились распаковывать и разогревать еду. Лика вдруг весело расхохоталась. Вова не понял, что ее так развеселило.

– Лика, что тебя рассмешило, скорее скажи, я тоже хочу смеяться.

– Я заметила, помнишь, как в детском стишке: «мы с Тамарой ходим парой», мы с тобой все делаем в четыре руки.

– Разве это плохо? Мы с тобой становимся настоящей семьей. Не забыла, напоминаю, завтра идем в загс. Так, завтра рабочий день, скорее всего, у меня получится выбрать время ближе к обеду. Немцы приедут во вторник, в принципе, завтра ты могла бы не выходить на работу. Но это, тогда мне придется за тобой приезжать домой, чтобы отвезти в загс, а потом обратно возвращать тебя. Да, боюсь, завтра у меня будет запарка, так что поедешь сразу со мной на работу. Там я дам тебе почитать материалы, чтобы ты была в теме, понимала, что мне от немцев надо получить.

– Вова, а зачем меня развозить? У меня своя машина есть, я подъеду, куда скажешь, в назначенное время.

– Нет, я боюсь, что ты сбежишь, поэтому я должен этот процесс держать под контролем. Помнишь, знаменитый американский фильм с Джулией Робертс – «Сбежавшая невеста»?

– Нет, этот фильм я не смотрела, и вообще я практиче-

ски не знакома с американским кино. Еще, учась в школе, поддавшись общему поветрию, (все тогда с ума сходили от фильма с той же Джулией Робертс «Красотка»), я посмотрела его, и была страшно разочарована, мне он вообще не понравился. С тех пор я не тратила время на американское кино, решив, что у меня с ним не сложилось.

– Ли́ка, я вижу, что ты любишь идти против течения, тебе ничего не нравится из того, что пользуется популярностью.

– Может, и так, но характер у меня покладистый. Представь себе, при своем особом отношении ко всему, я ухитрюсь с самыми разными людьми не конфликтовать. Я прекрасно понимаю, что не все люди должны думать так, как я, уважаю их мнение, а своего никому не навязываю.

– Но, уж тут я поспорю, что-то не заметил твою покладистость, когда ты меня вчера чуть не убила из-за фейерверков.

– Ты не справедлив, давай смотреть на результат, я тебя даже не выгнала, а в качестве компенсации за свое резкое поведение переспала с тобой. И мы не поссорились, а подружились. Вова, не придирайся, скажи мне лучше, что у тебя в этом огромном чемодане. Надеюсь, не запас тушенки и сгущенного молока, чтобы не погибнуть у меня голодной смертью.

– Холодно, не угадала, это – я домой заехал, взял свои кое-какие личные вещи. Ли́ка, в связи с этим у меня к тебе серьезный разговор.

– А, что, до этого все было несерьезно?

– Не перебивай, дай мне сказать, я волнуюсь, вдруг тебе это не понравится.

Ли́ка насторожилась, подумала, ну, вот, началось отступление. Между тем, Во́ва, приняв какой-то очень озабоченный вид, продолжал:

– Понимаешь, я зову тебя замуж, хочу с тобой жить, а до-мой к себе не приглашаю. Тебя это не удивило?

– Нет, об этом я как-то не подумала.

– Так вот, сразу хочу обрисовать ситуацию. У меня сейчас есть огромный дорогой дом на Рублевке. Но, все дело в том, что я собрался его продать, уже связался с риелторами, они будут предлагать его покупателям. Правда, такие дорогие дома быстро не уходят. Но, теперь, Ли́ка, ты уловила, к чему я веду?

– Нет, пока я не догоняю.

Ли́ка действительно озадачено слушала Во́ву, не понимая к чему он клонит. Между тем, он продолжал:

– Я не могу тебя привести в дом, который хочу продать, вдруг он тебе понравится, тогда я не смогу осуществить задуманное, как я буду продавать то, что тебе понравилось. А мне просто необходимы большие деньги, я набрал много долгов, когда ушел мой партнер, с которым мы все начинали. Прикинь, если удастся удачно продать дом, то я смогу хорошо вложиться в предприятие, и мне еще хватит на приличную квартиру, в которой мы с тобой будем жить. Ну, теперь, наконец, поняла?

– Нет, наоборот, запуталась в твоих рассуждениях. Зачем нам вторая квартира, тебе что – моя мала, или не нравится.

– Лика, ты что, правда, не понимаешь? Я буду чувствовать себя, ну, как тебе объяснить, просто не мужиком, если заселюсь в квартиру жены.

– Но, сейчас же все нормально, по-моему, ты прекрасно здесь себя чувствуешь.

– Так получается, потому что, я здесь – не на постоянной основе, и у меня есть планы – перевезти жену в свою квартиру.

– Вова, ты – просто какой-то махровый собственник, вроде, как кулак дореволюционный. Что за предрассудки? Это же просто смешно, покупать квартиру, когда уже есть прекрасная квартира, что с ней делать – пустая что ли она стоять будет? Чем тебе моя квартира не нравится, неужели она мала для тебя?

– Лика, ты мне только что рассказывала, что можешь принять мнение другого человека, не совпадающее с твоим. Куда же девалась твоя покладистость?

Лика на некоторое время философски задумалась, а потом изрекла следующую сентенцию:

– Ладно, сдаюсь, чтобы подтвердить статус «покладистой девушки», вынуждена идти на попятную – Вова, делай так, как считаешь нужным. И хватит про эту ерунду с квартирами, будем считать, что проехали. Ты мне лучше, вот- что объясни, почему ты мне представился таким смешным дет-

ским именем – Вова. Раньше я про Вовочку только в анекдотах слышала, ни одного взрослого Вовы я еще не знала.

– Просто, поскольку мы с отцом – тезки, мама звала его Владимир, Володя, а мне досталось имя – Вова. Если тебе не нравится, можешь меня переименовать, я тоже хочу быть покладистым. Но, учти, я мало кому разрешаю звать себя Вовой, даже прежняя жена звала меня – «Влад». Так меня называют только папа с мамой и совсем близкие друзья, даже не знаю, почему я тебе вдруг сразу так представился.

– В таком случае, конечно, мне хочется входить в круг избранных. Вова, до чего вкусные пироги напекла твоя мама! Помнится, я такую вкуснятину ела только, когда были живы родители. И вообще, объясни мне, зачем так много вкусной еды ты приволок, мне надо худеть, а с таким искушением – не получится.

– Я не считаю, что тебе необходимо худеть, у тебя всего в самый раз. Лика, ты, ведь, ты не любишь делать то, чем озабочены поголовно все девушки, или есть исключения, которые заставляют тебя следовать моде?

– Ты меня убедил, передай мне, пожалуйста, еще пирожок. Вова, у меня предложение, давай, завтра на работе не будем говорить, что у нас с тобой близкие отношения, может быть, пока повременим с этим.

– Лика, что за детский сад! Завтра прямо с утра расскажу секретарше, что ты – моя невеста, а это все равно, что я объявил бы всему предприятию. А сейчас я хочу заглянуть

в компьютер, представляешь, как ты вскружила мне голову – за сегодня я ни разу не поинтересовался, что творится на моем предприятии. Ты не обидишься, если я тебя оставлю, и немного поработаю.

– Конечно, – нет, какие могут быть обиды, ты же при знакомстве сразу объявил, что работа – главная твоя девушка. Хотя правильнее было бы сказать: «первым делом – самолеты, ну, а девушки, а девушки – потом». Вова, иди спокойно занимайся своим делом. У тебя есть компьютер? Если нет, можешь воспользоваться моим, идем, я тебя провожу в кабинет, там тебе будет удобнее за письменным столом. И, чтоб ты знал на будущее – мне больше нравятся мужчины, у которых на первом месте работа, а не девушки.

– Лика, видишь, мы узнаем друг друга, и пока только приятные сюрпризы. А, компьютер у меня с собой, я прихватил из дома ноутбук, сейчас пойду, достану из чемодана.

Лика усадила Вову в кабинете, а сама порылась в кипе старых фармацевтических журналов, которые лежали в коридоре, приготовленные на выброс. К счастью, нашелся журнал на немецком языке. И, Лика, удобно устроившись в кресле в гостиной, решила протестировать себя, проверить, как обстоят дела со знанием немецкого. Лика волновалась, может быть, она слишком самонадеянно согласилась на роль переводчицы с немецкого. Двери и в кабинет, и в гостиную были открыты, и до Лики долетали отголоски разговоров Вовы по телефону. Она не слышала, о чем речь, но ей было прият-

но, что, наконец-то, квартира наполняется живыми звуками. Просидев так часа полтора, Лика поняла, что ничего страшного, по крайней мере, текст она переводит свободно, решила, что и с разговорным немецким тоже должна справиться.

Было уже за полночь, Вова продолжал работать, и Лика отправилась спать, ведь завтра рано вставать, ехать на работу. Как ни странно, уснула моментально, не успев помучить себя раздумьями, что как-то все идет слишком гладко, несмотря на скоротечность развития отношений. Сквозь сон она услышала, как Вова пристроился к ней, пытаясь обнять, Лика не стала сопротивляться, наоборот, помогла ему. Утром так и проснулись в обнимку, Лику это уже не смущало, напротив, ей было приятно.

Утром, как это обычно бывает, все процедуры Лика делала на автомате, в каком-то полусне, не помог даже ритуальный прохладный душ. Она догадалась, что все это от волнения, причем она беспокоилась не о том, как будет работать, а ее стесняла сама ситуация, что они с начальником состоят в близких отношениях. Зато Вова был спокоен, как слон, сам приготовил завтрак и пригласил ее к столу. Лика отметила, что она про завтрак вообще забыла, подумала, что теперь, наверно, придется хотя бы иногда, и ей готовить еду, а то получается как-то неудобно.

Когда приехали в офис, первое, что громогласно объявил Владимир Владимирович, переступив порог приемной, было представление Лики:

– Здравствуй, Ирочка, знакомься – Лика, моя невеста, в ближайшем будущем жена. Она любезно согласилась помочь мне в работе с иностранными партнерами, пока мы не найдем переводчицу. Кстати, Лика нам поможет ее выбрать из претендентов, которых, как я уже понял, немало.

Лика заметила, как секретарша не смогла скрыть удивления, и метнула на нее укоризненный взгляд, как будто Лика в чем-то виновата. Но быстро совладав с собой, Ирочка вежливо произнесла:

– Здравствуйте, Владимир Владимирович. Здравствуйте, Лика, очень приятно познакомиться, только скажите, пожалуйста, как ваше полное имя-отчество, так мне будет удобнее к вам обращаться.

Лика вежливо протянула руку новой знакомой, и попросила называть ее просто по имени. В этот момент в приемную широко распахнулась дверь, и ворвался Андрей с папкой наперевес. После, рукопожатия мужчин и приветствия женщинам, он обратился к начальнику:

– Владимир Владимирович, вас ждут в цеху, остановился конвейер, требуются ваши указания. А я, как мы вчера с вами договорились, принес Лике материалы, с которыми ей надо ознакомиться перед контактами с немецкими партнерами. И, как мы решили, покажу Лике место, где она сможет расположиться, это – переговорная комната, которая находится прямо здесь – смежная с приемной. Лика, тебе будет удобно, если захочешь выпить кофе, Ирочка тебе пригото-

ВИТ.

Владимир Владимирович на глазах у всех совершенно демонстративно чмокнул Лику в щеку, и напомнил:

– Дорогая, как только освобожусь, едем в загс.

Здесь, кажется, не только Ирочка, но и Андрей были просто шокированы. Оставив всех с разинутыми от удивления ртами, Владимир Владимирович ушел, на ходу бросив Андрею:

– Андрюш, как только устроишь Лику, мигом, за мной следом в цех.

Наконец, когда Лика осталась одна в комнате, в которую ее усадили, она смогла спокойно осмотреться по сторонам. Переговорная – была довольно просторным помещением, с огромным, овальной формы столом, посередине, окруженном большим количеством стульев. Сидеть за таким столом Лике явно не хотелось. Но, оказалось, что в одном из углов комнаты очень уютно примостился небольшой письменный стол с компьютером. Вот, за него Лика и пристроилась, разложив перед собой материалы, принесенные Андреем. Только она собралась погрузиться в лежащие перед ней бумаги, как вдруг отчетливо услышала голос секретарши, казалось, прямо рядом с ней:

– Мариша, привет, подруга, звоню тебе, чтобы сообщить важную новость.

Лика посмотрела на дверь – массивная дверь была плотно закрыта. Тогда она поняла, что где-то включен микрофон,

для связи переговорной и приемной, чтобы была связь с секретарем. Микрофон, видимо, забыли отключить. Лика заметалась, не зная, что делать. Между тем Ирочка продолжала говорить своей собеседнице:

– Мариша, похоже, твой план вернуть «бывшего» под большим вопросом. Я сама в отпаде, представляешь, сегодня он привел временную переводчицу (ну, ты же знаешь, Алла Ильинична ушла вместе со своим сыном Михаилом Викторовичем), поэтому Владимир Владимирович вынужден срочно искать замену. А пока не нашли такую же хорошую переводчицу, какой была Алла Ильинична, шеф решил взять временную. Почему я тебе так долго объясняю, что ты и сама знаешь? Не торопись, объясняю – потому что он эту временную представил мне, как свою невесту. Зря ты так смеешься, ну, допустим, он тебе говорил, что вряд ли еще женится, нахлебался с тобой. А ты не допускаешь, что вдруг все поменялось? Как она выглядит, не понимаю, в каком смысле? А, нет, не красавица, так себе, в глаза не бросается. Нет, конечно, ты красивей! Ты думаешь, что он пошутил? Мне так не показалось – он на нее смотрел как-то по-особенному, при всех поцеловал, да, потом, самое главное, он с ней сегодня едет в загс. Зачем, откуда я знаю, может быть, расписываться, а может, заявление подавать. Мариша, ну, не расстраивайся ты так, я сама в шоке. А что с Михаилом Викторовичем у тебя не склеилось? Понятно, говорит, что не собирается разводиться, любит свою жену. А

зачем тогда, сексом с тобой занимался? Кошмар, говорит, что ты еще и виновата, соблазнила его, рассорила с другом. Какие же все мужики сволочи! Мариша, не плачь, не отчаивайся, вдруг, правда, Владимир Владимирович решил нас всех разыграть. Хотя таким счастливым, как сегодня, я раньше его никогда не видела. Ну, ладно, пока, если, что узнаю, позвоню, тут ко мне пришли. Здравствуйте, заходите, Иван Алексеевич.

Лика слушала весь этот разговор в каком-то оцепенении, не в силах пошевелиться. Что делать, неужели она так и будет слушать все, что твориться в приемной? Тут она заметила, что прямо перед ней на столе маленький тумблер, она зачем-то щелкнула им – и вдруг звук, шедший из приемной, совсем исчез. Вот так номер, она, оказывается, могла сделать это раньше, получается, она намеренно подслушала разговор секретарши и «бывшей». Но, поскольку открутить назад уже не получится, Лика решила, что постарается все, что услышала, выкинуть из своей памяти. Наконец, ей удалось сосредоточиться и погрузиться в материалы, лежащие перед ней. Она довольно быстро поняла, в чем суть проблемы, что требуется получить от немцев.

Через какое-то время, в комнату постучали, заглянула Ирочка, спросила, какой кофе предпочитает Лика. Секретарша сказала, что ей позвонил Владимир Владимирович, велел сварить кофе ему и Лике, просил передать, чтобы Лика

готовилась, сразу после кофе-брейк они едут по намеченным делам. Ирина вышла, оставив дверь в приемную приоткрытой, надеясь, что Лика сразу последует за ней. Лике не хотелось выходить в приемную, пока не пришел инициатор всех этих затей, она неуютно чувствовала себя с Ириной, особенно после услышанного разговора. Наконец, из-за приоткрытой двери Лика услышала голоса Вовы и Андрея. Не успела она подняться, в переговорную ворвался новоиспеченный жених, он попросил ускориться, типа, у него мало времени.

– Нет времени, значит, не надо было затевать эту спешку с заявлением в загс, сердито подумала Лика, но спорить не стала, последовала за ним.

Кофе оказался очень вкусным, причем Ирина угощала еще и свежайшими круассанами. Хорошо, что в этом кофе-брейк участвовал Андрей, это слегка разрядило обстановку. Лика старалась болтать в основном с ним, но Вова, как назло, просто демонстрировал их близкие отношения – то приобнимет Лику, то совершенно ни к месту, возьмет ее за руку.

– Неужели он не понимает, что мне неловко, и, в конце концов, мы – на производстве, а – не у себя дома – недоумевала Лика.

Поэтому она с облегчением вздохнула, когда Вова, наконец, вспомнил, что у него очень мало времени, надо срочно ехать в загс. В машине Лика спросила его, почему он на людях так нарочито демонстрирует их отношения. Его ответ

очень удивил Лику.

– Ли́ка, я ничего не пытаюсь показать специально, просто мне нестерпимо хочется дотронуться до тебя, и я повинуюсь своим желаниям. Мне в голову не могло прийти, что тебе неприятны мои прикосновения.

– Ты очень самонадеянный, Во́ва, но, как ни странно, мне и самой все эти «телячьи нежности» нравятся, мне просто неловко, что происходит это на работе, причем, на виду у твоих сотрудников.

Несмотря на опасения Ли́ки, (все-таки, она впервые проходила эту процедуру) в самом загсе все протекало очень буднично. Написали заявления, заполнили анкеты, а дальше надо было выбирать дату. Во́ва же попросил женщину, принимавшую заявление, чтобы она назначила дату не, как положено, через два месяца, а пораньше, хотя бы через месяц. Ли́ку опять удивило, ну, куда он так спешит, ведь теперь они живут вместе, какое имеет значение, когда поставят штамп в паспорте. Женщину, похоже, тоже удивило его стремление побыстрее жениться. Она сказала, что, обычно, спешат замуж девушки, а мужчины стремятся оттянуть бракосочетание. Спросила, может, вы беременны, тогда приносите справку, и вас распишут в тот же день. Но все же Во́ва смог обаять женщину, и она стала смотреть, есть ли свободные даты пораньше. Оказалось, что есть через месяц, в середине ноября, но это – будний день. Во́ва, больше для порядка, спросил Ли́ку, согласна ли она с этой датой, но, видя, как

ему хочется побыстрее, Лика не стала возражать.

После подачи заявления, Вова спешил на работу, у него там были срочные дела, поэтому он вызвал такси, чтобы Лика могла отправиться домой. Усаживая ее в такси, он опять так поцеловал Лику, что прочь ушли все смутные волнения, возникающие у нее от этой непонятной спешки со свадьбой.

Правда, оказавшись у себя дома, тревожные мысли нахлынули с новой силой. Когда Вовы не было рядом, Лика, оказалось, все же еще может трезво рассуждать. Усевшись в кресло, в котором три дня назад она решала задачу с пропавшими ключами, Лика приказала себе:

– Будем мыслить логически, сначала определим исходные данные, посмотрим, что мы имеем:

Во-первых, имеется молодой, весьма обаятельный мужчина, приятной наружности, который совсем недавно развелся, и, вроде бы, вовсе не собирался жениться в ближайшее время.

Во-вторых, у этого мужчины большие финансовые проблемы, которые он пытается решить разными способами (заключить выгодный контракт с немецкими партнерами, продать дорогой дом).

В-третьих, неожиданно на его пути встречается девушка, про которую он случайно узнает, что она обладает огромным капиталом, лежащим на ее счету в банке. Завладев этим капиталом, мужчина легко может решить свои финансовые

проблемы без продажи дома и заключения контрактов с немцами.

В- четвертых, внешне девушка самая обычная, красотой не блещет, таких на второй день знакомства замуж не зовут. Но, допустим, на нашего героя нашло затмение, он неожиданно вспылал чувствами к этой девушке, ему захотелось немедленно обладать ею. Для этого жениться точно не понадобилось бы, девушка отдалась ему без сопротивления в первый же вечер знакомства.

Задача оказалась тривиальной, решение напрашивается само собой, заключила Лика. Она стала прикидывать, откуда Вова мог узнать про ее капитал. Единственный человек, который был посвящен в эту тайну, была Юлька. Но, с ней был договор, что она никому не рассказывает об этом. Хотя, конечно, шила в мешке не утаишь, притом, это же – не государственная тайна, успокаивала себя Лика. Сразу стало как-то скверно на душе, единственное, что успокаивало – в конце концов, деньги послужат хорошему делу, а не будут пылиться в банке. Еще было неприятно, что Вова сразу не сказал, зачем ему так срочно нужно именно жениться на ней.

Лика решила успокоится, заняться каким-нибудь делом, например, поменять воду в вазах с цветами. Она обнаружила, что в ведре с огромным букетом вообще уже нет воды, розы всю выпили. На удивление, букет совершенно не завял, а цветы волшебным образом были, как только срезанные. Пока она возилась с этим монстром, раздался звонок мобиль-

ника, который Лика забыла в коридоре. Она помедлила, если звонок от Вовы, то сейчас ей не хотелось с ним говорить, но преодолев колебание, Лика пошла за телефоном. Оказалось – звонит Юлька.

– Алло, Лика, привет! Ты, сейчас, где, можешь разговаривать? Ты уже дома, а почему не позвонила, я сгораю от нетерпения? Рассказывай подробно, как прошел первый рабочий день?

– Юлек, привет! Я недавно приехала, на работе была только до обеда, потом мы поехали в загс подавать заявление, а оттуда Вова вернулся на работу, а я – домой.

– Лика, подожди, я сяду от таких новостей. Вы что, правда, подали заявление? Почему ты мне ничего не сказала вчера? Лика, я просто в культурном шоке. Подружка, если бы ты знала, как же я за тебя рада, просто все, как в сказке – появляется принц (правда, вместо белого коня – огромный букет белых роз) – и буквально сразу свадьба (пир на весь мир). Когда ты мне сказала, что Владимир Владимирович зовет тебя замуж, прямо сейчас, то я думала, что это – «фигура речи», мне трудно было представить, что все произойдет так быстро. А почему у тебя голос совсем не радостный, ты, наверно, переволновалась?

– Юль, если честно, я и сама не знаю, правильно ли, что я так сразу согласилась, буквально два дня назад мы были еще незнакомы. Но, у меня еще есть целый месяц, чтобы хорошенько подумать, свадьба ровно через месяц, пятнадцатого

ноября. Меня бы больше устроило, просто пожить некоторое время вместе без всяких обязательств, посмотреть, подойдем ли мы друг другу, а уж потом думать о заключении брака.

– Ли́ка, ты просто от счастья с ума сошла, говоришь такие глупости. Я на вас смотрела в ресторане, невооруженным глазом было видно, что вы созданы друг для друга. И потом меня потрясает решительность и напор Владимира Владимировича, это значит, что он в тебя влюбился с первого взгляда. Какой мужик захочет так быстро жениться, только тот, кто сгорает от любви.

– Юль, но он же и без штампа в паспорте может получить все, что надо мужику, изнемогающему от любви. Мне, кажется, эта спешка не просто так, ему от меня могут понадобиться, например, мои деньги.

– Но откуда он знает про твои миллионы? Ты ему, надеюсь, про них не рассказывала, я – вообще никому, даже своему Сереге ни намеком не обмолвилась. Нет, не понимаю, почему ты вдруг заподозрила его в меркантильности. Он в ресторане на тебя смотрел таким взглядом, каким не смотрят на невест по расчету. Ли́ка, по-моему, ты перемудрила. А, скажи, тебе-то самой он нравится?

– В том-то и дело, что меня к нему тянет какая-то неизвестная сила. Не могу объяснить, что со мной происходит, когда он рядом – я попадаю в его магнитное поле и чувствую себя иголкой, липнущей к магниту. Представляешь, раньше

со мной такого не было. Вспоминаю, как было с Игорем – там, наоборот, я все время отвоевывала личное пространство, часто мне хотелось уединиться, не говоря уж о том, что его запах меня просто раздражал. Теперь все совсем не так, не успела расстаться с Вовой, а уже смотрю на часы, высчитываю, сколько времени осталось до его прихода. Никогда раньше не могла представить, что мне так будет нравиться любой тактильный контакт с кем-то, а от прикосновений Вовы я просто таю. Мне нравится его запах, я бы сказала даже, он меня возбуждает. Короче, я себя не узнаю. Юль, скажи мне, как можно было так кардинально поменяться за короткий промежуток времени, а, может быть, я просто себя не знала.

– Лика, ты действительно от счастья потеряла голову, поэтому тебе мерещатся конспирологические схемы. Зачем-то приписываешь Владимиру Владимировичу хитрый расчет, поверь мне, я в делах любви большой знаток, говорю точно – у вас все будет хорошо.

– Юль, я даже думаю, пусть он все делает из-за денег, но ведь я впервые в жизни чувствую себя настоящей женщиной. Поэтому расслабляюсь и получаю удовольствие, как в известном анекдоте. Ладно, хватит обо мне, расскажи лучше, как сходила в женскую консультацию, сообщили ли тебе пол будущего ребенка.

– Нет, пока не сказали, но я сама точно знаю, на этот раз будет мальчик, я себя совершенно по-другому чувствую, не

так, как предыдущие три раза. Правда, пока, на всякий случай, Сереже не говорю, вдруг все же ошибаюсь – и опять родится четвертая девчонка.

Так они проболтали не меньше получаса. Разговор с Юлькой успокоил Лику, она решила не заморачиваться анализом причин, из-за которых Вова хочет на ней жениться. Пусть все идет так, как идет, пока ей хорошо, а проблемы будем решать по мере их поступления. Выбрав модель дальнейшего поведения, Лика, как будто сбросила груз с плеч, она заметно повеселела и продолжила возню с цветами. Сменив воду во всех вазах с букетами, на Лику вдруг накатила приступ хозяйственности, вовсе не посещавший ее раньше. Она протерла пыль, убрала разбросанные вещи, все пропылесосила. На это ушло довольно много времени, но, на удивление, Лика даже получила удовлетворение, когда квартира стала выглядеть почти так, как при Екатерине Михайловне. Единственная деталь, нарушающая эту гармонию порядка, был огромный чемодан Вовы, стоящий посреди комнаты, который он до конца не разобрал. Можно было, конечно, самой помочь выгрузить оставшиеся в нем вещи, разложить по местам. Но Лика посчитала, что как-то неудобно рыться в чужих вещах, может быть, там есть что-то, что Вова не хотел бы ей показывать, поэтому чемодан Лика просто сдвинула в угол комнаты.

Когда квартира стала блестеть чистотой и порядком, казалось бы, приступ хозяйственности должен был успокоиться,

но нет, он, по-прежнему, бушевал в Лике. Она вдруг вспомнила, что вечером Вова, наверняка, захочет ужинать, поэтому надо проверить содержимое холодильника. Оказалось, что из вчерашних запасов еды осталось еще мясо и пирожки, а вот гарнира к мясу нет. Тут уж Лику охватила совсем сумасшедшая идея, она решила нажарить картошки на гарнир к мясу (вспомнила, как это вкусно получалось у Екатерины Михайловны). Картошки, конечно, дома не оказалось, но и это не остановило Лику – она помчалась с магазин. Когда картошка была доставлена, Лика, не раздумывая, с энтузиазмом бросилась ее чистить. Оказалось, что все это – дело не хитрое, и очень скоро нарезанная тонкими ломтиками картошка уже жарилась на сковороде. Довольная собой, Лика решила полежать в ванной, отмокнуть после нескольких часов трудовой деятельности, принесших ей такое удовлетворение.

Еще в ванной она почувствовала запах гари, но решила, что, наверно, как всегда, у соседей снизу что-то сгорело, и тянет по общедомовой тяге. Но, когда вышла из ванной, то поняла, что вся ее квартира наполнилась едким дымом и запахом печеной картошки. Короче, первый опыт закончился весьма плачевно, Лика не учла, что картофель на сковороде еще надо было постоянно помешивать. Оставшееся время до прихода Вовы с работы, Лика была занята устранением следов своего неудавшегося эксперимента. Открытые настежь окна, включенные кондиционеры, ничего не помогало

избавиться от отвратительного запаха гари, он пропитал всю квартиру. Лика была в отчаянии, и, когда услышала дверной звонок, поняв, что Вова уже вернулся с работы, понуро пошла открывать дверь, по дороге вспомнив, что надо бы отдать ему запасные ключи на брелоке из Англии, пусть открывает сам. Вова стоял на пороге с букетом из нескольких белых роз, с ног до головы увешанный пакетами.

– Чем это у нас так «вкусно» пахнет?

Про себя Лика подумала, что мог бы сделать вид, что не заметил, но вслух честно призналась, что первое знакомство с кулинарией закончилось неудачно – вместо жареной картошки образовались угли.

– Лика, девочка моя, я, как знал, что тебе захочется жареной картошечки, где-то там в пакетах, поищи, я принес картофель-фри. А с запахом не расстраивайся, завтра куплю специальное средство, поглощающее запах гари. Возьми лучше цветы, отметь, в таком количестве, как тебе нравится.

– Вов, ну, зачем цветы каждый день, ведь сегодня нет никакого праздника. У нас уже и так, как в цветочном магазине, весь дом в букетах.

– Лика, как это – нет никакого праздника, ты, что забыла, мы же сегодня подали заявление, значит, сегодня у нас помолвка, мы ее будем отмечать. Я принес к столу все, что необходимо для торжества, вино, я не знал, какое ты больше любишь – белое или красное, поэтому взял и то, и другое – сухое Шабли. Да, самое главное, мой подарок тебе к

помолвке.

И Вова протянул Лике маленькую коробочку. Лика растерянно раскрыла – там было шикарное кольцо с бриллиантом.

– Лика, не тяни, примерь, правильно ли я угадал с размером?

Лика взяла кольцо, оно свободно оделось на безымянный палец. Лике было очень неловко, еще плохо понимая, что надо говорить в такой ситуации, она удивленно спросила:

– Вова, а как ты угадал с размером?

– Чисто интуитивно, просто кольцо, которое мне понравилось, было только одного размера, поэтому я решил, что оно просто обязано подойти тебе. Видишь, интуиция меня не обманула.

Лика немного оправилась от неожиданности, и с недоумением спросила:

– Вова, объясни, мне непонятно, зачем, когда у тебя такие финансовые трудности на предприятии, ты выбрасываешь кучу денег на кольцо? Неужели нельзя подождать до более стабильного времени, я спокойно обошлась бы без кольца. Мне кажется, ты идешь на поводу стереотипов, посмотрелся красивых сцен в американских фильмах.

– Лика, любимая, проблемы на производстве совершенно иного порядка. Сейчас для меня важнее другое, мне хочется почувствовать себя полноценным женихом, но, не лишай ты меня этого удовольствия.

Лика отметила, что первый раз Вова назвал ее любимой.

Может, конечно, это – просто фигура речи, но ее, как обожгло, скорее всего, невзначай брошенное слово. Чтобы Вова не заметил ее смущение, Лика пошла определять в очередную вазу вновь принесенный букет. Потом пришла на помощь Вова, стала разбирать с ним на кухне множество пакетов с едой. Затем они вместе разогрели еду и устроили роскошный стол, который ломился от изобилия вкуснятины, привезенной Вовой.

Этот вечер Лика потом вспоминала, как один из самых счастливых в своей жизни. И дело было вовсе не в изысканности блюд и прекрасном сухом вине, а в какой-то установившейся сердечности, казалось, они знакомы много лет, и понимают друг друга с полуслова. Лике, такой чуткой к запахам, почему-то совсем не мешал стойкий запах гари, по-прежнему наполнявший квартиру. Наоборот, он служил как бы фоном для воспоминаний, связанных с различными курьезными случаями из жизни обоих. Например, Вова рассказал, как в одном из младших классов перед занятиями в школе он вылил на себя флакон маминых духов, как потом от него разило на уроках: учитель математики даже выгнал его из класса, сказав, что в такой атмосфере невозможно получить правильный ответ задачи. А Лика открыла Вова секрет своего особо тонкого обоняния, сказала, что она в полиции могла бы, как ищейка, искать преступников по запаху. Ну, здесь уж Вова рассмеялся, сказал, что у него есть все основания усомниться в этом, мол, в таком случае она должна

была чуть раньше учуять запах горячей картошки.

За разговорами непроизвольно получилось, что Ли́ка, довольно скрытная, что касается личной жизни, вдруг сама ни с того, ни с сего стала выкладывать, как вышло, что она живет совсем одна, как она сначала потеряла маму, а потом еще и папу, и свою вторую маму. Никто за язык ее не тянул, а она зачем-то рассказала про все свои потери, слава богу, еще не стала выкладывать про свои богатства (тем более, Во́ва и так про них, наверно, знает). Хотя, если бы в этот момент он бы спросил о ее миллионах, Ли́ка бы точно выложила все, как есть. Но он ни намеком не обмолвился о капиталах Ли́ки, а, наоборот, зачем-то всучил ей банковскую карточку, скинул пин-код на телефон Ли́ки, чтобы она не забыла. Во́ва сказал, что она может снимать со счета деньги, не ограничивая себя ни в чем. Ли́ка пыталась объяснить, что ей деньги не нужны, у нее все есть, но Во́ва был здесь непреклонен. Он даже слушать не хотел, что у Ли́ки есть свои банковские карты, на которых достаточно денег.

– Ли́ка, пожалуйста, не устраивай детский сад, теперь я – твой жених, а скоро и – законный муж, который просто обязан тебя обеспечивать. Не понимаю, почему ты так и норовишь, лишить меня моих привилегий.

В какой-то момент Во́ва решил все-таки взять телефон, который звонил у него непрерывно, и вышел поговорить в другую комнату. Ли́ка была в полном недоумении, либо он первоклассный артист, либо, действительно, ничего не зна-

ет о ее богатствах. Но, если не знает, зачем же тогда спешит расписаться? Да, при таком раскладе пазл не складывается. На этом месте рассуждений Лика себя прервала, вспомнив, что решила плыть по течению, – будь, что будет. Она посмотрела на свою руку, с вызывающе шикарным кольцом, которое, как ей казалось, никак не соответствует ее весьма скромному имиджу. В это время в кухню вошел Вова. Видя, что Лика любит кольцо, он радостно спросил:

– Лика, любимая, тебе нравится кольцо, ты мне так ничего и не сказала насчет моего выбора? Я выбирал на свой вкус, а у тебя, как я теперь знаю, могут быть совершенно противоположные предпочтения.

Лику опять обожгло слово «любимая», зачем он походя бросается такими словами, возмутилась она, однако, ей удалось скрыть это, и она постаралась спокойно ответить:

– Кольцо на самом деле просто восхитительное, но, боюсь, оно слишком вызывающе красивое для меня, я в лучах этого бриллианта сама померкну.

– Лика, любимая, как ты не понимаешь, что ты сама – бриллиант, кольцо по сравнению с тобой – просто стекляшка.

– Вова, зачем ты делаешь мне такие неуклюжие комплименты, ты уже и так всего добился. Неужели, ты думаешь, что я настолько глупа, что тебе поверю? Или же ты опять действуешь по сюжету любимых тобой американских фильмов?

– Я говорю только то, что вижу и чувствую на самом деле. Вопрос – почему ты мне не доверяешь, хотя понимаю, – я еще не заслужил твое доверие.

Ли́ка решила прекратить бессмысленные препирательства и, напомнив, что завтра им надо рано на работу, встретиться с немцами, предложила закончить «торжественный» ужин. Вова согласился при одном условии, типа, надо выпить напоследок «за любовь». Это тост, такой заезженный, его к месту и не к месту всегда поднимают на разных мероприятиях, поэтому Ли́ка не придавала ему особого значения. Но только она сделала глоток прекрасного Шабли «за любовь», Вова подошел к ней, буквально рывком поднял ее со стула, отнял у нее бокал, и начал целовать. Где-то через полчаса, когда оба вернулись с небес на землю, оказалось, что они уже не в кухне, а в спальне, лежат совершенно нагие и счастливые на кровати.

– Ли́ка, любимая, ты не вставай, я пойду сам на кухню, наведу там хотя бы минимальный порядок.

– Вова, ты считаешь, что с таким шикарным кольцом мне теперь не пристало мыть посуду?

– А зачем тебе ее мыть, я видел, там на кухне есть посудомоечная машина, все засуну в нее – пока мы будем спать, посуда станет чистой.

– Нет, тогда я точно встану, посмотрю, как ты это делаешь, поучусь. Представь, я ни разу после смерти родителей не включала посудомойку. Правда, Игорь, мой «бывший»,

когда жил у меня, по-моему, несколько раз пользовался ей.

– Лика, мы решили, не вспоминать «бывших», но поскольку ты сама нарушила уговор, скажи мне, пожалуйста, долго этот твой «бывший» жил у тебя?

– Мне, кажется, где-то около полугода, а до этого мы с ним полтора года встречались просто так (ходили в театры, на выставки, иногда в рестораны).

– Ну, и смотри, два года жизни ты потратила на то, чтобы убедиться, что вы – не пара. Тебе не жалко, зря потраченного времени?

– Получается, я приобрела жизненный опыт, поэтому с тобой я не потратила зря ни одного лишнего дня.

– Смотрю, не даром ты получила красный диплом, хорошо соображаешь, а я, выходит, был неправ, потому что раньше терпеть не мог отличников.

– Вова, а откуда ты вообще узнал, что я – отличница, у меня что, – на лбу это написано?

– Мне про это Андрей сообщил, когда мы искали временную переводчицу, и он предложил твою кандидатуру. Так вот, прикинь, из всего, что он мне про тебя рассказал, мне меньше всего понравилось, что ты – отличница. Но, разве тогда я мог представить, что встречу свою вторую половинку. Даже в самых смелых своих мечтах я не надеялся, что со мной когда-нибудь это случится, а тут прям раз – здравствуйте, я – Лика, ваша судьба. Просто, все получилось, как в сказке, что дает надежду на счастливый конец, ты же зна-

ешь, все сказки со счастливым концом.

Слушая эти сладкие речи, Лику просто раздирали противоречивые чувства. С одной стороны, Вова говорил настолько искренно и естественно, никакой фальши в голосе. С другой стороны, он же сам упомянул, что так бывает только в сказках. Выходит, я – совсем простодушная дуручка, прослушала красивую сказочку, сразу и поверила. Ну, уж – нет, он меня не убедил, уговаривала себя Лика. Она просто вошла в роль Станиславского, поставившего вердикт «не верю» на сцене, разыгранной Вовой, поэтому сделала вид, что пропустила мимо ушей его выступление. Действительно, сейчас ей не до этого, она занята раскладыванием по контейнерам оставшихся от пиршества деликатесов, и укладыванием их в холодильник. Лика пыталась на корню потушить зарождающиеся искорки сомнения – а, вдруг Вова, действительно, не притворяется, что, если он о деньгах вообще ничего не знает.

Еще Лика отметила появившиеся странности в своем поведении, раньше ей и в голову не приходила такая ерунда – заниматься домашним хозяйством. А сегодня, мало того, что до прихода Вовы она трудилась, как пчелка (ее даже не спугнул неудачный кулинарный опыт), так и сейчас она вместо того, чтобы как обычно, с книжкой поваляться перед сном в постели, с удовольствием копошилась в кухне. Прикинув, почему так получается, Лика пришла к выводу, что в этом опять виноват Вова. Он применяет хитрый ход, говорит ей:

«отдохни, я все сделаю сам», и Лике становится стыдно. Тут же она начала возражать сама себе, ведь, днем его не было, когда она затеяла уборку, значит, дело не в этом. Между тем вдвоем они быстро справились с делами – кухня была в первозданном виде, значит можно идти спать. Вова сказал, что еще пойдет, позвонит Андрею, узнает, как он встретил немецких партнеров, в какой гостинице они остановились, и во сколько их ждать на производстве, а Лика смогла еще почитать книжку.

Со вторника и для Лики началась настоящая трудовая неделя. Немцы, с которыми предварительный договор был уже заключен, буквально с первого дня начали оспаривать несколько пунктов договора, они фактически выкручивали руки, меняя свои позиции. По-видимому, они поняли, что этот контракт очень нужен господину Владимирову, и можно выторговать более выгодные для себя условия. Оказалось, что Лика прекрасно справляется с разговорным немецким, но это не помогало, западные партнеры решили, что заняли доминирующую позицию, и с немецкой упертостью давали буквально по каждому пункту договора. Хотя Лика слабо ориентировалась в коммерческих сделках, но даже она чувствовала, что идет какая-то неравная борьба, что Владимир Владимирович очень нервничает. Лике так хотелось помочь ему, но, к сожалению, приходилось переводить тексты, как она чувствовала, просто приводящие в бешенство ее же-

ниха. Самое удивительное для Лики было, как внезапно менялось поведение немцев, когда приходило время обеда, и они, все вместе шли в ресторан. Здесь, немецкие партнеры из волков превращались в робких воспитанных ягнят, тем более что обеды оплачивал зачем-то Владимир Владимирович. Лике так и хотелось крикнуть Вове:

– Да, пошли ты их подальше, пусть едут в свою Германию, мы и сами справимся. У меня достаточно денег, чтобы оплатить все твои проблемы.

Все случилось уже в пятницу, на завершающем обеде, после которого планировалось подписать договор, когда немцам казалось, что они добились, всего, чего хотели, а Лика уже точно решила сказать Вове про свои деньги. Обед подходил к концу, зарубежные партнеры ели с большим аппетитом, уверенные, что они провернули сделку века, легко сумели обвести вокруг пальца этих, таких неопытных в коммерческих делах, русских. Настало время десерта, и Владимир Владимирович обратился к Лике с просьбой перевести небольшую завершающую речь. У Лики просто сердце разрывалось от боли и обиды на этих противных немцев, так как она была просто уверена, что сейчас господин Владимиров, как вежливый человек, поблагодарит партнеров за огромную проделанную работу. Начал он действительно с благодарности за то, что партнеры потратили так много времени, чтобы выправить договор в том виде, в котором обе стороны должны подписать его. Да, все именно так, как думала Лика, он

еще благодарит немцев за то, что они выкручивали руки, и просто приперли его к стенке.

Но дальше речь его неожиданно приобрела другую окраску, такой поворот очень обрадовал Лику, и она даже начала гордиться своим женихом. Она уже буквально с торжеством в голосе переводила, что господин Владимиров очень сожалеет о том, что такая скрупулезная работа была проделана зря, потому что он еще все раз обдумал и решил, что в таком виде договор ему не нужен, и он не будет его подписывать. Конечно, ему очень жаль, что впустую потрачено много времени у таких занятых специалистов, за что, он еще раз просит прощения. Лика смотрела на вытянувшиеся лица немцев, которые не могли скрыть разочарования. Им казалось, что выгодный контракт у них – уже в кармане, а тут вдруг – такой облом. На их лицах читалось:

– Да, с этими русскими не знаешь, чего от них ждать буквально в следующее мгновение.

Но десерт они не бросили, и с немецкой педантичностью доедали его вплоть «до чистой миски» (как говорится в одной надоедливой рекламе). А дальше вообще повели себя странно – глава делегации, господин Шульц, который ранее не был замечен в заигрываниях с переводчицей, вдруг начал расспрашивать Лику, свободен ли у нее сегодня вечер, и не хочет ли она познакомиться с ним поближе в нерабочей обстановке. Видно, он решил компенсировать неудачу в переговорах, хорошо проведенным вечером с русской девуш-

кой. Лика объяснила, что сегодняшний вечер у нее в планах провести со своим мужем (она для убедительности не стала говорить, что пока у нее имеется только жених). Господин Шульц не успокаивался, пытался убедить ее в том, что с мужем она успеет провести еще много вечеров, а с ним только один сегодняшний, он обещал сделать его незабываемым, и уже без всяких намеков сказал, что он очень щедрый. Такая наглость разозлила Лику, и она сказала господину Шульцу:

– Мой муж ревнив, как Отелло, кстати, вы его хорошо знаете, это – господин Владимиров.

Да, лучше бы этого не видеть, господин Шульц просто позеленел, он не знал, как выбраться из этой щекотливой ситуации, тут же попросил ее забыть все, о чем он говорил, и уж ни в коем случае не сообщать об этом мужу. На что Лика, решившая отомстить ему за все дни бесконечного унижения своего жениха, гордо ответила:

– Простите, но у нас с мужем нет секретов друг от друга.

В это время Владимир Владимирович обеспокоенно спросил Лику, о чем они так долго беседуют с господином Шульцем, поинтересовался, почему она не переводит. Лика объяснила ему, что это разговор лично с ней, просто господин Шульц пригласил ее познакомиться поближе. Вова помрачнел и спросил:

– Ну, что же ты ответила?

– Ты, что не догадываешься, пришлось соврать, сказать, что мне больше нравится, проводить вечера со своим люби-

мым мужем. Напрягшийся было Владимир Владимирович, облегченно вздохнул, и его лицо осветила совсем какая-то мальчишеская улыбка:

– А почему соврать, что здесь неправда?

– Ты же мне еще не муж, а только жених.

– Лика, а как насчет любимого?

– Ну, это у меня выскочило случайно, наверно, для убедительности.

– Как жаль, но все же надеюсь, что когда-нибудь услышу от тебя такое определение – и это будет чистой правдой.

Пока Лика с Вовой были поглощены своим диалогом, не замечая, что твориться вокруг, немецкая делегация тихо, не прощаясь, по-английски, а вовсе не по-немецки, покинула ресторан. Когда они заметили это, весело, не сговариваясь, расхохотались.

– Вова, скажи мне честно, ты очень расстроен таким исходом переговоров, на которые ты так рассчитывал?

– Лика, любимая, я точно знаю, если одна дверь закрылась, то обязательно найдется другая, которая откроется в нужный момент.

Его ответ слегка озадачил Лику, и заставил думать, что он все же знает о ее капитале. Если всю неделю Вова был натянут, как струна, то сейчас он совсем расслабился, пребывая в совершенно спокойном, даже веселом расположении духа. Предложил Лике наконец, нормально пообедать, ведь они, в отличие от немецкой делегации, почти ничего не ели. Они

пересели за другой стол, (за угощение, заказанное для немцев, Вова предусмотрительно расплатился с официантом), и предложил начать обед с чистого листа.

В результате получилось совершенно замечательное, как бы свидание, в ресторане. Наперебой, рассказывали друг другу различные эпизоды своей жизни. Каждый вспоминал истории, когда он, всецело рассчитывал на какое-то событие, которое должно было принести удачу, а вдруг случался страшный провал. И, как потом жизнь показывала, что облом случился даже к лучшему, все разруливалось по-другому, цель все равно была достигнута, даже с более счастливым концом. Конечно, возможно, эта беседа носила психотерапевтический характер, но все равно у Лики осталось очень приятное послевкусие от разговора в ресторане. Она чувствовала, что лучше узнает своего будущего мужа, и это узнавание не разочаровывает ее, а, наоборот, приносит удовлетворение, понимание, что она не ошиблась, играя с судьбой в рулетку. Причем, если ему нужны ее деньги, так это – не беда, а наоборот, правильное вложение денег, которые сейчас приносят доходы банку. Но все равно Лика почему-то оттягивала разговор о своих капиталах, хотя еще сегодня утром решила, что пора помочь Вова разрулить его финансовые проблемы. Скорее всего, она просто ждала, что Вова первый заведет разговор о ее деньгах. Еще Лика чувствовала, как их сблизило общее дело, иногда она ловила себя на мысли, что уже не представляет жизни без Вовы. В конце

обеда Вова спросил, помнит ли Лика, что завтра, в субботу они едут знакомиться с его родителями.

– Конечно, не забыла, со страхом жду этого судного дня. Я почему-то уверена, что не понравлюсь твоим родителям. Потом, я с ужасом думаю, как я им буду объяснять, почему такая спешка, не успели познакомиться – и бегом – расписываться, наверняка, они спросят меня об этом.

– Любимая, даже не беспокойся на этот счет. Родители меня так сильно любят, что слепо доверяют любым моим решениям, пусть и не очень понятным им на первый взгляд. Я просто уверен, что если они поймут, что именно я спешу, страстно хочу, чтобы ты поскорее стала моей законной женой, то и они захотят этого с такой же силой.

– А, если не поймут? Вдруг они подумают, что это я тащу тебя на аркане в загс?

– Они прекрасно знают, что, если бы я не хотел, ни один аркан не смог затащить меня в загс. Однажды я уже был затасчен туда на аркане – и ничего хорошего из этого не вышло, правда, приобрел бесценный опыт.

На следующий день, собираясь в гости, Лика, совершенно не к месту, почему-то вспомнила, что Игорь за два года так и не познакомил ее со своими родителями. Еще она задумалась, интересно, как ей быть со своими бабушками и дедушками, с которыми она общалась только по телефону, сообщать ли им о своем предстоящем замужестве, приглашать ли

их на свадьбу? Эти трудные вопросы поставили ее в тупик, она решила подумать об этом позже. А сейчас ей предстоит «сдать экзамен» родителям Вовы, она немного волновалась, ей очень хотелось понравиться им.

– Вова, а у твоих родителей есть кофе- машина?

– Нет, я собирался купить, да все забывал. А что ты вдруг спросила, думаешь, они не смогут сварить тебе кофе?

– Мне просто пришла идея, подарить им кофе-машину, которая в коробке так и стоит без дела, ну, помнишь подарок мне на день рождения от лаборатории. Светлана сказала, что она – самая навороченная, последнее слово бытовой техники.

– Лица, это же подарок, потом разве тебе не жалко, если она такая продвинутая?

– Ты, что, зачем мне еще одна, у меня в кухне стоит вполне меня устраивающая кофе-машина, а ты вообще варишь в турке прекрасный кофе, намного вкуснее любого агрегата.

В результате приехали к родителям Вовы с огромной коробкой, бедные родители поначалу испугались, решили, что Вова купил им запасной пылесос. Когда узнали, что в коробке на самом деле, очень обрадовались, оказывается, они давно мечтали о таком подарке. Мария Петровна сказала, что раньше Владимир Александрович варил прекрасный кофе в турке, а последнее время у него при варке убегает пена, заливает каждый раз плиту, и ей приходится постоянно отмы-

вать ее. Лика не поняла, то ли на самом деле они остались так довольны, то ли просто хотели, сделать приятное Лике, показать, какую нужную вещь им подарили.

Лика, попав в дом родителей Вовы, почти сразу забыла про свои волнения. Она окунулась в атмосферу просто безграничной любви и тепла, ей стало так хорошо, она тут же вспомнила, что так было у нее в доме, пока живы были отец и ее вторая мама – Екатерина Михайловна. Совсем не было вопросов, которых так боялась Лика, напротив, Мария Петровна шепнула ей на ухо, что давно не видела сына таким счастливым. Обед прошел в абсолютно душевной обстановке, как будто Лика здесь постоянный гость, и, действительно, она чувствовала себя, как дома.

Потом, когда после обеда Лика вызвалась помочь Вовиной маме на кухне с посудой, а мужчины остались в гостиной, Мария Петровна сказала, что очень рада, ведь, теперь у нее появилась такая замечательная дочь. Рассказала Лике, что она всегда мечтала о девочке, а у нее рождались только сыновья – Вова и Дима. Потом с Димочкой случилось несчастье, а когда его не стало, она свою материнскую любовь, может, даже излишне обрушила на Вову, а теперь вот у нее, наконец, появилась и дочь. Спросила Лику:

– Скажи мне, а вы детей собираетесь заводить? Пока у меня есть силы, я была бы рада вам помочь, мы с отцом мечтаем о внуках.

Лике приятно было услышать от мамы Вовы такие речи,

но в ее мозгу не складывалась логические цепочки (которые Лика так любила строить), по ним у Марии Петровны уже, вроде как, была дочь (первая жена Вовы), которую она тоже потеряла. Еще Лика подумала, что она совсем ничего еще не знает о Вове, о том, что за несчастье случилось с его братом, но спрашивать у Марии Петровны, конечно, не стала. Пока Лика об этом думала, мама Вовы опять повторила вопрос о внуках. Если честно, с Вовой они еще не успели обсудить эту тему, да и сама Лика не задумывалась о детях, поэтому пришлось выкручиваться:

– Я думаю, семья для того и создается, чтобы рождались дети, глубокомысленно изрекла Лика.

Она, конечно, говорила, как должно быть, когда к семье приходят осмысленно, сделав выбор, а не так, как вышло у них – спонтанно, поддавшись неожиданному импульсу. Но, не объяснять же Марии Петровне, что пока это – игра в рулетку. Будущая бабушка просто просияла, услышав ответ Лики. Потому что за столом Вова стал расхваливать Лиду, рассказывать, как она замечательно переводит, не преминул отметить, сколько иностранных языков знает, а также похвастал, что она МГУ окончила с отличием. Тогда Мария Петровна немножко напряглась, вдруг у Лики будет наука на первом месте, и ей будет не до хлопот с маленькими детьми. Теперь же будущая бабушка чувствовала себя совершенно счастливой. Еще она, как бы между делом, спросила:

– Лика, представляешь, я так увлеклась знакомством с то-

бой, что даже забыла спросить Вову, подписал ли он договор с иностранцами, который, как он надеялся, спасет его предприятие. Но, судя по его счастливому виду и приподнятому настроению, все прошло хорошо.

– Мария Петровна, сделка не состоялась, немцы настаивали на очень невыгодных условиях для вашего сына, и он не стал подписывать договор.

– Господи, а чего же он так радуется? Лика, может, ты не поняла?

– К сожалению, я не ошибаюсь, потому что переводила эти переговоры.

– Лика, тогда я чего-то никак не уразумею, почему Вовка такой веселый, может ты мне подскажешь?

В это время в кухню зашел сам Вова, который сообщил, что очень скучает по Лике, пытался утащить ее в комнату. Лика предложила ему успокоить маму, и объяснить, почему у него такое хорошее настроение.

– Мам, неужели ты не понимаешь? Я встретил Лиду, и счастлив с ней, раньше у меня такого никогда не было. Я стал сентиментальным романтиком, теперь я понимаю выражение: «у него от любви выросли крылья». Я действительно ощущаю крылья за спиной, мне не страшны никакие преграды, я уверен, что со всеми трудностями смогу справиться.

– Вова, но мне же Лика сказала, что у тебя сорвался контракт с немцами. Раньше ты всегда говорил, что этот договор для тебя очень важен, что он может решить твои финан-

совые проблемы. Что изменилось?

– Мам, я же тебе сказал, что встретил Лику, теперь все поменялось, мне не страшны никакие финансовые проблемы. Теперь мне море по колено, не волнуйся, я чувствую в себе силы разрулить любые проблемы.

– Вова, я уже не знаю, что думать, раньше я переживала, молилась, чтобы у тебя состоялась сделка, а теперь, когда она сорвалась, и ты такой довольный, я просто в растерянности.

– Мамочка, да не думай ты о моих сделках, не переживай, все будет хорошо, радуйся лучше тому, что я встретил свою вторую половинку, что скоро я женюсь. Мам, а у меня идея – давай, прямо сейчас я покажу, как действует кофе-машина, научу вас с папой варить в ней кофе. Представь, теперь у вас есть возможность заказать автомату определенный вид кофе, то есть, чтобы он вам приготовил тот, который вы выбрали. Так, где инструкция? Ну, вот, смотрю, что написано в описании – можно приготовить следующие виды кофе: эспрессо, американо, капучино, лунго, латте. Выбирайте, что изволите заказать, ну, смелее?

– Володя, иди скорей сюда, Вова покажет нам, как варить кофе в этом автомате. Сынок, только я этих мудреных названий не знаю, папа варил обычный в турке, так что делай на свой выбор.

– Ладно, давай сварим вариант, который любит Лика – капучино. Молоко у вас есть?

– Да, конечно, Володя, достань молоко из холодильника.

Владимир Александрович достал молоко, Вова спешно мыл агрегат, готовя его к работе, Мария Петровна тоже суетливо помогала сыну, протирала насухо помытые детали. Пока на кухне происходила бурная деятельность, и, кажется, все забыли про Лику, она спокойно смотрела на все происходящее со стороны, уютно устроившись в кресле-качалке.

– Какие же замечательные родители у Вовы, как это здорово иметь семью, где тебя так любят, думала она.

Потом ее мысли плавно скатились в обычную колею: она вдруг вспомнила слова Вовы, только что сказанные маме, типа, сейчас, когда со мной Лика, мне море по колено – не страшны никакие финансовые проблемы.

– Ну вот, приехали, теперь и гадать не надо, Вова фактически прямым текстом сказал, что надеется на мои деньги. Но, почему я все время возвращаюсь к одному и тому же вопросу, по-моему, я четко решила, не ковыряться в причинно-следственной связи желания Вовы заключить брак, как можно быстрее. Хотя, в принципе, если бы он честно попросил меня ему помочь материально, я бы могла это сделать без свадьбы. Стоп, если я от него требую честности, то и сама должна признаться, хотя бы самой себе, я все время прокручиваю эту тему, именно потому, что где-то в глубине души поверила в искренность его чувств, мне просто не хотелось признавать, что главный стимул здесь – материальный интерес. Да, именно так, просто непонятно, к чему все эти, растопившие мою душу выражения: «любимая», «ты-моя судь-

ба», «две половинки», «бриллиант». А сегодня Вова просто превзошел себя, выдал пассаж, мол, «у него выросли крылья». Это – уже явный перебор, но, что интересно, говорит так убедительно, как будто сам верит в то, что произносит. Ладно, кончаю рефлексировать, но теперь точно, первая не буду предлагать деньги, пусть сам попросит.

Между тем на кухне началось бурное оживление, первая порция капучино была встречена радостными возгласами. Мария Петровна сказала, что такого вкусного кофе она никогда раньше не пила. Владимир Александрович тоже остался доволен, хотя в выражении восторгов был более сдержан. Потом все отправились в гостиную, после кофе еще пили чай с тортом, который Мария Петровна сама испекла к встрече гостей. Опять все было весело и душевно, но Вова каким-то образом угадал, что Лика погрустнела, хотя она старалась не подавать виду. Он обнял ее и нежно шепнул на ухо:

– Любимая, что тебя огорчило, неужели я сморозил какую-нибудь ерунду?

– Все отлично, наверно, на меня просто нахлынули воспоминания о моих родителях, мне жаль, что их нет рядом, также тихо ответила Лика, чтобы не нарушать общего веселья, установившегося за столом.

Уехали от родителей Вовы уже поздним вечером, казалось, наелись на неделю вперед, а приехали домой – и еще устроили чаепитие с пирожками Марии Петровны. Лика рассказала Вова про вопросы его мамы о внуках, когда она рас-

терялась, не зная, что отвечать. Вова, как показалось Лике, насторожился:

– Ну, и что же ты ответила?

– Сказала, что семья для того и создается, чтобы были дети.

Вова мгновенно просиял такой счастливой улыбкой, как будто Лика намерена осуществить самую заветную его мечту.

Оставшиеся дни до свадьбы пролетели очень быстро. Лика приезжала на работу не каждый день, а только когда надо было поучаствовать в отборе претенденток на место переводчицы, еще она отвечала за переписку Владимира Владимировича с иностранными партнерами. Работы было немного, Лика даже начала скучать по исследовательской работе, которой она занималась раньше. А, где-то за две недели перед бракосочетанием ей позвонил новый начальник лаборатории, назначенный на место Николая Петровича, и предложил Лике вернуться в институт. Он сказал, что разобрался в ситуации и понял, что произошло досадное недоразумение, поэтому просит ее вернуться, если она никуда еще не устроилась. Причем предлагал повышение в должности и соответственно более высокую зарплату. Лика объяснила ему, что два месяца у нее будут обязательства, перед фирмой, где она сейчас работает, а потом, возможно, она и вернется. Только теперь она замужем, поэтому должна посоветоваться с му-

жем. Лика сослалась на мужа, потому что еще сама для себя не решила, хочет ли она возвращаться (в мозгу стучало – «в одну реку нельзя войти дважды»).

Но с Вовой Лика все же посоветовалась, правда, не стала рассказывать, почему она ушла из института. Он очень серьезно воспринял ее колебания. Вова, оказывается, прекрасно понимал, что Лике некомфортно работать у него в фирме. Также он догадывался, что быть домохозяйкой Лика тоже не захочет, значит надо устроиться на работу там, где ей будет интересно.

– Лика, самое главное, когда будешь выбирать место работы, ни в коем случае не заикливайся на размер зарплаты, помни, что у тебя есть муж, который обязан тебя содержать. Если ты считаешь, что сможешь в этом институте реализовать свои возможности, то, быть может, стоит вернуться, но ты же ушла из него, значит что-то тебя не устраивало. Кстати, не потому ли ты ушла, что судьба тебя готовила к встрече со мной?

– Вов, ты прав, видно, я, сама, не понимая того, мечтала о фейерверке и огромном букете белых роз, и уже готовила для букета ведро.

Окончательного решения Лика так и не приняла, она понимала, еще есть больше месяца на раздумья. Вова предложил ей подумать над более неотложными делами.

– Какими делами, Вов? Я не понимаю, что ты имеешь в виду

– Лика, ты забыла? Через две недели свадьба, а мы еще не заказали ресторан, не пригласили гостей, ты не выбрала себе платье! Я готов все сделать сам, ты только набросай мне план, как бы ты хотела, чтобы прошло торжество. Единственное, тебе самой надо будет пригласить своих родственников.

– Вова, если честно, я не знаю, понимаешь, мне не хочется устраивать пир на весь мир, я бы предпочла, чтобы все прошло, как можно скромнее. Помнишь, как хорошо было, когда мы с тобой вдвоем отмечали день подачи заявления, что может быть лучше. Но, с другой стороны, я понимаю, есть условности, которые необходимо выдержать, поэтому я тебе доверяю, решай сам, как скажешь, так и будет.

– Лика, вот теперь я вижу, ты действительно проявляешь чудеса покладистости. Тогда слушай сюда: я предлагаю, в день, когда нас регистрируют, а это, если помнишь, будний день – вторник, зайти в ресторан со свидетелями, просто, чтобы поднять с ними бокал шампанского (я узнал, там есть неплохой ресторан рядом с загсом). А основное торжество с родственниками и гостями устроить в субботу, в ресторане, в котором мы с тобой познакомились. Как ты смотришь на такой расклад?

– Все мне нравится, давай только пригласим гостей по минимуму. Я первый раз в жизни праздновала день рождения в узкой компании, и мне сразу крупно повезло – я получила от судьбы тебя в подарок. Теперь мне нравятся только такие

приватные торжества. Вова, а кого ты пригласишь в свидетели, наверно, какого-то близкого друга?

– Лица, к сожалению, с самым главным, закадычным другом мы разругались вдрызг после того... ну, что я рассказываю, ты же знаешь. Это мой бывший партнер Мишка, который ушел после известных событий. Мне его так не хватает, потом хочется его познакомить с тобой. Понимаешь, сразу сгоряча мы оба поступили очень глупо. А сейчас я смотрю на сложившуюся тогда ситуацию совсем под другим углом. Получается, что именно Мишка помог мне избавиться от нелюбимой жены, благодаря ему я встретил тебя – свое счастье. А Мишка сам пострадал, во-первых, как мне передавали общие знакомые, от него чуть не ушла жена, но она оказалась умнее меня, смогла понять и простить его. Во-вторых, он, хоть и забрал свои деньги, но так ничего и не смог организовать. Сейчас начинать с нуля трудно, нужны деньги на два порядка большие, чем те, с которых мы начинали. Вообще, Мишка – хороший друг, просто Марина очень хитрая, сумела как-то его соблазнить, а он не устоял, дал слабину. И, если смотреть на результат, то выходит, что я выиграл, должен благодарить Мишку, а он – у разбитого корыта.

– Вова, мне кажется, друг познается в беде. Ты же сам сейчас сказал, что Миша оказался в трудной ситуации. Почему бы тебе самому не поговорить с ним, сделать первый шаг навстречу, скорее всего, и он переживает из-за разрыва с тобой. По-моему, вовсе не зазорно признать, что ты ошибся,

сторяча порвав в клочья все отношения. Пригласи его, быть свидетелем на нашем бракосочетании, скажи, что я мечтаю с ним познакомиться.

– Лика, какая же ты умница, а говоришь, решай все сам. Ты же дала чудесный совет, подтолкнула меня сделать первый шаг. А я – дурак, сам не решался. Завтра же позвоню Мишке, договорюсь о встрече. Лика, но это не освобождает тебя от звонков бабушкам, еще на тебе покупка платья.

– Ладно, так и быть, пойду, позвоню прямо сейчас. А с платьем сложнее, но я договорюсь с Юлькой, попрошу ее помочь мне с выбором. Лика почему-то надеялась, что бабушки откажутся приезжать на свадьбу, особенно из Новосибирска, но, на удивление, обе согласились с радостью (а дедушек можно и не спрашивать, они сделают, как скажут бабушки). Платье помогла выбрать Юлька, так что Лика с честью выполнила все поручения Вовы, о чем радостно ему тут же отрапортовала.

Лика уже не жалела, что ввязалась в авантюру с замужеством, наоборот, каждый день, прожитый с Вовой, был по-настоящему счастливым. Чем больше она узнавала своего будущего мужа, тем сильнее привязывалась к нему, ей все нравилось в нем. Она уже оставила свою привычку все анализировать, раскладывать по полочкам в голове, искать несовпадающие паззлы. Теперь, когда Лика оставалась одна дома, вне магнитного поля Вовы, она размышляла уже не о

финансовых проблемах своего жениха, ее волновало новое состояние, в котором она находилась. Последние дни Лика уже несколько раз ловила себя на мысли, что, может быть, это и есть любовь, а иначе как объяснить, что она не видит у Вовы вообще никаких недостатков (в книжках она читала, что все влюбленные – в розовых очках). Сначала она с испугом гнала от себя подобные соображения, но со временем мысль, что она влюбилась, из несмелых ростков дала пышные всходы. И Лика призналась себе, да, она полюбила Вову всем сердцем, такое с ней впервые, правда, ему она пока не спешила сообщить об этом. Но и Вова ни на секунду не дал Лике усомниться в том, что она любима и желанна.

Но, видно, так уж устроен человек – сначала он гонится за счастьем, но, когда достигает его, он не успокаивается, а начинает страдать, что может потерять его. Так получилось и у Лики, несмотря, на то, что она обрела настоящее счастье, ее вдруг начало беспокоить, что как-то все чересчур сахарно-приторно. Лику пугала слишком уж идиллическая картина, она знала – в реальной жизни так не бывает. Она боялась, что такая благостная обстановка усыпит ее бдительность, и она может прозевать подкравшуюся из-за угла беду. Лика, как птица, охраняющая свою кладку, стала оглядываться по сторонам, подозрительно рассматривать все движущееся, на предмет – нет ли угрозы ее, внезапно нагрянувшему счастью.

Но мало того, что в отношениях Лики и Вовы все скла-

дывалось просто, как в сказке, так еще и финансовые проблемы на фирме ее будущего мужа вдруг каким-то волшебным образом стали налаживаться. Во-первых, Вова благополучно помирился со своим другом Мишей, который с готовностью согласился быть свидетелем в загсе. Оказалось, Миша, также как и Вова, страдал от потери друга. Он считал себя виноватым, что разбил семью друга, а когда Вова сказал ему спасибо за это, и он узнал, что тот собрался жениться, у него просто камень с души свалился. Друзья договорились, забыть разрыв отношений, как кошмарный сон, и возобновить сотрудничество, Миша вместе со своими деньгами вернулся на предприятие. Кроме всего прочего, его мама Алла Ильинична, которая со дня основания предприятия работала переводчицей тоже восстановилась в должности. Таким образом решила еще одна проблема, теперь не надо было искать переводчицу. Складывалось впечатление, что в кустах притаился волшебник, и по взмаху его палочки все накопившиеся проблемы чудесным образом исчезли.

Но, и это еще не все, опять же, как черт из табакерки, вдруг откуда ни возьмись, появился покупатель дома на Рублевке. Хотя риелтор заранее предупредил Вову, что придется ждать покупателя очень долго, раньше, чем за год, а то и два, такие сделки не совершаются. А тут вдруг объявляется человек, желающий приобрести дом немедленно. Сам он живет в Лондоне, с описанием, выставленного на продажу дома ознакомился по интернету. Покупателя не останавлива-

ет огромная стоимость, указанная, как первоначальная цена, он даже не собирается торговаться. Единственная задержка, в том, что перед покупкой он должен приехать в Москву, и осмотреть этот особняк лично. Если нет признаков фотоподделки, и картинки в интернете соответствуют действительности, он покупает дом немедленно. Лика думала, что теперь, когда финансовые проблемы решились без продажи дома, совершенно нет смысла избавляться от него, поэтому спросила об этом Вову. Его ответ обрадовал Лику:

– Дорогая, зачем нам эта машина, с которой мы сами просто не сладим, нам надо будет нанимать прислугу. Прикинь, чужие люди будут постоянно тебя спрашивать, что сделать, чего ты хочешь, зачем нам это? Сейчас – только ты и я, мы прекрасно управляемся с бытовыми делами, я даже получаю удовольствие от домашних хлопот.

Лика вспомнила, что, когда Юлька уговаривала ее нанять помощницу по хозяйству, она приблизительно Вовиным текстом отвечала ей. Как хорошо, когда оказывается, что они с Вовой одинаково мыслят.

– Вова, а куда же ты будешь девать огромные деньги, которые получишь от продажи дома, ведь теперь не надо вкладывать их в твое предприятие, Миша своим капиталом закрыл все дыры в бюджете твоей фирмы?

– Лика, ты обратила внимание, пока тебя у меня не было, я гадал, как добыть деньги, а теперь, их так много, что возникает вопрос, куда их девать. Помнишь, я тебе говорил, что

теперь у нас все будет хорошо, я справлюсь с любыми проблемами, так и получилось. Ну, а деньги от продажи особняка тоже пойдут на расширение фирмы. Откроем еще один цех, наладим производство новых лекарств, у меня большие планы. Кстати, теперь и квартиру, в которой мы будем жить, куплю попросторней.

Выходит, паззлы, которые Лика так маниакально складывала поначалу, а также все ее конспирологические схемы, все рассыпалось. Когда она в полной мере это осознала, ей еще страшнее стало потерять свое нечаянное счастье. Она беспокойно оглядывалась по сторонам, везде, куда ни глянешь, – тишь, благодать, все, что ни задумаешь, идет, как по маслу.

Наконец, настал день бракосочетания в загсе – 15 ноября. День выдался промозглый, дождливый, что не удивительно для этого времени года. Но, даже ненастная погода не испортила настроения Вовы, он был очень весел, много шутил. Лика же была напряжена, хотя последние дни она также, как и жених, мечтала, чтобы поскорее все свершилось. Но, в отличие от Вовы, она чего-то боялась, ей мерещилось, что возникнут какие-то непреодолимые препятствия. Доходило до смешного, Лика представляла в своем воображении такую картину – они подъезжают к загсу, а на нем объявление: «закрыт на ремонт». Она пыталась совладать с своим разбушевавшимся воображением, насмешкой успокоить себя: «Де-

вушка, тебе пора не в загс, а к психиатру». Вова заметил, что Лика ведет себя необычно, но подумал, что это – проявление волнения невесты перед таким важным событием.

Оказалось, что беспокойство Лики было совершенно беспочвенным. Церемония прошла также гладко, как и все события последнего времени. Свидетеля со стороны жениха представлял, как договорились, Миша, он приехал вместе со своей женой Татьяной. Познакомившись с ними, Лика подумала, неужели, такой красавице можно изменить, какие же иногда мужики совершают глупые поступки. Свидетелем со стороны невесты была, конечно, Юлька, она тоже приехала со своим мужем Сергеем.

Народу в загсе не было, наверно, потому что был будний день, только когда входили в помещение, навстречу им вышла счастливая пара, по-видимому, уже получившая свидетельство об образовании новой семьи. Пара была очень колоритная – жених ростом под два метра, а невеста просто Дюймовочка, но с огромным животом, прямо из загса, скорее всего, поедут в роддом. Лика еще прикинула, интересно, какого роста будет у них ребенок, что-то среднее, или в одного из родителей. Тут же ей вспомнилась Светлана, у них с Андреем – обратная пропорция роста. Лика мгновенно себя одернула: господи, сказать кому стыдно, о чем думает невеста, можно сказать, «перед алтарем». Но, как умная девушка, знакомая с биохимией, она понимала, что таким образом ее мозг блокирует страхи, боязнь, что должно произойти что-

то нехорошее.

Сама церемония, к счастью, была не очень длинной, сдержанно торжественной, но без пафоса. Еще Лику удивило, что, когда женщина, проводящая церемонию, предложила обменяться кольцами, то на подушечке были два кольца, значит Вова купил их сам, не обременяя Лику даже такими заботами. Это просто удивительно, как он терпит, что она – какая-то ненастоящая невеста, совсем не помогает ему, впадала в невротическое состояние. Вместо того, чтобы радоваться, думает о плохом, глядишь, так сама и накликает беду, ведь, все наши мысли материализуются. Все, беру себя в руки, я – самая счастливая невеста, а теперь и жена. Как бы подкрепляя эту мысль, она не к месту начала лучезарно улыбаться. Слава, богу, подписи были поставлены, кольцами обменялись, скрепили все поцелуем, теперь можно и отметить это событие.

В самом загсе было предусмотрено помещение, где можно с друзьями распить «Шампанское». Но Вова очень мудро решил это сделать в ближайшем ресторане, чтобы Лика могла поближе познакомиться с другом и его женой. И там действительно Лике удалось совершенно расслабиться, вдруг, почти мгновенно, ушли прочь все страхи и опасения. Лика опять стала сама собой, а не той невротической дамочкой, что была еще несколько минут назад. Может, и правда, это обычное состояние всех девушек, первый раз выходящих за-

муж, успокоила она себя. Наконец, она смогла посмотреть вокруг ясными глазами, и что же она увидела – ее жених, вернее, теперь – законный муж был просто великолепен, в черном смокинге с белой красивой рубашкой и черной бабочкой. Ничего себе, просто лорд из Букингемского дворца. Лика тихо, чтобы не слышали другие, ведь, не поверят, что она только что увидела, как одет ее муж, шепнула Вова:

– Вова, я тебя люблю, но ты сегодня такой красивый в этом аристократическом смокинге, вряд ли обратишь на меня внимание.

– Лика, повтори, ты мне еще ни разу не говорила таких прекрасных слов, может я ослышался?

– Вова, давай, дома я тебе сегодня много раз повторю эти слова, а сейчас на нас все смотрят, слышишь, кричат «горько».

Потом, когда еще им удавалось перекинуться за столом несколькими фразами, Вова спросил, почему Лика никак не отреагировала в загсе на его восторженные комплименты по поводу ее неотразимого вида в свадебном голубом платье. Лика не стала объяснять, что она была просто в прострации, и не слышала его слов. Зато с удовольствием стала отвечать на другой, интересующий Вову вопрос: почему она не показала ему это платье раньше. Лика объяснила, что она его выбрала с помощью Юльки специально к сегодняшнему дню, а заранее показывать жениху нельзя, так сказала Юлька, она – знаток всех свадебных примет и заморочек. Однако, когда

новоиспеченный муж обрадовался, что Лика будет так изысканно одета на субботнем торжестве, она тут же возразила ему, мол, для этого случая куплено другое платье, которое он увидит только в субботу (но успокоила – оно ничуть не хуже). Еще Вова обрадовал Лику, сообщив, что настоящий праздник сегодня будет у них вечером дома, по типу того, что был после помолвки, только для двоих. Единственной накладкой, омрачающей это важный для обоих день было то, что после ресторана Вове необходимо еще съездить с Мишей на работу, там возникли неотложные дела. Но, несмотря на всю срочность дел, Вова настаивал, на том, чтобы самому, лично доставить Лику домой.

– Вова, ты опять за старое, что я – посылка или бандероль, зачем меня надо доставлять? Теперь-то уж я от тебя точно никуда не денусь, «сбежавшей невесты из меня не получится», я – полноценная жена. Ты лучше поскорее с работы возвращайся.

– Лика, не спорь, ты же покладистая, сегодня не такой день, чтобы ты сама разъезжала, и потом, ты забыла, что мужа надо слушаться? Еще мне надо переодеться, не поеду же я в смокинге на работу. Кроме того, смотри, сколько букетов, я тебе должен помочь занести их в дом. Ты помнишь, у нас все началось именно с букетов, поэтому я свято чту эту традицию.

– Вов, ты думаешь, если бы ты мне не помог тогда занести букеты, у нас бы ничего не получилось?

– Вовсе нет, просто все было бы по-другому, возможно, возникла бы какая-нибудь другая традиция, но я бы все равно тебя добился.

В результате Вова вместе с цветами благополучно доставил Лику домой, быстро переоделся в повседневную одежду и буквально на ходу, убегая на работу, спросил ее, чего бы ей больше всего хотелось к столу, мол, он принимает любые заказы, Лика, засмутившись от такой откровенности, тихо сказала:

– Хочу тебя, остальное не имеет значения.

– Лика, ты мне сегодня сначала в ресторане, и сейчас сказала такие слова, которые я ждал от тебя целый месяц. Если бы я знал, что ты их скажешь только после штампа в паспорте, я бы еще ускорил оформление брака. Как же мне сейчас хочется остаться дома, но я уже договорился с Мишкой, он ждет меня в офисе. Нам срочно необходимо оформить документацию, там без меня никак не обойтись. Все, бегу, любимая, ну, подойди поближе, еще раз поцелую тебя.

– Вова, только в щечку, иначе я за себя не ручаюсь, начну тебя раздевать. Ответь мне лучше, неужели для мужчины тоже важны слова, почему же тогда говорят: «женщины любят ушами, а мужчины глазами»?

– За всех мужчин не скажу, но для меня слова имеют большое значение. И я прекрасно помню, ты обещала мне повторить дома то, что сказала в ресторане, слабо, повторить еще раз?

– Вова, я тебя очень люблю.

После этих слов Вова опять начал обнимать Лику, пытался поцеловать ее в губы, но она уворачивалась, зная, чем это может кончиться. Наконец, он ушел.

Как только захлопнулась дверь за мужем, Лику опять охватил панический страх, что-то уж слишком все сказочно складывается – нет, так не бывает в реальной жизни. А, может быть, все -таки бывает? Целый месяц длится эта идиллия, каждый следующий день лучше предыдущего.

– Нет, это невозможно, когда-то этот мыльный пузырь должен лопнуть. По-моему, у меня такие мысли от безделья, и правда, я последнее время совсем разленилась – на работу не хожу, дома тоже практически ничего не делаю. Дошло до того, что Вова, который вкалывает на производстве, колотится по домашнему хозяйству, еще и к свадьбе все организует и покупает сам. Самостоятельно, не привлекая меня, купил прекрасные обручальные кольца, даже букет невесты выбирал без меня. А все потому, что я хожу в каком-то полубморочном состоянии, он боится меня трогать. Так я ему очень быстро надоет, ведь, понравилась я ему, когда была самодостаточной активной девушкой, а не такой мямлей, как сейчас. Все, кончаю ковырять свою психику, займусь делом. Так, попытка номер два, сделаю еще один заход – пожарю-ка я картошку.

На этот раз жареная картошка удалась Лике на славу, и

вид, и вкус приготовленного блюда получился такой же, как у Екатерины Михайловны. Гордая тем, что ей удалось реабилитироваться, Лика бросилась выискивать, куда еще можно приложить неизрасходованные силы. Но, оказалось, что за месяц, который они с Вовой прожили вместе, квартира преобразилась, она стала практически такой же, как это было при живых родителях – везде чистота и порядок. А получилось так, потому что, когда Вова затевал уборку, Лика присоединялась к нему – вместе они быстро и весело справлялись со всеми делами. Обходя квартиру, пытаясь найти слабое место, выискивая, где бы можно чего-нибудь прибрать, Лика заметила, что на письменном столе в кабинете творческий беспорядок. Она обрадовалась – есть чем заняться.

Последнее время она редко заходила в эту комнату, здесь, обычно, вечерами работал Вова. Лика, понимала, что иногда творческий беспорядок и есть самый настоящий порядок, лучше не перерывать бумаги, потому что потом Вова не найдет документов там, куда их положил. Поэтому она решила по минимуму подправить, сложить бумаги в стопочку, не меняя местами. Вот, например, разбросаны письма, их точно можно сложить вместе. Надо же, подумала Лика, кто-то еще пишет бумажные письма, ей казалось, что в наше время все перешли на mail почту. Вова на работе не успевает просмотреть такие письма, поэтому приносит их домой. Лика догадывалась, что ее любимый стремиться поскорее оказаться дома, поэтому, все, что можно, старается делать вече-

ром в этом уютном кабинете. Лика аккуратно сложила разбросанные письма в стопочку, все они были с кучей штемпелей, марок. Только одно было вообще без опознавательных знаков, без адреса, ни получателя, ни отправителя, ни марок, ни печатей. Интересно, как оно сюда попало, и кто отправил его «на деревню дедушке»? Однако, письмо было распечатано, и из конверта выглядывал сложенный пополам листок. Скорее всего, рекламщики и сюда сбрасывают свою продукцию. Поэтому без опасения, что она читает чужие письма, Лика решила убедиться, что это спам, и выбросить конверт в корзину. Она развернула вкладыш – там от руки было написано несколько строк:

«Последнее китайское предупреждение: если хочешь жить – плати. Боевая граната заберет нас вместе – я не пожалю себя, но ты уйдешь вместе со мной. Сполна заплатишь за три загубленные жизни».

Лика тяжело опустилась в кресло. Вот и все – сказочке конец. Кажется все оставшееся время до прихода Вовы, она так и просидела в кресле, не в силах пошевелиться. Гадать, строить догадки, складывать паззлы было бесполезно, ведь она совершенно не понимала, о чем идет речь, единственное, что было ясно, это – прямая угроза жизни ее мужу. Неужели, судьба опять хочет отнять у нее любимого человека. Неожиданно она вскочила, еще раз прочитала послание, боже, там же написано: «плати». Конечно, надо платить, любые деньги, вот для чего, оказывается нужны ее капиталы, наконец-то,

они пригодятся. Она за все заплатит, лишь бы ее любимому никто не угрожал.

Услышав, что Вова своими ключами открывает дверь, Лика бросилась в прихожую. Любимый держал очередной букет белых роз, и, как обычно, был с ног до головы увешан пакетами с покупками. Лика даже не стала удивляться, зачем еще один букет, ведь, утром он уже подарил ей цветы. У нее было такое выражение лица, что Вова сразу понял, что-то случилось. Он быстро поставил на пол все пакеты, отложил в сторону цветы, скинул пальто, крепко обнял Лику и спросил, что ее тревожит. Лика взволновано начала рассказывать:

– Вова, я решила немного навести порядок на письменном столе, и, совершенно случайно, думая, что это – реклама, прочитала письмо, в котором тебе угрожают. Любимый, пойми, я потеряла всех, кто мне дорог, я не могу допустить, чтобы ты подвергнулся опасности. Давай заплатим деньги, сколько угодно, у меня очень много денег, я все готова отдать, лишь бы тебе ничего не угрожало.

Вова, который тоже было испугался, увидев, в каком состоянии Лика, облегченно вздохнул:

– Лика, девочка моя, если речь об этой ерунде, поверь мне, абсолютно ничего серьезного. Я не хотел посвящать тебя в эти «интриги Мадридского двора», но теперь, видно, придется рассказать всю историю с самого начала. Идем, сядем за праздничный стол, и мне, вместо того чтобы, говорить с тобой о любви, придется показать, какими измен-

ными чувствами живут некоторые персонажи моего повествования. Только сначала предлагаю разложить все по тарелкам, посмотреть, что надо подогреть в микроволновке, сейчас я открою вино. Лика, ты какое будешь, белое или красное Шабли?

– Вов, мне совершенно все равно. Кстати, сегодня тебя ждет настоящая жареная картошка, со второй попытки получилась, вроде даже ничего на вкус.

– Лика, я попробовал, не скромничай, это – просто кулинарный шедевр. Сейчас я ее разогрею к мясу.

Когда все было готово, Вова сказал, что сначала надо все-таки вспомнить, что сегодня праздник по случаю образования новой семьи, и произнес длиннющий тост. Тост был красивый, видно, он готовил его заранее, в основном, посвященный Лике. Но когда исполнитель тоста заметил, что Лика его не слушает, ее мысли где-то далеко, испробовал еще одно безотказное средство – поцеловал ее в губы, но впервые не получил ответа. Тогда молодой муж понял, что придется сменить пластинку, все пошло не так, как он планировал в этот вечер, ничего не поделаешь, надо срочно успокаивать Лику.

– Любимая, я уже усвоил, что ты любишь, по собственному признанию, складывать паззлы в своей умной головке, они у тебя должны обязательно состыковаться. Поэтому, чтобы ты поняла, что мне реально ничего не угрожает, что все это происки алчных людей, вместо любовных серенад,

которые я тебе сегодня должен петь, слушай, эту грязную историю:

– У меня был брат Дима, он был младше меня на пять лет. Дима учился в медицинском институте, его однокурсником и другом был Егор. Они оба были влюблены в Марину, которая жила в нашем дворе. Вот эта самая Марина крутила обоими парнями, как хотела, а сама все время пыталась соблазнить меня. Не думаю, что я ей уж так сильно нравился, просто у меня уже тогда всюю раскручивался бизнес, а у ребят еще не было никаких материальных благ. Но мне в то время нравились совершенно другие девушки, признаюсь, в те годы я был еще тот ловелас, так что у Марины не было никаких шансов окрутить меня. Как-то мой брат Димка выпросил у меня машину, чтобы поехать за город на день рождения еще одного однокурсника, с ним в машине был также Егор, и они прихватили Марину. На обратном пути, поскольку основательно выпили, превысили скорость, врезались в грузовик. Дима погиб на месте, Егор очень сильно пострадал, он долгое время не мог ходить, а Марина отделалась царапинами, но сказала, что потеряла ребенка от Димы, причем, будто, врачи ей объявили, что теперь она не сможет иметь детей.

– Представляешь, какое горе свалилось на нашу семью. Я страшно винил себя, за то, что дал машину брату, зная о цели поездки, мог бы сообразить, что на студенческих вечеринках пьют не лимонад. Чтобы как-то загладить свою вину, я несколько лет полностью оплачивал лечение, а потом

и реабилитацию Егора. Марина, сообразив, что у меня появилось слабое место, начала на этом играть, рассказывать, как бы сейчас они с Димой могли растить сыночка, а теперь ее вообще и замуж никто не возьмет, кому, типа, она нужна бездетная. Так вот из-за этого чувства вины, я в результате женился на Марине. Самое главное в этой истории то, что мое поведение со временем заставило эту парочку (Марину и Егора) поверить, что, действительно, я, один во всем виноват, типа, это я искалечил их судьбы, и теперь до конца дней должен их содержать. Ладно, Марина – она формально была моей женой, и я должен был ее обеспечивать, но и Егор постоянно от меня требовал, то купить машину, потому что ему с больной ногой трудно ходить, то еще предъявлял какие-то претензии.

– И я, как дурак, долгое время шел у них на поводу, правда, в то время у меня было много денег, и мне было проще деньгами откупиться от их приставаний. Но однажды Марина то ли по пьяни, то ли разозлилась на меня, за то, что узнала о моих отношениях с другой женщиной, стала смеяться над мной и рассказывать, как они с Егором меня дурят. Она сказала, что, во-первых, она была беременна не от Димы, а от Егора, во-вторых, ребенка она не теряла, а сама до аварии сделала аборт, а в-третьих, она – никакая не бездетная, и будучи за мной замужем, тоже делала аборт, правда, от кого она не знает, потому что периодически она спит с Егором. С этого момента, я состоял с ней в браке чисто формально,

думал разводиться, ограничил ее в деньгах, перестал содержать Егора. Марина поняла, что со мной ее дела плохи, направила свои усилия на соблазнение Мишки. Я как-то этот момент упустил, а когда застал их, прикинь, у себя дома, в моей постели, то мне на Марину было наплевать, меня возмутил поступок друга.

– А дальше Марина, видно, рассчитывала, что жена выгонит Мишку, и она сможет выйти за него замуж. Однако, здесь ее ждал облом, поэтому ничего другого не оставалось, и она стала жить с Егором, но ей нужны были деньги, она не привыкла к таким условиям, в какие попала. А Егора, который ради нее готов на все, Марина заставила заняться шантажом. Но, подумай, Лика, какой из него шантажист, просто дурак. Угрозы, которые он мне начал присылать еще до знакомства с тобой, это просто детский сад. Мне его жалко, не знаю, на что они надеются, или, правда, уверовали, что я виноват. Стоит мне только хоть одну их угрозу отнести в полицию, Егор сразу загремит в тюрьму.

– Лика, любимая, но я тебя убедил, что мне ничего не угрожает?

– Вов, а он там про какую-то гранату пишет, а вдруг это правда?

– Лика, он писал уже и про пистолет, и про бомбу, по моему, даже про гранатомет, ну, если тебе страшно, давай, я, действительно, отнесу его письма в полицию, пусть, в конце концов, ответит за свои поступки.

– Вов, а как эти письма к тебе попадают, на них нет ни адреса, вообще никаких опознавательных знаков?

– Я думаю, это моя секретарша Ирина помогает своей подруге, она же не догадывается, что там в письмах написано. Марина, наверняка, сочинила какую-нибудь душещипательную историю, типа, что пишет мне любовные письма, как скучает без меня, ну, что-то в этом роде.

– А ты доверяешь своей секретарше, вдруг она с ними заодно?

– Ирина – замечательная секретарша, и против меня никогда ничего не будет замышлять. Просто в свое время Марина уговорила меня взять Ирину к себе на работу, с тех пор верная подруга ей благодарна. Лика, скажи, я тебя успокоил, убедил, что мне ничего не угрожает?

– Почти успокоил, ладно, давай, выпьем, налей мне, пожалуйста, красного Шабли. Вов, еще одна просьба, не мог бы ты еще раз повторить тост, который ты вначале произносил, я не все усвоила.

– Наконец-то, узнаю свою любимую жену. Я сейчас повторю тост, а ты вспоминай, что ты мне обещала сегодня сказать сто раз?

И вечер, начавшийся так драматично, кончился очень даже романтично. Вова включил музыку и пригласил Лику на танец. Прижавшись к мужу, Лика окончательно успокоилась, ей очень понравилась идея с танцами, и они долго кружили по квартире.

– Вова, ты очень хорошо танцуешь, большая редкость для мужчины.

– В детстве мама меня отвела в кружок бальных танцев, и я года три ходил в него, пока не сбежал на секцию футбола.

– Может, все и к лучшему, неожиданно заключила Лика, ведь, я сегодня столько нового узнала о тебе. Кто знает, не прочитай я письмо с угрозами, возможно, ты бы мне и не рассказал всего этого.

– Лика, мы уже достаточно времени посвятили разговорам, не относящимся к сегодняшнему дню, давай теперь говорить только о любви. Сейчас, наполню бокалы, у меня есть еще один тост.

Вова придумывал все новые тосты, сказал, что такой вкусной жареной картошки не ел ни разу в жизни, и уминал ее с таким аппетитом, что трудно было не поверить ему. Лика смеялась, понимая, что ему просто хочется простимулировать ее на дальнейшие кулинарные эксперименты.

В конце вечера, когда уже было выпито несколько бокалов, Лика осмелела, и решила, наконец, рассказать мужу про свои богатства. Сначала она рассказала, откуда у нее появились такие деньги, чтобы Вова не подумал, что она ограбила банк. В основном, Лика завела этот разговор, чтобы оправдаться за то, что не предложила помощь, когда у него были финансовые трудности. Объяснила, что все время собиралась это сделать, но пока тянула, проблемы разрешилось сами собой. Но Вова и сейчас может воспользоваться этими

деньгами для расширения своего производства, да, и лучше будет, если он избавит ее от этого капитала, и перепишет его на себя. Муж, конечно, был удивлен, когда узнал, какая громадная сумма лежит у Лики на счету, но сказал, что это ее капитал, к нему он никакого отношения не имеет. Еще добавил, неужели Лика допускает, что он будет жить за счет своей женщины? В общем, как и с квартирой, даже слушать не хотел доводы Лики, что теперь у них семья, значит, все должно быть общее. Опять воззвал к ее покладистости, предложил понять его позицию, когда Лика пыталась поспорить. Еще пожаловался, что Лика сегодня сбивает весь его романтический настрой.

Но все равно Лика почувствовала большое облегчение, когда раскрыла свою тайну, ведь, теперь Вова – законный муж и должен знать о ней все. Чтобы исправить настроение своему романтику, который, оказывается, как женщина, любит слушать слова о любви, Лика произнесла тост, в нем Вова услышал все, о чем мечтал. Довольный некоторое время он сидел неподвижно, отпивая из бокала вино, потом вдруг спохватился:

– Лика, чуть не забыл. Я же не сделал самого главного, а ты почему-то не требуешь от меня, хотя сегодня имеешь на это право по закону.

– Вов, что еще, какие дела, ты же сам сказал, что сейчас все дела подождут, даже немытая посуда?

– Лика, я еще не отдал супружеский долг, бегом в спаль-

ню, надо срочно спасти репутацию.

Утром Лика проснулась очень рано. С вечера забыли зашторить занавески, и в комнату еле пробивался тусклый осенний свет. Любимый муж еще крепко спал, и, чтобы не разбудить его, Лика решила полежать тихонько рядом. Память в деталях воскресила события вчерашнего дня. Лика вспоминала свое глупое, как ей теперь казалось, поведение с улыбкой, без всякого беспокойства и сожаления, думала, что будет теперь над чем посмеяться вместе с Вовой. Лика поняла – к ней опять вернулось душевное равновесие, способность на все смотреть трезво, и ничего не бояться. Такое впечатление, что последние дни она просто болела, а сегодня она совершенно здорова, и может с иронией оценить свое нервическое состояние. Еще ей пришло на ум, что надо бы сказать Вове, чтобы он не обращался в полицию, на самом деле жалко этого Егора, если он попадет в тюрьму.

Кроме полного спокойствия Лика ощутила прилив сил, желание срочно что-то делать. И тут она решила приготовить завтрак, пока Вова спит, конечно, картошку она жарить не будет, но сварить кофе и сделать омлет ей вполне по силам. Лика про себя отметила, что за все время совместной жизни она ни разу не готовила завтрак, так что точно, будет сюрприз. Потом она вдруг вспомнила, что они вчера не убрали на кухне, а сразу уснули после отдачи супружеского долга друг другу. А, это значит, что у нее еще есть прекрасная воз-

возможность использовать бурлящую в ней энергию в мирных целях. Вот уж Вова будет поражен, какая у него жена – хозяйка. Единственный вопрос, мучавший Лику, как выбраться из постели, не потревожив мужа, он даже во сне слегка обнимал ее. Потихоньку Лика все же высвободилась, кажется, ей удалось не разбудить Вову, и она на цыпочках вышла из спальни, прикрыв за собой дверь.

Правда, на кухне ее ждало разочарование – стол был абсолютно чистый, посудомойка тоже сигналила, что выполнила свою работу. Лика догадалась, что напряжение последних дней с кульминацией, когда было обнаружено письмо с угрозами, сделали свое дело, и она сразу вырубилась после... , понятно после чего. Лика стояла и со счастливой улыбкой вспоминала, моменты, после которых она уснула. А, что не удалось убрать, ну, и ладно, буду готовить завтрак, решила Лика. Она так увлеклась процессом готовки, что не услышала, как Вова тихонько подкрался сзади и обнял ее.

– Доброе утро, любимая! Мне так хотелось, чтобы ты подольше поспала, отдохнула от тревожностей последних дней, а ты чуть свет уже на ногах. У нас же полный холодильник еды, зачем еще чего-то готовить, я мечтаю доесть оставшуюся жареную картошечку.

– Вова, доброе утро, любимый! Не пугайся, я сделала только омлет, это, пожалуй, единственное блюдо, которое я умею готовить. Мне хочется, чтобы ты оценил, садись, уже готово. А я пока сварю кофе, но не в турке, а в кофе-машине.

Кстати, сейчас подогрею жареную картошку прямо на сковороде, там немного осталось.

Вова был приятно удивлен изменениями, буквально за ночь произошедшие с его молодой женой. Энергия просто была из нее, она тут же за завтраком стала планировать, как лучше организовать предстоящее в субботу торжество с родственниками. Лика заявила, что сама поедет в аэропорт встречать бабушку с дедушкой из Новосибирска.

– Лика, в аэропорт я тебя одну не отпущу, я бы их и сам встретил, к сожалению, поскольку не знаю твоих родственников в лицо, придется взять тебя с собой для опознания.

– Вова, ты ограничиваешь мою свободу, ведь, я все привыкла делать сама. Будешь смеяться, но я сама плохо помню, как выглядит моя родня, учитывая, что я их видела всего несколько раз в своей жизни. Вот будет прикол, если я их не узнаю, надо порыться, посмотреть фотоальбом, может, там найду фотографии с ними.

Еще Лика придумала, что надо заранее заготовить карточки, указывающие место за столом каждого гостя. Поскольку все очень разные, не знакомые друг с другом, надо продумать, как рассадить гостей, чтобы им было наиболее комфортно. Вова идея очень понравилась, и он предложил заказать карточки в типографии.

– Вова, ты что, я с этим, уж точно, прекрасно справлюсь сама. На цветном принтере, что стоит в кабинете, сделать карточки просто пара пустяков. Тут главная заваyka при-

думать, как рассадить, но я прикину, дай мне, пожалуйста список гостей.

Ли́ка взяла список и со смехом констатировала, что лучше поздно, чем никогда, потому что видела список приглашенных первый раз. Но сегодня у нее было вовсе не то настроение, чтобы корить себя, наоборот, хорошо, что узнала чуть раньше, чем на самом торжестве. Тут же до нее дошло, что она так и не пригласила нескольких своих близких друзей, которые по ее же просьбе были включены Вовой в список. Надо срочно звонить им, но, глянув на часы, Ли́ка поняла, что еще очень рано, придется отложить на час-другой. Вова, видя, как его «мертвая царевна» ожила, радовался и старался не мешать, боясь остудить ее пыл.

Оставшиеся до субботы дни прошли, как и должно быть, в предпраздничной суете. Ли́ка, по-видимому, компенсировала свою заторможенность перед загсом и тревожное ожидание страшных напастей, теперешним беззаботно-веселым настроением, получая радость от каждого мгновения. Она уже не пугалась от того, что все складывается слишком хорошо, а была благодарна судьбе за подаренное ей счастье.

Гости из Новосибирска приехали за два дня до свадебного торжества. Впервые за двадцать пять лет Ли́ка познакомилась со своими ближайшими родственниками – бабушкой и дедушкой по маминой линии. Сначала Ли́ка слегка

напрягалась, она никогда раньше не принимала у себя дома гостей, хотелось, как можно радушнее встретить их, ведь, впервые Лика выступала, в качестве хозяйки. Однако, она боялась, что сейчас начнут учить, давать практичные советы молодоженам, как сохранить семью, объяснять, что для этого нужно делать. Но, к счастью, бабушка с дедушкой оказались парочкой очень современных стариков (стариков только по возрасту, на самом деле, выглядели они довольно молодо). Наверно, сказалось их постоянное общение с молодежью, поскольку они всю жизнь преподавали в университете. Они совершенно не докапывались, как и когда познакомились Лика и Вова, не интересовались, был ли Вова женат раньше (судя по возрасту, это напрашивалось). По-видимому, им хватило одного взгляда на счастливых молодоженов, чтобы понять – здесь все в порядке, а что было раньше не имеет никакого значения.

А бабушка оказалась вообще весьма интересной женщиной, подвижной, с обостренным чувством юмора. О чем бы с ней ни разговаривали, у нее на все случаи жизни находилась похожий очень смешной случай, который она совершенно артистически передавала. Еще бабушка оказалась искусной рассказчицей анекдотов. Они у нее существовали тоже на любой поворот ситуации. Лика раньше терпеть не могла анекдотов, когда в компании кто-то рассказывал анекдот, и все умирали со смеху, ей, почему-то, было не смешно. Но бабушка вворачивала анекдот настолько к месту и делала это

так образно, что Лика впервые в жизни просто покатывалась со смеху, когда за ужином ее бабуля травила анекдоты. В результате короткого знакомства Лика просто влюбилась в бабушку, и даже простила ей «Анжелику», которой бабушка наградила ее при рождении.

В субботу свадебное торжество складывалось, как по нотам. Во-первых, идея Лики, рассадить гостей по определенной системе, чтобы было удобно общаться, оказалась очень актуальной, поэтому атмосфера за столом была не натянутой, а очень даже сердечной. Лика краем глаза видела, как ее бабушка развлекает другую бабушку по папиной линии и Вовиных родителей. По их веселому настрою было понятно, что и здесь бабуля не удержалась и отмочила какой-нибудь смешной анекдот. Во-вторых, Андрей, назначенный тамадой, оказался просто, как рожден для этой роли. Он ухитрился очень ловко, вставляя прикольные прибаутки передавать слово для тоста гостям, не злоупотребляя выкриками «горько», так, несколько раз, скорее для проформы. Сегодня Лика была в белом платье, на котором тоже настояла Юлька. Когда Вова ее увидел в этом наряде, он сказал, что боялся, что лучше голубого, в котором она была в загсе, ничего не придумаешь, а оказывается, можно.

Для проведения свадебного торжества Вова снял ресторан полностью, поэтому посторонних людей в зале не было, за исключением приглашенного фотографа. Специалист за-

снимал торжество на видео, а также делал множество фотографий, как молодоженов, так и гостей. Лика, наблюдая, как изощряется фотограф, выбирая нужный ракурс, вспомнила, как она пыталась отговорить Вову, от вызова мастера, ссылаясь на то, что чужой человек будет на свадьбе, типа, зачем он нам. На что Вова резонно парировал:

– Лика, а что мы покажем детям, а какая свадебная фотография будет висеть на стене нашего дома?

Но, здесь уж крыть было нечем, поэтому Лика согласилась, и сегодня поняла, что не зря, работал фотограф, не переставая. Для портрета на стене, о котором мечтал Вова, фотограф заставил молодоженов специально позировать, несколько раз передвигал их, меняя фон, наконец, остался сам очень доволен тем, что вышло.

Уже прошло несколько часов с тех пор, как началось празднование, но такое впечатление, что расходиться никому не хочется. Лика радовалась, что напрасны оказались ее волнения насчет того, что много разных, совершенно незнакомых людей соберутся вместе – будут неловкости в общении. Оказалось, что все прекрасно контактируют друг с другом. Лика наблюдала, как молодежи удалось вытащить танцевать ее пожилых родственников, и они вместе отрываются на танцполе под живую музыку. Лика с Вовой тоже много танцевали, вспоминая первый вечер знакомства в этом ресторане. Во время танца Вова шепнул Лике, что, как только стемнеет, во дворе опять загорится надпись, тут же успо-

коив Лику, что никаких фейерверков, только горящая надпись. Действительно, с приходом темноты, в скверике рядом с оградой загорелась надпись: «ЛИКА + ВОВА = ЛЮБОВЬ». Разгоряченные гости высыпали на террасу, почему-то начали хлопать, и кричать «горько». Лика с Вовой исполнили требуемый поцелуй, и тут же все побежали за бокалами, в которых теперь должно быть сладко.

Вскоре после этого Вова организовал такси, чтобы отправить домой изрядно утомившихся родителей, за ними потянулись родственники Лики. Но оставшиеся гости не думали расходиться, веселье было в самом разгаре. Лику радовало, что к концу праздника ушел акцент на молодоженов, просто был прекрасный повод познакомиться с новыми людьми, потанцевать, хорошо выпить и вкусно поесть. Она с интересом наблюдала, как бедная Светлана, приглашенная вместе с Андреем, волнуется, что к ее кавалеру проявляют повышенное внимание незамужние подружки Лики. Андрей же беззаботно кружился уже не в первом танце с Маргаритой (приятельницей Лики по университету), кажется, он совсем забыл, что пришел сюда со Светланой. Вова в этот момент куда-то вышел, а Лика болтала с Юлькой и Сергеем, обсуждая Юлькину беременность, гадая, кто же у них родится. Раздосадованная Светлана подошла к ним, и не заморачиваясь, что прервала беседу на полуслове, обратилась к Лике:

– Лика, ну, объясни мне, как можно так быстро женить на себе такого замечательного мужчину, как Владимир Влади-

мирович? Может быть, ты знаешь, какие-нибудь колдовские приемы? Поделись, подружка, а то, смотри, у меня из-под носа уводят моего любовника, а я не знаю, что предпринять.

Ли́ка поняла, что Светлана пьяна, и назревает скандал. Вова, который хорошо мог разруливать такие ситуации, как назло, куда-то запропастился. К счастью, видно, услышав, что накаляется ситуация, подоспел Михаил Викторович (партнер мужа). Он подошел вместе с высоким мужчиной, ростом, не уступающим Светкиному, и сказал:

– Светлана, не ошибаюсь, так мне представил вас Владимир Владимирович, с вами хочет познакомиться Олег, наш общий друг, только он очень стеснительный, сам боится к вам подойти.

Светлана была совершенно ошеломлена таким поворотом, поэтому ее боевой настрой мгновенно исчез, и она уже сияла счастливой улыбкой. Ли́ка с Юлькой поскорее отошли в сторону и уже издали наблюдали, как Светлана с Олегом, возвышаясь над остальными, стали скользить в танце. А к подружкам подошел Михаил с женой и объяснил, что благодаря своей жене Татьяне, которая поняла, что назревает скандал, удалось миром решить ситуацию. В результате все посмеялись, ну, какая же свадьба без скандала.

– Михаил Викторович, а вы не знаете куда запропастился мой муж?

– Ли́ка, сколько раз повторять, мы же с вами условились, для вас я – просто Михаил, иначе буду называть вас Анже-

ликой Максимовной (мне ваш муж посоветовал применять такую угрозу). А где Владимир Владимирович, я не знаю, пойду поищу.

Михаил вместе с Юлиным мужем Сергеем направились на поиски пропавшего жениха, а женщины продолжали весело болтать, обсуждая свадьбу, которая близилась к завершению. Все сошлись на том, что мероприятие явно удалось, недаром, народ никак не хочет расходиться. Татьяна восхищалась выбором ресторана, она в это заведение попала впервые, и для нее оно стало настоящим открытием. Татьяна утверждала, что все вышло так замечательно именно из-за правильно подобранного места проведения торжества. Еще собеседницы с интересом наблюдали, как Олегу удалось быстро успокоить Светлану, они теперь все время танцевали вместе, иногда присаживаясь за стол, чтобы выпить за какие-то свои локальные тосты. А легкомысленный Андрей, по-прежнему, кружил в танце Маргариту.

Играла музыка, гости танцевали, иногда прикладывались еще к спиртному и закускам. Было весело, шумно, как бывает в конце мероприятия, когда все уже столько выпили, что можно вести себя совершенно свободно. Но все равно это была какая-то мирная, упорядоченная суета, которая равномерно распределялась по всему помещению. Неожиданно обстановка резко поменялась. Хотя музыканты по-прежнему играли, вдруг началось направленное перемещение людей к выходу на террасу.

– Наверно, Вова придумал еще какой-нибудь аттракцион, типа «горящих свечей». Странно только, почему он меня не зовет посмотреть.

Все это промелькнуло в голове у Лики, когда она вместе с собеседницами, поддавшись общему потоку, двинулась к выходу. Первое, что бросилось в глаза, когда входная дверь распахнулась, была ярко светящаяся надпись: «ЛИКА + ВО-ВА = ЛЮБОВЬ». Но толпа стояла чуть в стороне от входа, ближе к ступеням лестницы, кольцом окружив, предмет, лежащий на земле. На контрасте с шумом, стоящем в зале, Лику просто оглушила, установившаяся здесь зловещая тишина. Лика протиснулась сквозь плотное кольцо гостей и увидела – на площадке лежал ее муж, на белой сорочке расплылось большое красное пятно. Увидев Лику, к ней подбежал Михаил, схватил ее под локоть, отвел в сторону и произнес:

– Лика, прошу вас, сейчас самое главное, сохранять спокойствие, Владимир Владимирович жив. Произошло чудовищное преступление – него стреляли. Уже едет «Скорая Помощь» и полиция, мы, к сожалению, в данный момент просто бессильны, не можем ничем ему помочь, нам остается только молиться. Секундочку, Лика, вижу, подъезжает «Скорая Помощь», сейчас спрошу, в какую больницу они отвезут Владимира Владимировича.

Все, что было потом, Лика вспоминала уже дома, где она оказалась поздно ночью, потому что на место преступления

приехала полиция, и никого не отпускали, пока шли следственные действия. События этой ночи перед ней возникали, как просмотр детектива, в котором Лика была действующим лицом, она видела себя, как бы со стороны.

Вот она мечется, пытаюсь поехать в больницу, куда увезли ее мужа, представители следственной бригады ее не отпускают, необходимо опросить всех, находившиеся на свадьбе людей, даже фотографа. Михаил пытается убедить Лику, что сейчас бессмысленно ехать в больницу, пока врачи занимаются своим делом, они все равно ничего не скажут, да, и не пустят дальше вестибюля. Наконец, Лика, поняв, что вырваться не удастся, начинает мыслить более рационально, понимая, что надо обязательно сообщить следствию об угрозах, поступавших ее мужу. Она осматривает следственную бригаду, чтобы понять, кто тут главный, поскольку все в штатском, понять это трудно. Из всей бригады больше всего выделялся солидный пожилой человек и молодая девушка, по виду сверстница Лики. Девушка вела себя очень активно, к ней постоянно обращались другие члены бригады. Но у Лики она не вызвала доверия, потому что была одета слишком вызывающе, по последней моде. Поэтому Лика решила, что лучше всего обратиться к пожилому сыщику. Но когда она стала рассказывать ему про угрозы, поступавшие ее мужу, он позвал Киру Сергеевну (так звали молодую девушку следователя), и заставил Лику еще раз повторить про угрозы все, что она знает.

Когда все следственные действия были закончены, Лика вместе с Михаилом и Андреем смогли, наконец, поехать в больницу. Там они еще часа два ожидали, пока им не сообщили, что операция прошла нормально, пациент жив, но говорить о прогнозах рано, надо ждать, что покажут ближайшие пять дней. Поскольку пациент – без сознания, и помещен в реанимацию, врач объяснил, что в ближайшее время к нему пускать не будут, и нет никакого смысла близким находиться в больнице.

Лика сидела в кухне, как и была, в белом свадебном платье, не в силах пошевелиться, прокручивая пленку с последними событиями. Усугубляла эту картину всплывающая в мозгу, яркими сполохами надпись из горящих свечей: «ЛИКА + ВОВА = ЛЮБОВЬ». За окном уже начал брезжить рассвет. Наконец, Лика встала, решила сварить кофе, но руки были, как одеревеневшие, чашка выпала из рук, со звоном упала на пол, разбившись на мелкие осколки. Шум разбудил бабушку, она в халате вышла из комнаты.

– Лика, ты где? Наконец-то, вы приехали. А мы с дедушкой не дождались вас, легли спать. А где твой замечательный муж? Лика, признаюсь тебе, я просто влюбилась в твоего Володю. Сделай мне, пожалуйста, тоже порцию кофе. Сейчас расскажу тебе анекдот, как бабушка у своей внучки жениха отбивала. Ой, ты, оказывается, чашку разбила, это к счастью. Осторожно, смотри не порежешься! Так ты мне не ответила, где Володя, зови его, ему тоже понравится этот анекдот.

Ли́ка, с трудом подбирая слова (казалось, у нее резко сократился лексикон), описала бабушке, что произошло. Бедная бабушка на глазах из крепкой пожилой женщины превратилась в дряхлую старушку, тяжело осела на стул, и тихо прошептала:

– Бедная девочка, за что тебе столько горя.

Слова бабушки, кажется, попали в резонанс с мыслями Ли́ки о том, что судьба жестоко забирает у нее самых близких, дорогих людей. Но, услышав это от другого человека, в ней вдруг поднялся бурный протест нахлынувших эмоций. Нет, сейчас этого не случится, Во́ва просто обязан жить, все будет хорошо. И Ли́ка твердо сказала бабушке, чтобы та даже не смела думать, что ее муж может не поправиться. Убеждая бабушку, Ли́ка и сама начала верить, что все наладится, необходимо только время.

Выполняя задание следователя, еще раз осмотреть место преступления, оперативник Анто́н Васи́льков работал на территории, прилегающей к ресторану, с самого утра, осматривая каждый клочок земли. Наконец-то, после двух часов тщетных поисков, удача – по ту сторону ограды удалось обнаружить гильзу. Аккуратно поместив ее в пластиковый пакет, Анто́н отправился в следственный отдел. Пока ехал в машине, вспоминал вчерашний опрос свидетелей, присутствующих на свадьбе. Как это бывает обычно, опросы выпивших гостей ничего не дали – никто ничего не видел и

не слышал. Правда, «легавая» ухватилась за угрозы, о которых ей поведала новобрачная, и следователь Кира Сергеевна Лиговская сама стала рыть в этом направлении, не доверила даже Ивану Ивановичу. Антону же казалось, что, скорее всего, стрелял бывший кавалер невесты, которого она бросила из-за выгодного жениха, а он уж вряд ли будет посылать угрозы. Но «легавая» думает, что она самая умная, что же, посмотрим, кто прав, а пока гильза – единственная улика вчерашней стрельбы на свадьбе.

Приехав в следственный отдел, Антон первым делом постучал в кабинет Лиговской, но ее не оказалось на месте. Раздосадованный оперативник с шумом вошел в кабинет, который они издавна делили с Иваном Ивановичем Петренко, громко хлопнув дверью.

– Здорово, Иваныч! Ты не в курсе, где пропадает наша «легавая», надеюсь не в косметическом салоне?

– Привет, Антон! Зря ты так относишься к старшим по званию, тем паче к твоему прямому начальству.

– А, чего такого я сказал, просто чуть-чуть переименовал ее фамилию. Скажи честно, Иваныч, тебе разве не обидно, что над тобой стоит такая малявка, и тебе – опытному оперу говорит, что надо делать?

– Я, Антон, на службе привык не размышлять, что мне приятно, а работать по уставу. Если Кира Сергеевна назначена в нашу группу старшим следователем, значит, я подчиняюсь ее приказам.

– А я не уважаю людей, которые не по заслугам, а по благу занимают должности. Насмотрелись телевизионных сериалов, где красотки расследуют сложнейшие преступления, мужики там все, как один – дураки, а эти умницы работают, ну, просто Шерлоки Холмсы в юбках. И пошла такая мода назначать на должность старших следователей молоденьких женщин, которых по благу двигают их покровители.

– С чего ты решил, что Лиговская устроилась сюда по благу? Мне Юрий Маркович, рассказал, что она до нас работала в Главном Следственном Управлении, руководила там, по моему, целым отделом. Кстати, уже защитила диссертацию (она кандидат юридических наук), а к нам она пришла не на повышение карьеры, а, наоборот, можно сказать, скатилась вниз.

– Так, значит, ее выгнали, небось, натворила там делов, а к нам сбежала от позора. На дуру она не похожа, чтоб сама тепленькое место бросать.

– Тут другая ситуация, Антон. Я историю Киры Сергеевны знаю от нашего руководителя департамента Юрия Марковича. Он сам лично много лет дружил с ее отцом – генералом Лиговским.

– Иван Иванович, так я вам полчаса твержу, что все по благу, ясный пень, если такой папочка. А иначе как, сидя в кабинете, в тридцать лет получить звание подполковника.

– Спешись, Антон, ты, дослушай меня. Ее отец прошел путь от рядового опера до генерала. Работая сыщиком,

при задержании опасных преступников был тяжело ранен. Недавно генерал Лиговской умер, и дочь, в память об отце, решила не отсиживаться, как ты говоришь, в теплых кабинетах, а повторить его путь.

– Иван Иванович, она же не простым опером устроилась, а старшим следователем.

– Видно, зря я тебе, Антон, все это рассказал, ничего ты не понял.

– Вы, так расхваливаете Киру Сергеевну, тогда объясните мне, почему она вас отстранила от расследования угроз потерпевшему, и сама занялась этим перспективным, как ей кажется, направлением поиска преступника?

– Почему отстранила? Пока ты ездил на место стрельбы, мы вместе с Кирой Сергеевной по некоторым наводкам в показаниях жены потерпевшего искали личность и местонахождение человека, посылавшего угрозы. Как сказала жена потерпевшего, ее муж не заявлял в полицию об угрозах, потому что не считал их серьезными, объяснял, что его просто шантажируют, требуют денег, к которым он приучил этого парня. Сама жена не знала фамилии и адреса шантажиста, но сказала, что лет десять назад этот шантажист был в одной машине с родным братом потерпевшего, погибшим, когда они попали в ДТП. Это помогло нам найти шантажиста, я пробил по базе данных, установил его адрес, и Кира Сергеевна сама поехала к нему с визитом.

– Иваныч, а почему ты отпустил ее одну, ведь, это опасно?

Кто знает, может, это опасный преступник, а вдруг он и есть стрелок на свадьбе?

– По той информации, что мы о нем получили, вряд ли он пистолет в руках умеет держать, а выстрел был сделан профессионалом, ты же помнишь, Антон, при осмотре раненого мы сделали такое заключение.

– Так, опять не пойму, а зачем тогда ездить к шантажисту?

– Антон, что с тобой, сегодня я тебя не узнаю, ты ли это? Надо убедиться, может, он нанял киллера, (хотя, если подумать, зачем убивать «курицу, несущую золотые яйца», да и киллер стоит немалых денег). Ну, в общем, она поехала все выяснить, чтобы окончательно отмести шантажиста. Кстати, Антоша, ты мне не рассказал, с каким результатом ты вернулся с места преступления, давай, колись.

– Нашел стреляную гильзу от пистолета за оградой этого ресторана. Хотел прежде, чем отдать гильзу на экспертизу, отрапортовать «легавой», то есть Лиговской.

– Антоша, что-то здесь не чисто, признавайся, почему тебя так раздражает Кира Сергеевна? Откройся старому сыщику, может, полегчает.

– Иван Иванович, вы правы, она меня действительно раздражает, во-первых, чересчур самоуверенная, а, во-вторых, слишком уж красивая для нашей грязной работы.

– Прямо с этого места, поподробнее, причем здесь красота, ты что, Антон, влюбился в нее? Ты же у нас вроде как давал обет безбрачия.

– Иван Иванович, ну, причём здесь влюбился, просто раздражает меня Лиговская, вот и все.

Их разговор прервал звонок телефона Ивана Ивановича, который он как раз держал в руке, собираясь позвонить в клинику узнать, можно ли уже забрать пулю, извлеченную из потерпевшего. На экране высветилась Кира Сергеевна. Попросила зайти к ней в кабинет, обсудить ход дальнейших действий.

– Проболтал я с тобой, Антон, не успел выполнить поручение Киры Сергеевны, ну, да ладно, поеду в больницу сразу после совещания, не созваниваясь предварительно. Идем, она нас ждет, кстати, там доложишь ей о своей находке.

Когда зашли в кабинет Киры Сергеевны, Антон про себя недовольно отметил, что она, как всегда, вырядилась так, как будто дефилирует по подиуму.

– Могла бы одеваться поскромнее, все-таки здесь следственный отдел, а не... ,

Антон не успел завершить свою мысль, как Кира Сергеевна попросила его отчитаться об осмотре места происшествия. Антон терпеливо объяснил, где обнаружил находку, показал пакетик с гильзой, сказал, что это явно гильза от пистолета. Кира Сергеевна удивленно спросила:

– Антон Григорьевич, а вы замерили расстояние, от места, где лежал потерпевший, до ограды, где вы нашли гильзу?

– Не замерял, но у меня глазомер хороший, думаю – метров 200.

– А это значит, что пистолет был уникальный, переделанный, чтобы стрелять на таком расстоянии. Надо спросить экспертов, нет ли его в нашей базе. Так, значит, гильзу и пулю срочно на экспертизу. Иван Иванович, вы еще не успели забрать извлеченную пулю?

Кира Сергеевна прервала оправдания Ивана Ивановича, согласившись, что он это сделает сразу после совещания. И начала рассказывать, что ей удалось раскопать у шантажиста:

– Мне удалось застать Егора Дружинина дома, он только что вернулся из больницы, где работает врачом. Увидев мое удостоверение, Дружинин очень испугался, он сразу понял, что я буду интересоваться его письмами с угрозами. Тем не менее, вначале он пытался отрицать, что шантажировал Владимирова, но, как только я сказала, что к нам попало его последнее письмо с угрозами, взорвать себя и Владимирова гранатой, он сразу сник. И, уже дальше, мне не пришлось ничего выпытывать, он сам все рассказал. Там, конечно, история интересная, но явно не по нашему профилю, там просто сюжет для авантюрного романа. Он описывал свои мучения мне очень долго, но коротко в нескольких фразах дело было так:

– Лет десять назад он учился в медицинском институте вместе с родным братом Владимирова – Дмитрием. Этот Дмитрий выпросил машину у старшего брата, они взяли с собой девушку (запоминайте, это может пригодиться) и поехали отмечать день рождения своего друга. В результате,

как я понимаю, они напились, и возвращаясь домой, врезались в многотонный самосвал. Дмитрий, который был за рулем, погиб на месте, у Егора Дружинина были сложные переломы, он долгое время не мог ходить, а девушка отделалась испугом. Так вот, наш потерпевший Владимиров долгие годы содержал этого Егора Дружинина, оплачивая его лечение, потом учебу, чтобы тот смог окончить институт. А на девушке, которая была в машине Владимиров женился, таким образом тоже обеспечивая ей небедное существование. А где-то год назад Владимирову, как шлея под хвост попала (так выразился Дружинин), он вдруг перестал давать деньги Дружинину, а с женой развелся, и тоже оставил ее ни с чем. Запоминайте, теперь бывшая жена Владимирова живет с Егором Дружининым. Так эта парочка трутней решила, что Владимиров виноват, во всем, и в аварии, поскольку на его машине они разбились, и вообще во всех их бедах, вот они на пару и стали писать ему письма с угрозами, надеясь вытянуть из него деньги. Самое интересное, что этот горе-шантажист просто уверен, что Владимиров обязан его содержать. Когда я спросила почему у него такая уверенность, вы знаете, что он мне ответил: «Но он же платил предыдущие годы, значит понимал, что виноват».

В это время зазвонил телефон на столе у Киры Сергеевны. Из разговора Антон понял, что начальство требует у нее отчета по делу о стрельбе на свадьбе. Хотя подполковник Лиговская, по-прежнему, раздражала майора Василькова, он не

смог не оценить, как по-деловому, очень четко Кира Сергеевна вкратце объяснила начальству ситуацию, сказала, что сейчас у нее идет совещание как раз по расследованию этого преступления. Кстати, упомянула, что над этим делом работают вместе с ней майор Петренко и майор Васильков, и после совещания с ними обещала зайти и подробно доложить начальству, какие версии они прорабатывают. Антона очень удивило, что она не «якала», а поставила вопрос так, что все разрабатываемые версии это – результат совместной работы. Когда Кира Сергеевна положила трубку, она сходу продолжила свой отчет сотрудникам, о том, что ей удалось узнать:

– Так, на чем я остановилась? Да, вспомнила, я рассказала вам, что у шантажистов сформировалась полная уверенность, что Владимиров должен их содержать всю жизнь. Идем дальше: я узнала, где были Егор и бывшая жена Владимирова в субботу, у обоих абсолютное алиби – он дежурил в больнице, а «бывшая» весь день провела в косметическом салоне. На слово я им, конечно, не поверила, решила проверить их алиби: оказалось, действительно они не соврали, свидетели подтверждают это.

Кира Сергеевна сделала какие-то пометки в своем блокноте и продолжила:

– А шантажистов я вызвала к нам в следственный комитет, пусть, на всякий случай, письменно опишут свои подвиги, так как жена потерпевшего уверена, что именно они виноваты в случившемся. Антон Григорьевич, прошу вас съез-

дить к жене Владимирова, необходимо взять это письмо с угрозами (я на него ссылалась, а сама в глаза письма не видела, говорила только со слов нынешней жены); тоже подождем его к делу. Но, вот кажется, и все, что мы знаем на данный момент, прошу высказывать версии, какие, по вашему мнению, направления нам надо в первую очередь проверить. Иван Иванович, давайте с вас начнем.

– Мне кажется, учитывая, что потерпевший Владимиров очень богатый человек, надо идти по линии «кому выгодно», кто получает выгоду от его смерти. Я бы проверил его новую жену, что-то он очень быстро второй раз женился, а также его партнера по бизнесу. Я уже начал смотреть, какие у него отношения с партнером, и узнал довольно интересные вещи. Его партнер, с которым он вместе начинал свой бизнес, вдруг полгода назад, уходит от Владимирова, забрав свои деньги, вложенные в дело, а потом также неожиданно вместе с деньгами возвращается буквально за две недели до свадьбы, на которой произошло покушение. Странная ситуация, не правда ли? Насчет его новой жены мне удалось только узнать, что она месяц назад ушла из НИИ, в котором проработала три года после окончания университета. Тоже немного подозрительная ситуация, но я еще не выяснил, как давно они были знакомы с потерпевшим. И еще, я бы не упускал из виду бывшую жену, женщины – народ мстительный, нельзя исключать этот факт.

– Согласна, Иван Иванович, тогда давайте займитесь эти-

ми направлениями. Антон Григорьевич, прошу вас высказать свои версии, которые необходимо разработать.

– Я считаю, что одно из главных направлений, понять, каким оружием был произведен выстрел, если из пистолета, то должен был стрелять просто ас на таком большом расстоянии. Еще, мне думается, надо проверить бывшего парня новоиспеченной жены, кто знает, вдруг там Шекспировские страсти, в наше время редко, но тоже такое случается. Согласен с Иваном Ивановичем, что молодую жену надо очень тщательно проверить, может быть, трюк с угрозами – просто отвлекающий маневр, желание пустить следствие по ложному следу.

– Согласна, Иван Иванович, вы все равно будете заниматься женой, поинтересуйтесь на предмет «бывших». Антон Григорьевич, давайте, вы полностью переключитесь на оружие, съездите сами в больницу за извлеченной пулей, и сразу передадите пулю и гильзу экспертам. Ну, и еще, как договорились, привезите мне письмо с угрозами, кстати, наблюдаете там за женой потерпевшего. Так, теперь мне надо отчитаться вышестоящему начальству о ходе расследования, поэтому я вас больше не задерживаю.

Когда сыщики оказались в своем рабочем кабинете, Антон сразу же выпустил пар, накопившийся во время совещания:

– Представляете, Иван Иванович, она из меня хочет сделать почтальона Печкина. Неужели нельзя было вызвать эту

жену вместе с письмом в следственный комитет, по-моему, «легавая» просто издевается надо мной.

– Антоша, не переживай, давай я вместо тебя смотаюсь к новой жене, я все равно занимаюсь ее разработкой, посмотрю, как она живет, прощупаю интересующие меня вопросы, а заодно и письмо прихвачу.

– Ну, уж нет, Иван Иванович, поскольку мне поручено, я выполню сам. Ты мне набросай план, что надо спросить у... (хотел сказать, подозреваемой), нет, пока еще только у жены потерпевшего. Пока ты накидаешь, что тебя интересует, я мигом смотаюсь в клинику за пулей. Иван Иванович, заметь, я строг, но справедлив. Я оценил, как «легавая» сразу усекла, что имеется нестыковка типа оружия и расстояния, с которого произведен выстрел. Я-то это сразу понял, но решил не говорить ей, а самостоятельно работать в данном направлении, хотелось утереть ей нос, но не вышло. Вот теперь, уже точно убегаю.

Лица только что вернулась из больницы, ее, по-прежнему, не пускали к мужу, хотя она каждый день, как на работу, ездила туда в надежде, что произойдет чудо – Вова выйдет из комы, и начнет выздоравливать. Но, чудо задерживалось, хотя врачи убеждали Лику, что надо набраться терпения, они фиксировали положительную динамику. А вчера ей удалось поговорить с хирургом, который оперировал Вову, так он сказал, что вообще ее мужу крупно повезло, если бы

пуля прошла на миллиметр левее, то тогда бы и говорить было не о чем – врачи не смогли бы спасти его. Но, Лика несмотря на то, что ее все еще не пускали к Вове, а также несмотря на то, что положительную динамику она сама не могла наблюдать, а врачи о ней судили лишь по показаниям приборов, все равно верила, что любимый вылечится.

Эта вера появилась у нее в первый же день после убийства, когда бабушка думала, что произойдет худшее, а Лика стала доказывать ей – все будет хорошо, Вова поправится. С тех пор Лика не позволила себе ни на минуту усомниться в этом. Еще ей приходилось все время успокаивать и передавать свою веру в хороший исход родителям Вовы. Особенно тяжело переживала его мама, она даже слегла с сердцем. Поэтому Лика почти каждый день навещала родителей мужа, пытаясь и в них вселить свою уверенность, привозила им лекарства для Марии Петровны.

Сейчас Лике вдруг вспомнилось, как несколько дней назад, к ней заходил оперативник из следственного комитета, чтобы забрать письмо с угрозами. Он пришел вовремя, потому что Лика сама уже собиралась отвезти это письмо в полицию, чтобы помочь найти преступника. Лика не могла простить себе, что сказала Вове, чтобы он не заявлял на шантажиста. Она решила, что скорее всего, этот Егор и осуществил свою угрозу. Правда, в письме шла речь о гранате, притом он грозился подорвать и себя, но, видно, у шантажиста что-то пошло не так, а быть может, струсил, стало себя жалко. К

удивлению, Лики, сыщик, который представился, как майор Васильков, сказал ей, что следователи уже проверили шантажиста и его подругу, у них обоих – алиби, они не причастны. Кому же тогда понадобилось убивать ее мужа?

Потом Лику удивило, что этот майор стал задавать ей какие-то странные вопросы. Помнится, его интересовало, как давно Лика знакома со своим мужем, когда ответила, что – только месяц, он вроде даже назвал их свадьбу скоропалительной, спросил, почему такая спешка. А, когда Лика поинтересовалась у майора, какое отношение это может иметь к выстрелу, он сурово сказал, что, типа, его работа проверять все факты. Еще более удивительный был вопрос, с кем Лика встречалась до Владимирова. То, что предыдущие отношения кончились год назад, не убедило майора в бессмысленности поиска «бывшего», поэтому пришлось Лике сообщить об Игоре все, что она знает.

А, когда сыщик, хитро прищурившись, спросил Лику, кто ей подарил такую роскошную квартиру, «бывший» или потерпевший, она сначала растерялась, не понимая к чему он клонит. Ответила, что это квартира, в которой она живет уже много лет, приобрели ее родители. Но майор не отставал, стал спрашивать, а где сейчас родители, пришлось и это объяснять ему. И тут до нее дошло, что ее тоже подозревают, думают, что она – охотница за деньгами бизнесмена Владимирова, вышла за него замуж из корыстных побуждений, и сразу же, не откладывая в долгий ящик, решила избавиться-

ся от него. Лика помнит, что ее настолько возмутило подобное предположение, что она просто выпалила этому глупому майору:

– Если вы подозреваете, что мне от моего мужа нужны его деньги, то вы очень сильно ошибаетесь, у меня, у самой – денег куры не клюют, можете проверить, сейчас я вам дам визитку банка, в котором лежат мои капиталы.

Лике, вспоминая эту сцену, даже самой стало смешно, как после ее пламенной речи растерялся этот суровый майор. Но это было лишь мгновенное замешательство, он быстро вернулся в свою колею, и стал спрашивать, не «бывший» ли оставил ей эти деньги. Пришлось объяснять, откуда у нее появился капитал. Уходя, майор посоветовал Лике никуда не уезжать в ближайшее время, возможно, придется еще посетить следственный комитет, дать интересующие следствие разъяснения. Лика, хотя не куда не собиралась уезжать, но зачем-то спросила майора, так, что она теперь находится под подпиской о невыезде? На этот вопрос сыщик ответил, что это – пока только совет.

В результате, когда ушел майор Васильков, Лика подумала, что зря она так обиделась, отвечая на вопросы сыщика. Он просто выполняет свою работу, поэтому должен подозревать всех, пока не найдут преступника.

Затренькал телефон, Лика увидела, что на связи – бабуля из Новосибирска, она теперь звонит почти каждый день. Приходится давать отчет, к сожалению, все без изменений,

обрадовать нечем. Но Лика поняла, что ее совсем не раздражают долгие разговоры с бабушкой, вроде ни о чем, а действуют успокаивающе. Пока разговаривала с бабулей, Лика машинально теребила толстую папку, лежащую перед ней на столе. Когда окончила телефонный разговор, поймала себя на том, что интуитивно, помимо своей воли, начала раскрывать папку.

Осознав это, Лика, как обожглась, отдернула руку. Дело в том, что эту папку на второй день после свадьбы принес фотограф, он позвонил, сказал, что работа выполнена, спросил, по какому адресу привезти. Ничего не оставалось делать, пришлось дать адрес, мастер же ни при чем, что ей сейчас не до снимков счастливой свадьбы, тем более, зачем ему хранить чужие фотографии, и флешку с видео. Лика, как положила папку на стол, так она и лежала, сама же Лика наложила «табу» на просмотр. Слишком тяжело сейчас смотреть на беспечное счастье, запечатленное в папке. Да, надо папку убрать, решила Лика, вот Вова вылечится, тогда и посмотрим вместе. Убрав подальше с глаз папку, Лика глянула на часы, и ужаснулась, ей же еще заезжать в аптеку за лекарствами для Марии Петровны. Она тоже ждет невестку с нетерпением, помимо лекарств свекровь привыкла получать от Лики так необходимую ей порцию успокоения и уверенности, что все будет хорошо.

– Иван Иванович, наконец-то, где ты пропадаешь, набро-

сился Антон на только что вошедшего оперативника.

– Звонила Кира Сергеевна, вызывает нас на «ковер», опять затевает перемалывание того, что и так всем известно. Не знаю, зачем лишняя болтовня, раньше просто работали, а теперь с ней сто раз все проговариваем, теоретизируем. Кому нужна эта болтология? Помнишь, как было, с ушедшим на пенсию старшим следователем Юрием Николаевичем? Он давал нам поручения, мы выполняли, а уж он сам решал, в каком направлении рыть. А сейчас Кира Сергеевна хочет устроить видимость «коллективного разума», так что ли?

– Антоша, во-первых, уже хорошо то, что ты перестал называть Киру Сергеевну «легавой». А, во-вторых, мне нравится ее система работы. Прикинь, мы не просто тупо выполняем поручения, а она подключает нас к поиску новых гипотез, прислушивается к нашему мнению, заставляет нас самих больше думать. Ладно, хватит обсуждать приказы, ты же говоришь, что она нас ждет, так идем быстреей.

Когда оперативники зашли в кабинет старшего следователя, Лиговская без предисловий перешла к уже привычному анализу проделанной работы.

– Антон Григорьевич, прошу еще раз обосновать вашу версию, что стрелял не дилетант, а скорее всего, нанятый киллер.

– «Элементарно, Ватсон», начал было Антон, но тут же сам понял, что в кабинете подполковника это звучит фами-

льярно. Все-таки он не с девушкой общается, а со старшим следователем, и неважно, что она его раздражает, по-прежнему. И уже более официально продолжил:

– Во-первых, экспертами было сразу установлено, что оружие, из которого был произведен выстрел, уже имеется в нашей базе данных, причем из него стреляли несколько раз, а точнее были зафиксированы три заказных убийства с этим пистолетом, переделанным под дальнобойную стрельбу. Гильзы и пули, обнаруженные в этих убийствах полностью идентичны нашим (у всех пуль есть одинаковые царапины, появляющиеся, по-видимому, из-за переделки пистолета умельцами).

– Во-вторых, оказалось, что заказчик одного из убийств с этим оружием был установлен и осужден. Я поднял это дело, в результате удалось выяснить, что на допросе заказчик признался, что нанимал киллера. Правда, киллер не был найден, так как заказчик обращался к нему по наводке «авторитетных» людей, которые сами вывели на него убийцу. Говорит, с киллером не встречался, разговаривал только по телефону. Тот сам позвонил, сказал в какой ячейке оставить данные на жертву, а затем также в ячейке заказчик оставлял деньги, сначала аванс, а потом и полную сумму. Единственное, что ему сказали «авторитеты», что кличка этого киллера «Чемпион», видно, потому что он стрелял без промаха. Имена «авторитетов» осужденный бизнесмен не выдал, боялся их даже в тюрьме.

– Я поинтересовался, когда были совершены раскрытые заказные убийства из интересующего нас оружия, оказалось, они были зафиксированы, первое, десять лет назад, последнее немного меньше четырех лет назад. Последние три года этот киллер не обнаружил себя, либо залег на дно, либо сменил оружие. А может лежит в сырой земле, свои же «авторитеты и прикончили».

– Спасибо, хорошо поработали, Антон Григорьевич. Теперь получается, надо подумать, кто из нашего списка подозреваемых мог заказать Владимирова. Иван Иванович, давайте прикинем, все ли мы учли, сняв подозрения с жены потерпевшего и его партнера по бизнесу. Слушаю ваши аргументы:

– Кира Сергеевна, по моим разработкам получается, что они оба ни при чем. Но я вам расскажу, что удалось установить, а вы меня поправьте, если что-то у вас вызовет подозрение.

Майор Петренко, на всякий случай, раскрыл, прихваченный блокнот с рабочими пометками, но начал говорить, не заглядывая в него:

– Так, жену, как и договаривались, я проверял на корыстный интерес, подозрение вызывала поспешность заключения брака. Во-первых, они действительно познакомились всего за месяц до свадьбы, будущая жена устроилась на фирму Владимирова работать переводчицей.

Дальше майор Петренко докладывал, изредка сверяясь с

записями в блокноте:

– Мне показалось странно, почему она устроилась переводчицей, хотя была специалистом в другой области. Жена Владимирова окончила МГУ по специальности биохимия, и трудилась после окончания вуза три года в НИИ эпидемиологии. Но, действительно, оказалось, что помимо своей специальности она в совершенстве владеет несколькими иностранными языками. Кстати, в НИИ о Журавлевой (такая фамилия у нее была, до замужества) самые хвалебные отзывы, говорят, что ведут с ней переговоры, чтобы она вернулась. Я толком не понял, почему она уволилась по собственному желанию (наверно, чтобы поработать переводчицей, и выйти замуж). Мне ее руководство очень мутно объяснило, почему они отпустили такого талантливое кадра. Но с Владимировым она стала жить сразу после знакомства, причем в ее квартире, доставшейся ей по наследству от родителей. А свой дом на Рублевке Владимиров выставил на продажу, и, кажется, уже продал его. Кроме всего прочего, у Журавлевой оказалась запредельная сумма на счету в банке, я проверил, капитал ей тоже достался по наследству (живут же люди!). Так что, трудно сказать, у кого был больше корыстный интерес у Журавлевой или у Владимирова (а может быть, это любовь?).

Сделав такой глубокомысленный вывод, Иван Иванович на секунду замолк (наверно, сам не ожидал от себя таких лирических заключений), но быстро спохватившись, продол-

жал:

– У нас еще была версия, что здесь замешан бывший парень Журавлевой. Его я тоже проверил – какой-то невыразительный тип, от него за версту несет парфюмерией. Если бы он сам стрелял, то место преступления два дня сохраняло бы его запахи. Нанять киллера он вряд ли в состоянии – я узнал о его доходах. Да, еще интересная деталь, о богатствах своей «бывшей» он ничего не знает. Сказал, что сейчас у нее прекрасный богатый поклонник, и «бывшая» смогла с его помощью выручить этого бедолагу в трудной ситуации, одолжила ему целый миллион (он в полной уверенности, что Журавлева смогла достать такие деньги, взяв их у богатого поклонника). Я узнал в банке, действительно Журавлева снимала миллион в день, названный «бывшим».

– Теперь о партнере по бизнесу – Михаиле Викторовиче Круглове. Они с Владимировым образовали свою фирму по производству лекарственных средств пятнадцать лет назад. Сначала это был один небольшой цех, со временем расширили производство, теперь у них довольно крупный фармакологический завод по производству отечественных препаратов, а также аналогов импортных лекарств (сейчас посмотрю в блокноте, я записал, как это называется, вот нашел – дженерики). Где-то год назад бывшие друзья и партнеры разошлись, как в море корабли. Круглов забрал свои деньги, вложенные в бизнес, и ушел в свободное плавание. Опросив сотрудников, мне удалось узнать, из-за чего произошел скан-

дал.

– Оказывается, и здесь обнаруживается жирный след бывшей жены Владимирова, который застукал жену с другом у себя дома в собственной постели. И разгневался Владимиров вовсе не из-за измены жены (это обстоятельство было как раз ему на руку), а его возмутило предательство друга. Сам Круглов тогда не знал, что Владимиров, уже некоторое время назад хотел развестись с женой, но его удерживал брачный договор, по которому он только в случае измены жены ничего ей не дает, а иначе бы пришлось вынимать деньги из бизнеса. Круглов об этом узнал, когда незадолго до своей свадьбы с Журавлевой его друг первый пошел на примирение, сказал, что, благодаря этой истории, он нашел свое счастье, встретил свою вторую половинку (он имел в виду Журавлеву). Этим и объясняется, что Круглов вернулся вместе со своими капиталами на прежнее место.

– Меня насторожило, что опять всплыла бывшая жена Владимирова. Несмотря на то, что мы исключили ее из круга подозреваемых, я решил покопаться в ее прошлом, узнать, чем она занималась, посмотреть на круг ее общения. В результате, когда эта парочка горе-шантажистов была вызвана в следственный комитет для дачи письменных показаний, я с разрешения Киры Сергеевны допросил, нет, скорее побеседовал с бывшей женой потерпевшего. Сейчас я расскажу, что мне удалось узнать. Прослушав доклад Антона, эти сведения, мне кажется, приобретают особый интерес.

– Так вот, росла эта Марина Романова в неблагополучной семье. Отца она вообще не знала, мать пила и встречалась с разными мужчинами. Они со старшим братом Маратом выживали, как могли. Потом, когда Марина училась уже в старших классах, а Марат окончил школу, мать исчезла вообще. Соседи говорили, сбежала с каким-то очередным мужиком на север. Где работал брат Марина не знала, но деньги всегда у него были, он полностью обеспечивал себя и Марину, ни в чем ей не отказывал. Поэтому, окончив школу с грехом пополам, Марина нигде не работала. Марат иногда пропадал на пару недель, но где был, никогда не рассказывал. Когда я все-таки пытался узнать, чем же занимался брат, Романова сказала, что, наверно, что-то связанное с его любимой стрельбой, быть может, тренером. Вот здесь, я попросил поподробнее, оказалось, что парень с детства занимался пулевой стрельбой из пистолета, получил звание мастера спорта. Но и последнее, что я выведал у Романовой, прямо вписывается в доклад Антона. Она сказала, что после того, как вышла замуж за Владимирова, брат, естественно, перестал ее опекать, она с ним почти не пересекалась. Знала только, что он сам завел себе гражданскую жену, которая родила ему ребенка, и после этого неожиданно исчез. Это было где-то больше трех лет назад, кто-то из знакомых говорил, что встречал его в Польше, но связи с ним с тех пор не было.

– За несколько дней до стрельбы в ресторане, брат неожиданно появляется в квартире Егора Дружинина. Говорит, что

с трудом нашел сестру, он и не знал, что она развелась с Владимировым. Сначала хотел зайти к ним в дом на Рублевке, оказалось дом продан, тогда зашел на фирму Владимирова, и там от секретарши узнал все новости, а также она сообщила, где можно найти сестру. Романова рассказала, что брат остановился у них на одну ночь. Вечером устроили застолье, брат, который вообще раньше не пил, тут надрался в стельку, начал плакать и рассказывать сестре, что решил поменять жизнь, стать добропорядочным семьянином, порвал все прошлые связи. Устроился в Польше тренером, приехал забрать жену и сына, а эта «тварь» вышла замуж, и ее супруг усыновил ребенка Марата. Марина стала утешать брата, таким жалким она никогда его не видела. Рассказала ему свою историю с Владимировым, который после развода не дал ей ни копейки, на что брат отреагировал очень остро, сказав, что таких отстреливать надо, как бешенных собак. Наутро он ушел, к радости Марины, оставил ей большую сумму денег, пробормотав что-то, типа того, что ему больше деньги не пригодятся. С тех пор она брата не видела, поэтому решила, что брат вернулся в Польшу.

– Отлично, Иван Иванович, теперь обозначилась четкая картина. Получается, что киллер это – брат Марины, Марат Романов. Надо узнать о нем все, что возможно, хотя вряд ли удастся, такие «специалисты» засекречивают свою биографию, почище чем разведчики. Еще надо спросить у врачей, можно ли уже побеседовать с потерпевшим Владимировым,

ладно, я сама займусь этим направлением. Кстати, в больнице мне сообщили, что, к счастью, раненный вышел из комы. У потерпевшего надо выяснить, кто ему звонил, не мог же он выйти к незнакомому на крыльцо ресторана. Если он подтвердит, что звонил брат Марины Романовой, значит мы на верном пути. А если наши выводы правильны, то получается, что покушение на убийство было совершено не по заказу, не из корыстных мотивов, не из-за мести, а просто из-за досады, потому что план убийцы, начать новую жизнь, сорвался. Киллер решил завязать со своим ремеслом, выжидал, пока перестанут искать его за прошлые преступления, устроился в Польше на работу, приехал забрать жену и ребенка, а оказалось, – опоздал. А тут подвернулся под руку Владимиров, который по словам сестры прогнал ее и оставил без денег – вот на Владимирове киллер и выместил свою обиду (а, заодно отомстил и за сестру), привычным образом, расстреляв жертву. Получается сюжет просто, как в детективном сериале, в нашей работе редко случаются такие сложные психологические драмы. Скорее всего, Романов уже уехал в Польшу, вероятнее всего, паспорт у него не на свою фамилию, хотя можно поинтересоваться, не пересекал ли гражданин Романов границу после «свадебного выстрела». В Польшу можно, конечно, направить запрос, но у нас нет даже фоторобота преступника. Иван Иванович, а вы не интересовались у его сестры, сохранились ли фотографии брата?

– Узнавал, она говорит, что нет, Марат еще, когда жил

вместе с сестрой, все, немногочисленные фотографии, на которых он был запечатлен, уничтожил.

– Кира Сергеевна, у нас единственная зацепка, чтобы поймать его, это только специфическая риска на пуле. Но это только, если он вернется к своему криминальному промыслу. На всякий случай, я буду отслеживать пули, которыми стреляли из дальнобойных пистолетов. Кто знает, может быть, перед тем как уехать в Польшу, он по дороге выместил свою злость еще на ком-нибудь. Сегодня же проверю отчеты по Москве и области.

– Антон Григорьевич, полностью согласна с вами, выполняйте.

Когда оперативники вернулись в свой кабинет, Иван Иванович обратился к младшему товарищу:

– Ну, что, Антоша, понял, что не зря Кира Сергеевна проводит такую, как ты говоришь, болтологию? Действительно, проговорив, то, что нарыл каждый в отдельности, сопоставив все факты – получили результат. Вот и получается «коллективный разум». Что молчишь, чего уткнулся в компьютер, признай лучше, что был неправ.

– Подожди, Иван Иванович, я тут смотрю обзор по происшествиям с пистолетами. И одно меня очень заинтересовало. Вот послушай: недалеко от нашего ресторана, в лесопарке, на окраине Москвы, на следующий день после покушения на Владимирова был найден труп мужчины, пред-

положительно покончившего с собой выстрелом из пистолета, кустарным образом переделанного под дальнобойный. Чую, это наш герой. Позвоню в отделение милиции, расследующее это самоубийство, узнаю, какую пулю извлекли, нет, лучше смотаюсь туда. Пока, Иваныч – уже выбегая крикнул Антон.

Чудо, наконец-то, свершилось, к Воле вернулось сознание, и он начал выздоравливать. Все опять шло, как в сказке, чувствовалась невидимая рука волшебника, чудесным взмахом магической палочки разрешающая все сложные ситуации. Врачи, по секрету, сказали Лике, что они иногда и сами начинают верить в чудеса, потому что, когда встречается совершенно безнадежный случай, и они понимают, что спасти пациента не удастся, а происходит вдруг невозможное (вот, как с ее мужем) – вопреки всем законам медицины, больной отделяется практически легким испугом. Но, к сожалению, бывают и другие варианты, когда врачи не видят опасностей, угрожающих здоровью пациента, а он тоже, вопреки всем их знаниям в медицине, внезапно умирает. Короче, как поняла Лика, врачи верят больше не в себя, а в высшие силы. А Вова посмеялся над ней, когда Лика рассказала ему о своих страхах, что какие-то сверхъестественные силы тоже отбирают у нее всех, кто ей дорог. Вова тогда сказал, что Лика рассуждает, как темная бабка из глухой деревни, а не как дипломированный биолог.

Ли́ка доби́лась, чтобы Вову перевели в платную палату со всеми удобствами, в которой она проводила с ним почти целый день, уходя только на ночь домой. Недавно к Вове приходила следователь, задавала, интересующие ее вопросы. Она рассказала, что показания Вовы подтвердили, что версия следствия верна, теперь дело будет закрыто, точно известно, кто стрелял. Вкратце ввела их в курс дела. Ли́ку очень удивило, что опять каким-то образом замешана бывшая жена Вовы, хотя следователь Кира Сергеевна объяснила, что Романова не причастна к этому преступлению. Но тут же добавила, что ее вину можно рассматривать только на морально-психологическом уровне. Потому что она пожаловалась брату на бывшего мужа, но это высшая материя, точно, не для уголовного розыска. И убивать потерпевшего у убийцы тоже не было никакого личного мотива, только злость и досада, что собственная жизнь не удалась. Кстати, убийца в тот же день, когда произвел выстрел на свадьбе, покончил с собой.

Кира Сергеевна перед уходом сказала, что очень рада такому быстрому выздоровлению, потому что, на ее практике это – первый случай, при таком ранении. На что Вова за чем-то и здесь ввернул, что его лечит любовь жены. Он последнее время твердил об этом и Ли́ке, и врачам, и нетерпеливо подгонял врачей поскорее выписать его из больницы. Он говорил Ли́ке, что мечтает проводить с ней ночи, и чув-

ствует себя вполне готовым к этому.

Лику же по мере приближения дня выписки все больше начинали мучить сомнения, может ли она подвергать жизнь любимого опасности рядом с собой. И несмотря на то, что она сама с трудом представляла, как она сможет жить без Вовы, в ней крепла уверенность, что она просто обязана сохранить ему жизнь, а это возможно только, если ее не будет рядом. Она уже настолько срослась с Вовой, они уже представляли единое целое, так что отрывать придется с кровью, лишая себя половины. Лика понимала, что без Вовы для нее жизнь теряет всякий смысл, но ради спасения любимого она была готова на все. У Лики уже созрел план, как осуществить побег от своей любви, о котором Вова ничего не должен знать, иначе он просто не отпустит ее.

Лика решила, что исчезнет в день выписки Вовы из больницы. Долго думала, какой же найти предлог, что не сможет сама забрать его из больницы, но тут сам Вова, не зная того, подкинул ей идею. Лика последнее время очень плохо выглядела, да и чувствовала себя неважно – по утрам ее охватывала слабость, подташнивало, совсем пропал аппетит. Она считала, что проблемы со здоровьем из-за того, что ей трудно дается решение расстаться с Вовой. Однако, муж настойчиво требовал, чтобы Лика срочно записалась к врачу, провела полное обследование. Вове казалось, что здоровье Лики подорвали события, произошедшие с ним, и ей немедленно

надо заняться лечением. Сначала Лика отмахивалась, говорила, что с врачами раньше она встречалась только на плановых медосмотрах, но потом решила воспользоваться этим предложением.

Она объявила Воле, что записалась к очень хорошему специалисту (говорят, что просто «светило медицины», поэтому к нему так сложно попасть) и, как назло, дата приема попадает на день выписки мужа из больницы. Лика, которая терпеть не могла лжи, врала, как «сивый мерин», но успокаивала себя тем, что это – ложь во спасение. Вова, конечно, обрадовался, сказал, что здоровье жены это – приоритет, а с выпиской не надо делать проблемы. Мишка с удовольствием заберет друга больницы, отвезет домой, и там уже счастливый поздоровевший муж будет ждать Лику с хорошими новостями после ее осмотра «светилом медицины». Лика с вечера перед выпиской привезла Воле одежду и ключи от дома. Она долго сидела в палате мужа, хотя был уже поздний вечер, все никак не решаясь ехать домой. Когда Вова заметил, что Лика плачет, он подумал, что это – слезы счастья оттого, что, наконец, все кончилось, и завтра опять они будут вместе.

– Любимая, сейчас же вытри слезы, ты должна смеяться, радоваться, что завтра мы будем засыпать и просыпаться в одной постели, что все будет по-прежнему. Ты слишком засиделась, пора уже ехать домой. Тебе надо как следует отдохнуть, перед завтрашним визитом к врачу. Все, все, без

разговоров, одевайся – и марш домой.

Целуя Вову перед уходом, Лика понимала, что это – последний поцелуй в ее жизни. Лика уже было вышла из палаты, затем быстро вернулась.

– Вова, совсем забыла тебя предупредить, смотри не нагружай себя резко, когда вернешься домой, у тебя – две недели реабилитация, помни, что сказал лечащий врач.

– Лика, девочка моя, ну, что ты такая беспокойная, ты же сама за мной проследишь, если я буду нарушать режим, предписанный врачом. Хотя я уже полон сил, и, мне кажется, чувствую себя совсем здоровым, немного только ослабли мышцы от долгого постельного режима, но это очень быстро восстановится. Лика, ты когда-нибудь уйдешь? Смотри уже почти десять часов, беги домой, сей час же!

Ну, вот и все! Лика теперь уже быстрым шагом поспешно покинула здание больницы, ей предстояло еще много дел сегодняшней ночью.

По пути из больницы друзья весело обсуждали, что только побывав на волоске от смерти, можешь понять, как прекрасна жизнь. Владимир попросил Михаила остановиться у цветочного магазина, хотел встретить Лику букетом белых роз. Миша не разрешил другу вылезать из машины, сам быстро сбегал за нужным букетом.

– Миш, я, конечно, знаю, пока я отдыхал в больнице, на тебя свалилась лавина дел, но хочу попросить тебя еще

немного поднапрячься. Понимаешь, мне пришла в голову мысль, свозить Лику к морю на пару недель, у нас, ведь, не было свадебного путешествия. Да, что я говорю, причем тут свадебное путешествие, просто я вижу, что она совсем вымоталась со мной. Теперь надо лечить не меня – я здоров, как бык, а мою жену.

– Вова, насчет моего напряжения можешь не переживать, я за несколько месяцев так стосковался по привычному делу, что для меня, рабочие проблемы, как бальзам на душу. Если мне понадобятся твои советы, так, ты, слава богу, вышел из комы, я всегда буду с тобой на связи. А в случае, если будет необходима твоя подпись, у нас есть факс. Даже не думай, вези спокойно свою Лику отдыхать, все будет в порядке. Ну, вот и приехали, сейчас я по-быстрому доставлю тебя до квартиры на лифте, а дальше – убегаю, меня ждут поставщики субстанций.

Владимир прошел в квартиру и подумал, какое же это счастье – возвращение домой. Хоть он храбрился, говоря, что совершенно здоров, но чувствовал, как еще кружится голова от слабости. Поэтому, не заходя в комнаты, еще неверной, какой-то старческой, шаркающей походкой прошел на кухню, решил сварить себе кофе, причем по упрощенному варианту, не в турке, а в кофе-машине. Он заметил, что в вазочке на кухонном столе возвышалась горка свежих круасанов.

– Какая же у меня заботливая жена, догадалась, что мне

захочется в первую очередь. Как мы раньше жили друг без друга? Теперь без нее я просто не мыслю жизни. Интересно, что врач скажет, по поводу здоровья Лики, надеюсь, просто переутомление, ничего серьезного. Скорей бы уж возвращалась, непонятно, с чего вдруг у меня появилось, какое-то нехорошее предчувствие. Лика сильно задерживается, неужели при обследовании обнаружилось..., нет не буду думать о плохом.

Внезапно до Владимира дошло, что он сидит, как болван, забыл, что жене можно позвонить и узнать, как дела. Лика последнее время все дни проводила у него в больнице, поэтому созванивались только, чтобы узнать, как она добралась ночью до дома. Отвыкнув в больнице от телефона, он просто забыл, что есть хорошее средство связи. Набрав номер Лики, Владимир услышал противный голос, сообщающий, что такого номера не существует.

– Как это не существует? Это номер моей жены, закричал Владимир, споря с противным голосом в телефоне, который, как попугай, повторял одну и ту же фразу.

Откуда-то сразу появились силы, перестала кружиться голова, Владимир бросился в комнаты, в надежде найти записку от Лики с новым номером телефона (возможно, она вчера потеряла мобильник, и не успела ему сообщить). На пороге гостиной он с облегчением увидел, что на столе, действительно белеет листок, похожий на записку. Видно, организм в таком стрессовом состоянии забыл, что он еще не восста-

новился, поэтому Владимир фактически рывком подбежал к столу, схватил листок. Это, действительно, было письмо от Лики, однако вместо ожидаемого номера нового телефона – длинный текст, который Владимир начал читать, еще плохо понимая, что произошло.

«Вова! Я тебя очень люблю, ты – самое большое счастье, которым меня наградила жизнь. В начале наших отношений я тебя предупреждала, что все, кто мне дорог, погибают. Ты посмеялся, сказал, что только темные, неграмотные бабки верят в такую чушь. Тогда и я подумала, что, может быть, и правда, я придумываю, на этот раз пронесет. Но последние события упрямо подтверждают, что, к несчастью, я была права. Я даже не знаю, как назвать то, что со мной происходит, как будто злой волшебник заколдовал меня. Может, это – такая судьба, но, действительно, как биологу, мне трудно объяснить последовательные утраты всех, кого я любила, с научной точки зрения. Вова, я не могу находиться рядом с тобой, подвергая твою жизнь опасности. Как я буду жить без тебя, я и сама не знаю, все, что у меня осталось это – воспоминания о счастье, которое ты мне подарил. Постарайся понять меня. Лика.

P.S. Вова, прости, что я без разрешения воспользовалась твоим паспортом, мне удалось развести нас, я хочу, чтобы ты был свободен. Еще у меня к тебе последняя просьба: оставься жить в этой квартире, где мы с тобой были счастливы (я оформила дарственную на нее, теперь это – твоя кварти-

ра). Свой капитал я тоже почти весь перевела на тебя, оставив себе незначительную часть. Все документы и реквизиты хранятся в сейфе, его код ты знаешь».

Владимир еще раз внимательно перечитал письмо, может, он что-то не так понял. На злую шутку не похоже, но его мозг до конца не хотел воспринимать информацию, полученную из письма. А вдруг это писала не Ли́ка, или неизвестные заставили ее написать это письмо. Что, если, кто-то охотится за ее деньгами? Самое ужасное, Владимир вдруг понял, что он не знает почерк своей жены. С другой стороны, здесь про любовь, про разговор о страхах Ли́ки, который на самом деле был в начале их отношений. Да, а в конце приписка про развод, про деньги, про квартиру. Как она могла сама так быстро все оформить, это точно, не может быть правдой. И, чтобы убедиться в этом, Владимир бросился к сейфу в кабинете. За время, проведенное в больнице, Владимир не сразу смог вспомнить шифр сейфа, наконец, когда удалось открыть, он обнаружил там свой паспорт, лежащий сверху на стопке бумаг. Быстро раскрыл паспорт, в надежде, что там, только штамп о регистрации брака, но, к изумлению, ниже этого штампа стоял другой жирный штамп о расторжении брака. Значит, все в письме правда. Владимир машинально достал стопку бумаг, лежащую под паспортом – там, действительно, была дарственная на квартиру, и документы, подтверждающие, что он – теперь владелец счета с огромными нулями.

Увиденное подтверждение подлинности того, что написано в письме, окончательно отрезвило Владимира. Он понял, что сейчас не надо тратить усилия, думать о том, как Лике удалось осуществить свой план, а все силы направить на поиск жены (Владимир не допускал даже мысли, что они теперь в разводе). Он стал соображать, кто может знать хоть что-то о том, куда могла исчезнуть Лика. Да, конечно, самая близкая подружка жены, с которой Лика созванивалась ежедневно, у них нет секретов друг от друга. Владимир набрал телефон Андрея, чтобы узнать, как можно, найти его сестру. Он весьма невежливо перебил вопросы Андрея о своем здоровье, и попросил продиктовать номер телефона сестры Юли. На что Андрей сказал, что только что звонила Юля, спрашивала телефон Владимира Владимировича. Но по голосу шефа понял, что тому не до разговоров, и быстро назвал требуемый номер. Не успел Владимир положить трубку, как у него на экране телефона высветился номер, только что продиктованный Андреем.

– Владимир Владимирович, извините, пожалуйста, что я вас беспокою, но никак не могу дозвониться до Лики. Автомат говорит, что такой номер не существует. Хотела узнать, что случилось, она сменила телефон? А еще лучше, извините за настырность, разрешите, я, по-быстрому, переговорю с ней по вашему мобильнику.

Владимир догадался, что подруга тоже не в курсе, что исчезла Лика. Он вкратце описал ситуацию Юле так: его только

сегодня выписался из больницы, но поскольку Лика должна была посетить врача, забирал его из клиники друг, а с женой он должен был встретиться дома. Когда понял, что Лика задерживается, пытался ей дозвониться, но также, как и Юля, услышал, что такого номера абонента не существует. Потом нашел письмо от жены, адресованное ему, содержание письма Владимир не стал передавать по телефону, а попросил Юлю приехать срочно в квартиру Лики.

Юля по голосу Владимира Владимировича поняла, что сейчас не до расспросов, и объявила, что срочно выезжает. Уже по дороге в машине она позвонила мужу, просила забрать детей из детского сада, сказала, что, возможно, задержится, потом все объяснит. Своего мужа Юля тоже поставила в тупик, заставила волноваться, он не привык к такому короткому общению с женой, без всяких объяснений. Сергей догадался, что произошло что-то серьезное, поэтому не стал допытываться, что же такое случилось.

Прочитав письмо Лики, подруга поняла, что все очень серьезно. Вспомнила, как недавно Лика завела с ней разговор о покушении на мужа, она почему-то считала себя виноватой в этом, потому что находится с ним рядом. Начала нести какую-то «пургу» о том, что она приносит смерть тем, кого любит. Сначала Юля пыталась вразумить подругу, приводя резонные аргументы, типа того, что муж Лики остался жив, может быть, именно потому, что она рядом. Но Лика была

совершенно глуха к доводам Юли, она ничего не хотела слышать, а только твердила, как догму, что она приносит несчастья любимым. Юля решила, что у Лики от переутомления и стресса начались «панические атаки», посоветовала ей обратиться к специалисту тем более, что последнее время у Лики был очень болезненный вид. Теперь она ругала себя, что несерьезно отнеслась к словам подруги.

Владимир Владимирович предложил не заикливаться на том, что уже произошло, что мы изменить не можем, а подумать, куда могла исчезнуть Лика, где ее искать. Наверняка, у близкой подруги, которая знает Лику много лет, могут быть хотя бы какие-нибудь предположения, в каких направлениях начинать поиск в первую очередь.

– Из родных – у Лики, только бабушки-дедушки, одна пара живет в Москве, другая в Новосибирске, но, если Лика хотела скрыться, она вряд ли будет искать убежище у них, хотя можно проверить, начала рассуждать Юля.

В это время у Владимира Владимировича затренькал телефон, он лихорадочно схватил его в надежде, что звонок от Лики, но экране смартфона высветилось имя бабушки из Новосибирска, с которой Владимир успел сдружиться.

– Здравствуйте, Ольга Федоровна! Да, выписался, уже дома. Спасибо, чувствую себя совершенно здоровым, нет, что вы, совсем не спешу на работу, сейчас разговариваю с вами из дома. Вас взволновало, что не отвечает телефон Лики? Не беспокойтесь, просто она потеряла свой мобильник, как

купит новый, сразу вам перезвонит. Нет, сейчас ее нет дома, она ушла по своим женским делам, каким, даже мне не сказала. Все ей передам, до свидания, Ольга Федоровна, рад был вас услышать.

– Уф, – с облегчением выдохнул Владимир, и продолжал, обращаясь к Юле:

– Пришлось выкручиваться, не расскажешь же пожилой женщине, у которой проблемы с сердцем, что тут у нас произошло. Вот найдем Лику, она сама и позвонит бабушке. Зато мы теперь знаем, что Новосибирск точно можно отместить. А с бабушкой из Москвы Лика общалась только по праздникам, исключительно по телефону, так что, поселиться у нее это – что-то из области фантастики. Я думаю, если Лика хотела скрыться, чтобы ее трудно было найти, скорее всего, она остановилась в гостинице, и в другом городе. Юля, думай, какой город ей чем-то близок.

Владимир Владимирович так безапелляционно, без тени сомнения, сказал: «найдем Лику», что его уверенность мгновенно передалась Юле. Она судорожно начала вспоминать города, с которыми Лика, хоть как-то, была связана. И тут ее осенило, Юля почти закричала:

– Владимир Владимирович, вспомнила: Лика мне рассказывала, что она никак не выберет время, чтобы заняться продажей квартиры в Питере, которая ей досталась тоже по наследству от третьей бабушки (это – мама Екатерины Михайловны, ее мачехи). Мне кажется, что она так и не продала

эту квартиру.

– Если так, то это – реальная зацепка. Теперь возникает вопрос, а где находится искомая квартира, как найти клубочек, который нас приведет к ней? Можно поискать в сейфе документы на эту квартиру, но, скорее всего, Лика забрала их с собой. Сейчас посмотрю, нет, конечно, документов на квартиру нет. Юль, повспоминай, из рассказов Лики, когда она ездила навещать эту бабушку в Питер, случайно, не отложилось у тебя ее впечатление о Питере, может быть, называла район, в котором жила ее бабушка.

– Ну, нет, этого я, конечно, не вспомню. Единственное, что нам может пригодиться: я точно знаю, что эта бабушка курировала два детских магазина, принадлежащих ее дочери (Екатерине Михайловне) в Питере. Еще я знаю, что все магазины были из одной сети «Буратино», три магазина из этой же сети принадлежали Екатерине Михайловне в Москве, я ходила в эти магазины. Помню, пока их не продали, Лика уговаривала меня брать там все бесплатно для моих маленьких девчонок, списывать на ее счет. Каждый раз тащить с собой Лику, когда я шла за покупками, мне было неудобно, поэтому я ей говорила, что мне больше нравится другая сеть детских магазинов.

– Юля, эти сведения просто бесценны, по крайней мере понятно, что надо искать, если, конечно, Лика остановилась в этой бабушкиной квартире в Питере. Но, с чего-то надо начинать, поэтому давай посмотрим интернет, узнаем, сколь-

ко магазинов сети «Буратино» находится в Питере, а, самое главное, где они расположены.

– Владимир Владимирович, что нам могут дать сведения, где расположены эти магазины? Возможно, квартира... ой, вспомнила, как зовут эту бабушку, точно – Наталья Сергеевна, так вот, квартира этой Натальи Сергеевны находится совсем в другом районе, вдали от детских магазинов.

– Юля, мы просто спросим у администрации, или у сотрудников, давно работающих в магазине, может быть, они нам подскажут, где жила Наталья Сергеевна.

– Сейчас все боятся давать адреса, телефоны, слишком много криминала, почему вы думаете, что, даже если кто-то и знает, выложит нам эти сведения?

– Не беспокойся, найдем способ. Видишь, ты вспомнила имя-отчество бабушки, узнаем ее фамилию, а тогда мы сможем обратиться прямо в полицию, узнать, где она проживала. Когда она умерла, ты приблизительно помнишь?

– Умерла Наталья Сергеевна где-то чуть больше года назад, Лика мне рассказывала, что бабушка сгорела буквально в считанные месяцы, вслед за своим мужем. Лика очень переживала, она после гибели мачехи очень сдружилась с Натальей Сергеевной, видно, их объединило общее горе. Может быть, поэтому, все свое движимое и недвижимое имущество Наталья Сергеевна оставила Лике. На месте Лики другой бы радовался, а Лика жаловалась мне, что судьба отнимает у нее близких людей, а вместо них подкидывает ей с за-

видным постоянством материальные ценности, которые для нее являются обузой, потому что она не знает, что с ними делать.

– Юль, видишь, если Наталья Сергеевна умерла приблизительно год назад, значит, Лика вступила в права наследования только полгода спустя. Это нам тоже на руку, события такого недавнего времени люди помнят хорошо. Так, посмотрим в интернет, что нам подскажет Google, сколько в Питере магазинов этой сети – всего -то двадцать семь.

Лика уже вторую неделю жила в Питере совершенно одна. Решаясь на побег, она понимала, что будет трудно, но надеялась, что выдержит, ведь, долгое время она жила одна после гибели Екатерины Михайловны и папы. До встречи с Вовой Лика была совершенно самодостаточной, уверенной в себе, совершенно не нуждающейся в посторонней помощи. Она легко относилась к бытовым проблемам, решала их походя, не расстраиваясь, а, наоборот, даже с долей иронии, чему, она помнит, очень удивлялись подруги и женщины из ее бывшей лаборатории. Им было непонятно, как можно, так легко, с юмором рассказывать, как тебя залили соседи сверху, или, как у тебя с автогеном взламывают входную дверь, потому что ты потеряла ключ. А Лика действительно не брала в голову такую ерунду, она воспринимала такого рода неприятности, как явления природы. Не будешь же жаловаться на ненастье на улице, на то, что ты вымокла до нитки, попав

под ливень, а потом еще и простудилась от того, что промокла. Юлька, правда, говорила Лике, что у нее такое легкое отношение к бытовым проблемам потому, что у нее много денег, с помощью которых она может решить все. Может быть, и так, но тогда, слава богу, ее деньги хоть для чего -то ейгодились. Еще Лика была совершенно не привередлива и могла легко адаптироваться к любой обстановке, ее никогда не волновал антураж вокруг нее.

Но сейчас оказалось, что Лика стала какой-то совсем другой, не похожей на прежнюю Лику. Она поняла, что ее раздражает абсолютно все в шикарной квартире Натальи Сергеевны. Еще можно было понять, что ей трудно привыкнуть к новым запахам в этой квартире тем более, что она год простояла закрытой, не проветриваемой, а у Лики с запахами вообще отдельные взаимоотношения. Но, что удивляло и саму Лику, ей не нравилось в этой квартире все, хотя она была благоустроена по классу «люкс», все до мелочей было предусмотрено в ней для комфортного проживания. Лика даже заклеила себя за такое неблагодарное отношение к материальному благополучию, которое досталось ей, она решила, что так «люди с жиру бесятся». Но все равно она ничего не могла поделать с собой, бежала из этой квартиры с утра пораньше, и почти весь день бесцельно бродила по такому чужому для нее Питеру, возвращаясь в квартиру только, чтобы переночевать.

Несмотря на то, что погода на улице была холодной, про-

мозглой, дул пронизывающей до костей ветер, временами шел мокрый снег, Лика упрямо бродила по улицам Питера, лишь иногда заходя в кафе погреться и чего-нибудь перекусить. Дел у нее никаких не было, резюме в НИИ, в который решила устроиться Лика, она послала еще из Москвы, а теперь ждала приглашение на собеседование. Хотя на улицах города было много народа, в некоторых местах просто толчея, Лике проходило проталкиваться сквозь толпу, задевая локтями прохожих, все равно ее не оставляло чувство, что вокруг нет жизни, ей казалось – она находится в пустоте. Лику преследовало странное ощущение, когда в лицо дует сильный ветер, а тебе нечем дышать, просто не хватает воздуха.

Бесцельно слоняясь по улицам Питера, Лика вновь и вновь мысленно прокручивала пленку событий, начиная, в буквальном смысле, с феерического знакомства, с Вовой и до последнего дня, когда она расставалась с ним в больнице. Ей не надоедало до мелочей вспоминать каждый день, прожитый вместе с ним, она иногда даже шла, улыбаясь, когда вспоминала, как глупо вела себя, не доверяя Вове в начале зарождающихся отношений. Получается он ни в чем не обманул ее, всегда был честен, а она – такая «правдолюбка», повела себя, как пошлая интриганка, тайно сбежав, ничего не объяснив. Лика представляла, каким ударом для Вовы стало ее исчезновение, и это сейчас, когда он еще слаб,

и не восстановился от ранения окончательно. Она пыталась оправдать свое поведение заботой о его сохранении его жизни, но что-то с каждым днем ее самооправдание звучало в ней все менее убедительно.

Сначала закралась робкая мысль: а вдруг, и правда, ее уверенность, что погибают те, кого она любит, на самом деле просто, сочиненная ее больным воображением, выдумка. И все, произошедшее, с ее близкими людьми несчастья, это – цепочка случайных трагических совпадений, а она здесь ни при чем. В этом пытался убедить ее Вова, да и Юлька просто посмеялась, помнится, она сказала, что это – «панические атаки» от пережитого стресса. Юлька посоветовала ей обратиться к врачу, да и Вова последнее время просто настаивал на ее обследовании у специалиста. А Лика так коварно обманула его, сказав, что записалась к врачу.

– Может быть, мне хотя бы немножко, как бы отмыться от этого вранья, и сходить, проверить свое здоровье, Вова так хотел этого, рассуждала Лика.

Сразу так и не сообразишь, куда обратиться в чужом городе за медицинской помощью, притом непонятно, что лечить. Лика представила такую картину: врач ее спрашивает, на что жалуетесь, а она отвечает – на голову, тут же появляются санитары, надевают на нее рубашку с зашитыми рукавами и немедленно увозят ее в психушку. Нарисовав в своем воображении такую картину, Лика неожиданно немного по-

веселела. Ее обрадовало, что она уже может с иронией смотреть на сложившуюся ситуацию.

И тут вдруг Лика вспомнила, что недалеко от дома, где она сейчас проживает, есть частная клиника. Проходя каждый раз мимо нее, Лика обращала внимание на то, что одно большое окно было заклеено постером изнутри, на котором перечислялись все медицинские услуги, осуществляемые этой клиникой. Она вспомнила, среди прочих специалистов там принимает и психиатр, и психотерапевт, вдруг окажется, что это как раз по ее проблемам. Лика, на всякий случай, поинтересовалась в интернете мнением об этой клинике, оказалось, что, в основном, – положительные отзывы. И она твердо решила, что завтра, прямо с утра, посетит эту клинику.

В регистратуре клиники очень миловидная девушка приветливо встретила Лику. Девушка спросила, к какому специалисту она хочет попасть. Лика заколебалась, не стала сразу проситься к психиатру, пусть сами направят ее туда, а сказала, что чувствует себя плохо последнее время, но на что-то определенное жалоб нет. Тогда миловидная девушка с сочувствием, как показалось Лике, посмотрела на нее и посоветовала, сначала пройти осмотр у терапевта, Лика покорно согласилась. После этого девушка стала подробно записывать имя, отчество и фамилию Лики, а также возраст («хорошо еще, что не спрашивает пол», подумала Лика). Лика на

секунду замялась, не зная, какую фамилию называть – Журавлева или Владимирова, ведь, Лика успела уже развестись, правда, фамилию она не стала менять (решила, пусть хоть что-то останется от счастливого замужества). Назвав фамилию Владимирова, Лика почувствовала, как бы не порванную связь с мужем, и совсем не к месту широко улыбнулась девушке из регистратуры.

Врач- терапевт, приятная молодая женщина, возраста, немного постарше Лики, встретила ее также приветливо, как и девушка в регистратуре. Когда врач поняла, что ей не удастся добиться, на что жалуется пациентка, она не стала пытаться, Лику, а сама провела осмотр: послушала сердце, проверила молоточком нервные реакции, померяла давление, пульс. После осмотра вынесла вердикт: у пациентки все показатели в норме. Терапевт сказала, что для более тщательного анализа, чтобы понять ситуацию, придется сдать анализы, и стала выписывать направления, а потом, как бы между делом, спросила:

– Анжелика Максимовна, скажите, когда у вас последний раз была менструация?

Тут Лика догадалась, для чего в регистратуре так интересовались ее именем- отчеством, оказывается, чтобы врач знала, как к пациентке обратиться. Но сам вопрос, казалось бы, такой простой, неожиданно поставил Лику в тупик. У нее никогда не было проблем с менструацией – каждые двадцать

восемь дней, как часы, ни разу не было задержки. Но сейчас она не могла вспомнить, когда это было последний раз, кажется, очень давно. Получилось, что за бурными событиями последних двух с половиной месяцев, она вообще этот момент упустила из виду. И Лика честно призналась врачу, что не помнит. Тогда терапевт тоже, не настойчиво, а как бы просто для порядка, предложила Лике пройти осмотр у гинеколога. Ну, Лика решила, коли уж пришла, почему бы не посетить и гинеколога, наверно, гинеколог после своего осмотра пошлет ее посетить еще какого-нибудь врача, например, психиатра. И терапевт сама отвела пациентку к гинекологу, сначала попросив Лику подождать под дверью, мол, ей надо, предварительно о чем-то переговорить с Марком Соломоновичем.

– Ну, вот оказывается гинеколог – мужчина, могла бы терапевт поинтересоваться, согласна ли я идти к такому врачу. Не успела Лика мысленно оформить свое возмущение, как терапевт вышла, пригласив пациентку в кабинет.

Гинеколог оказался мужчиной маленького роста, такой пухленький старичок, с седой бородкой, в медицинском колпаке, ну, вылитый гном из сказки. При виде такого сказочного персонажа у Лики сразу пропало стеснение, охватившее ее, когда узнала, что врач – мужчина. Между тем, «гном» тоже, как и терапевт, видя, что пациентка плохо идет на контакт, не жалуется ни на что, предложил не терять время,

а сразу сделать ультразвуковое исследование (УЗИ). Лика, хоть и не понимала, для чего это необходимо, покорно согласилась.

– Анжелика Максимовна, голубушка, вы, также, как и я, на экране монитора (видите, он находится перед вами) можете наблюдать.

Лике вовсе не хотелось смотреть на себя изнутри, поэтому она отвернулась.

– Анжелика Максимовна, предположение Веры Дмитриевны (терапевта, у которой вы были до меня) полностью подтверждается, вы- беременны. Плод развивается нормально, срок – восемь недель. Так что деточка, ваше плохое самочувствие вполне объяснимо, это – ранний токсикоз, но, уверяю вас, что все пройдет во втором триместре. А почему вы отвернулись, не смотрите, это что– нежелательная беременность?

Лика, до которой не сразу дошел смысл сказанного этим чудесным «гномом» (может он – волшебник), резко повернулась, уставившись на монитор. То, что Лика там увидела, было самым прекрасным изображением, которое она когда-либо видела в жизни. Она уже абсолютно не слышала, что ей говорит «гном», просто не отрываясь смотрела на новую жизнь, зародившуюся в ней. Наконец, до ее слуха долетели слова врача:

– Анжелика Максимовна, деточка, я вам дам снимок с УЗИ, и вы сможете дома сколько угодно любоваться вашим

сокровищем, видно, «гном» понял, что иначе Лику не оторвать от экрана, а в дверь уже заглядывала следующая пациентка.

Получилась просто метаморфоза: из клиники Лика вышла совершенно другим человеком ни сколько, не напоминающим ту, затюканную собственными суевериями собственного сочинения Лику, которая входила в клинику. У нее полностью поменялось мировосприятие. Теперь она шла по улице и всеми своими клеточками чувствовала кипящую вокруг жизнь, ощущая себя частью этой жизни. Еще Лика вдруг осознала, какая огромная ответственность лежит теперь на ней – она должна принести в этот мир нового человека. И мозг Лики начал сбрасывать путы страхов и сомнений, в которых находился последнее время.

– Боже, какое же счастье даровано мне! А как же моя теория, что я не должна быть рядом с теми, кого я люблю? По этой безрассудной теории я должна бросить своего только родившегося ребенка. Нет, это просто, преступная глупость. А значит, то, что я натворила, исчезнув тайно из дома, оставив там любимого мужа, который мне подарил мне счастье материнства, тоже огромная ошибка, которую я должна немедленно исправить.

Лика, которая раньше никогда даже не задумывалась о детях, о том, как она станет когда-нибудь матерью, вдруг неожиданно превратилась в послушное орудие природных

инстинктов, настроивших весь ее организм на продолжение рода человеческого. Осознание, что теперь у нее должна быть совершенно здоровая психика, не подверженная идиотским суевериям, заставило Лику резко повернуть обратно. Она решила все же сама посетить психиатра, спросить, что же такое с ней было, может быть ей надо подлечиться (у ребенка должна быть здоровая мама, а у Вовы – нормальная жена).

Приветливая девушка в регистратуре очень удивилась:

– Анжелика Максимовна, вы что-нибудь забыли?

– Да, я забыла, что хотела еще записаться на прием к психиатру, можно сейчас его посетить?

– Нет, к сожалению, сегодня психиатр не принимает, зато ведет прием замечательный психотерапевт, обычно, к нему можно попасть только по записи, но как раз сейчас врач свободен – не смог прийти пациент, который был к нему записан.

– Хорошо, пусть будет психотерапевт, я не знаю, может быть, мне как раз и нужен такой специалист, покладисто согласилась Лика.

Когда Лика заглянула в названный ей в регистратуре номер кабинета, то увидела за столом очень молоденькую девушку, никак не старше Лики. Поэтому она, на всякий случай, переспросила, туда ли попала (неужели такая юная, со-

всем не умудренная житейским опытом особа, может разбираться в тонкостях психоаналитики, давать советы, за которыми к ней выстраивается очередь). Но, узнав, что все правильно, девушка и есть психотерапевт, Лика не стала, как у терапевта и гинеколога, играть «в молчанку». Не дожидаясь вопроса, что ее беспокоит, не заикливаясь на возрасте врача, сама стала говорить. Лика начала с самого детства, с потери мамы, и дальше обрушила на «юного специалиста» всю информацию, которая заставила ее поверить, что над ней висит, что-то вроде проклятия. Она также сказала, что, узнав про свою беременность, сама вдруг поняла, что все это – ее собственные измышления, и теперь хочет узнать у профессионала, все ли у нее в порядке с психическим здоровьем.

Молодой психотерапевт слушала пациентку очень внимательно, не перебивая, не задавая по ходу повествования уточняющих вопросов, просто слушала. Получился интересный эффект – Лика, излив все переживания, выпавшие на ее долю, описав последовательно произошедшие трагедии, неожиданно и сама поняла, что она совершенно здорова. Точно, абсолютно здорова, просто под воздействием сильного стресса, на нее нашло временное искаженное восприятие произошедших событий, которые были случайны, а она выстроила их в закономерный ряд.

Дальше Лика слушала подтверждение того, что уже и сама поняла, от молодого психотерапевта, только подкрепленное научной терминологией. Упуская специальную терми-

нологию, которой пользовалась молодой специалист, смысл заключения, к которому она пришла, практически полностью совпадал с выводами самой Лики. Вердикт врача был таков: сильная психологическая травма, которую Лика получила после смерти мамы, затем потери, усилившие посттравматический синдром, выработали у нее устойчивое заблуждение, что все происходит закономерно. А дальше, разбить эти заблуждения помог другой эмоциональный стресс – беременность Лики. Врач объяснила, что в организме беременной женщины идет сильнейшая гормональная перестройка, которая, естественно, связана с психоэмоциональным состоянием женщины. Короче, мозг женщины, которая должна стать матерью, нацелен теперь только на формирование плода, и происходит самоочищение мозга от всего ненужного, мешающего главному – рождению здорового потомства. Окончательный вердикт, вынесенный психотерапевтом – пациентка здорова, на прощание она пожелала Лике родить здорового, крепкого ребенка.

Второй раз за сегодняшний день Лика выходила из клиники абсолютно счастливой. Она решила немного прогуляться, но совсем немного, чтобы лучше усвоить такое огромное количество информации, свалившееся на нее сегодня. Потом необходимо зайти перекусить, Лика поняла, что теперь она обязана следить за своим питанием, чтобы малыш получал все, необходимые ему микроэлементы. Затем, не теряя

времени, надо собираться обратно домой к Вове.

– Боже мой, какое же это счастье! Неужели опять сказка будет продолжаться? А что, если Вова не простит ей обмана, бегства, сочтет это предательством? Нет, не может быть, он должен понять ее, особенно теперь, когда он нужен не только Лике, но и их будущему малышу.

Чувство радости с примесью тревоги переполняло Лику. Ей хотелось еще и еще внимательнее рассмотреть снимок с УЗИ, поэтому она решила не задерживаться на прогулке, а поскорее возвратиться в свою Питерскую квартиру. Лика уже все решила: завтра же прямо с раннего утра она садится в машину и отправляется домой, заранее звонить и предупредить не будет, по телефону всего не объяснишь. Всю сегодняшнюю прогулку она мысленно представляла, как Вова открывает дверь – а на пороге беглянка. Воображение Лики рисовало несколько вариантов возвращения «блудного попугая», но все были со счастливым концом.

В Питерскую квартиру вошла тоже новая Лика: она с порога отметила, как здесь все удобно и комфортно устроено. И тут же сама засмеялась – надо же, обратила на это внимание в последний день, завтра она уже будет в Москве. Но, ей пришла такая мысль: зачем продавать такую классную квартиру (как она собиралась сделать раньше), пусть остается, будем чаще ездить в Питер, ходим вместе с Вовой по музеям. Лика за время своего побега, так ни разу не посетила

ни одного музея несмотря на то, что время не куда было девать, она бесцельно слонялась по улицам. Тогда она просто не могла созерцать прекрасное, ее воображение возвращало ее к картинам своей счастливой кратковременной жизни с Вовой, и это затмевало все шедевры мира.

Ли́ка первый раз за все время пребывания в Питере решила попить чаю, для этого отправилась в кухню, поискать, не найдется ли чего-нибудь сладенького. С тех пор, как она поселилась здесь, сама ничего не покупала, питаюсь в кафешках. Без всякой надежды стала открывать шкафы в кухне, и к великому удивлению и радости, нашла большой запас различных варений и джемов. Ли́ка вспомнила, что Наталья Сергеевна была любительницей чая, обязательно с вареньем. Для нее Екатерина Михайловна тоже держала дома запас этого продукта, который всегда доставался к приезду мамы. У Ли́ки глаза разбежались, не зная, что выбрать, в результате остановилась на варенье из айвы. Ли́ка с таким удовольствием пила чай с прекрасным вареньем, что у нее опять заработало воображение (которое последнее время отдыхало). Она представила себя купчихой Кустодиева, не хватало только кота и арбуза, а еще чай надо пить из блюдца (но это уж высший пилотаж).

Потом Ли́ка пошла в душ, сегодня она тоже в первый раз осознала, насколько удобно все устроено в ванной у Натальи Сергеевны. После душа она одела свой роскошный халат (такой же, как она подарила Вове), и удобно устроившись на

диване, поджав ноги и накинув плед, начала изучать снимок УЗИ. Так она просидела не меньше часа, поворачивая снимок, наблюдая под разным углом «свое сокровище» (как выразился «гном» из клиники). Пребывая в каком-то отрешенно-счастливом состоянии, Лика не сразу поняла, что в квартире появился посторонний громкий звук, похожий на звонок в дверь. Сначала она подумала, что это, наверняка, не к ней, может ошиблись квартирой, но кто-то продолжал упорно трезвонить в дверь. Мысли Лики заметались, она не знала, что делать, открывать или нет, к ней-то уж точно никто не может прийти. Потом она решила, что надо посмотреть в глазок, потому что эти настырные звонки не прекращаются.

То, что увидела Лика в глазок, представилось ей каким-то сюрреалистическим видением: стоял мужчина, похожий на Вову с букетом белых роз в руках. Она зажмурила глаза, неужели у нее галлюцинации – она видит то, что ей больше всего на свете хотелось бы увидеть, но то, что просто не может быть реальностью. Лика открыла глаза и еще раз внимательно посмотрела в глазок – Вова с букетом белых роз усиленно жал на дверной звонок.

Лика обнимала любимого, бессвязно шепча:

– Вова, как же ты меня нашел? Прости меня, пожалуйста! Я сама собиралась завтра вернуться домой, осознав, что совершила страшную глупость. Я фактически попала в плен, одурманившим мой мозг суеверий, я сама своими руками разрушила нашу сказку о любви. Помнишь, Вова, ты мне го-

ворил, что наша любовь, как сказка.

– Лика, любимая моя, успокойся, ради бога. Ничего ты не разрушила, сказка продолжается. А то, что случилось – тоже элемент, без которого не обходится ни одна хорошая сказка. Разве ты забыла, как в сказках, злые, темные силы похищают принцессу, увлакивают ее за тридевять земель, помещают в свой замок. А возлюбленный должен отыскать ее, преодолев все препятствия, затем вырвать принцессу из лап сил зла, одолев их. А уж потом, когда он совершит все подвиги, принцесса и ее герой живут долго и счастливо. Лика, мы уже полчаса стоим с тобой в коридоре, может, все-таки пригласишь меня в комнату.

– Вова, конечно, проходи скорей. Слушай, а у тебя ведь еще не окончилась реабилитация после операции. Почему ты мотаешься, освобождая безумных принцесс? Тебе надо еще беречь себя.

– Лика, девочка моя, за мной не кому было следить, вот я и отбился от рук. Но, ничего теперь мы вдвоем, только ты и я, как же я мечтал об этом. Иди скорей сюда, вот так, прижму тебя и никуда не отпущу больше.

– Вов, я и сама теперь никуда не денусь, я полностью освободилась от дурмана суеверий. Но только теперь мы с тобой уже не будем одни. Подожди секундочку, да выпусти меня из объятий, хочу тебе кое-что показать. Вот, на, возьми этот снимок, посмотри сюда.

И Лика протянула мужу снимок УЗИ. Вова на какой-то

момент замер, боясь поверить тому, что видит (впервые, а ему скоро будет сорок лет, он видел такой снимок). То, что дальше сказала Лика, подкрепило уверенность, что это ему не снится, а все происходит с ним наяву.

– Вова, я сегодня была у врача, нашему малышу уже восемь недель. Скажи, правда, красавчик, но только еще неизвестно, кто будет – мальчик или девочка, хотя, какое это имеет значение.

Владимир, который и так был на пике эмоций от того, что, наконец нашел свою любимую, казалось, уж куда больше радости. А вышло, что это – не предел, его ждал еще один прекрасный сюрприз – он будет отцом. Видно, сказалось то, что он еще не до конца окреп после ранения, потому что обрушившаяся на него нежданная радостная новость буквально подкосила ноги, он почувствовал, как у него кружится голова. Владимир медленно опустился на диван, на котором перед его появлением Лика сверлила глазами снимок УЗИ, и также, как она, долго не мог оторваться от снимка, разглядывая его с разных сторон.

Поздно вечером, будущие родители, вдоволь налюбовавшись снимком, сходили в ресторан, собрали все вещи, с которыми приехала Лика, и уже перед сном мирно пили чай с вареньем Натальи Сергеевны, планируя завтра рано утром выехать в Москву. Лишь тогда, Лика спросила мужа:

– Вова, я все-таки не пойму, как тебе удалось найти меня?

Мне, казалось, я все предусмотрела, никто не знал о моих планах. Открой секрет, может, ты нанимал частного детектива?

– Лика, ну, какой частный детектив? Я же тебе объяснил, что у нас сказка, а значит, я должен был сам отыскать свою похищенную принцессу.

– Вов, но наша сказка ведь проходит в современных декорациях. Не будешь же ты бегать с клубочком, который тебе даст какая-нибудь добрая старушка.

– Именно так все и было, роль доброй старушки сыграла твоя подруга Юля, она мне дала клубочек ниток, который и привел меня к тебе.

– Вова, но ведь Юлька ничего не знала, я специально ей ничего не говорила, понимая, что она проболтается.

– Юля действительно не знала, но, Лика, я же тебе твержу, она дала мне клубочек – сообщила, что у тебя в Питере есть квартира, сказала, кому эта квартира принадлежала раньше. Ну, а дальше мне оставалось только идти по ниточке, которая и привела меня к принцессе. В общем, все оказалось не так сложно. Лика, ты мне лучше расскажи, вот как тебе удалось за короткий срок повернуть такие сложные вещи: развести нас, оформить дарственную на квартиру и денежный вклад. Поверь мне, я в бизнесе постоянно провожу всякие сделки с недвижимостью, капиталами, юридическими документами, поэтому понимаю, насколько это сложно, особенно в короткий срок. У меня просто в голове

не укладывается, как ты самостоятельно все это провернула.

– Вова, ты прав, сама я бы с этими делами не справилась, но мне помогли. Понимаешь, у моей второй мамы была, господи, что я говорю, есть подруга, они с детства дружили, как мы с Юлькой. Так вот, я познакомилась с этой Ингой Матвеевной, почти сразу, как у нас в доме появилась Екатерина Михайловна, подруги часто встречались у нас в квартире. А, когда погибла моя вторая мама, ее подруга, по-прежнему, очень часто звонила мне, иногда заходила, все время так и норовила мне чем-нибудь помочь. Но раньше как-то не было случая, чтобы ее помощь мне понадобилась.

– Лика, извини, перебую тебя. А кем работает эта Инга Матвеевна?

– Сейчас она не работает, а до замужества работала юристом. Там, где-то на ниве юриспруденции, она и познакомилась со своим будущим мужем. А вот ее муж – известнейший адвокат в Москве, у него связи и нужные знакомства просто везде. Теперь ты, наверно, и сам догадался: я первый раз обратилась за помощью к Инге Матвеевне, а уж она устроила так, что муж все провернул в кратчайшие сроки.

– Любимая, в таком случае, тебе придется еще раз обратиться к Инге Матвеевне, попросить расписать нас опять в кратчайшие сроки. Лика, ты же понимаешь, мне раньше, когда речь еще не шла о ребенке, было важно, чтобы ты стала моей женой, а теперь и подавно.

– Хорошо, Вова, я сама понимаю, что наделала глупостей,

поэтому обязуюсь исправить все, как можно быстрее.

Уже в постели, засыпая, Лика тихо, почти шепотом сказала:

– Вова, раньше, до встречи с тобой я думала, что в современной жизни сказок не бывает, а теперь точно знаю, еще как бывают, причем ничуть не хуже, чем те, которые мы читали в детстве. Настоящие современные сказки – с чудесами, с волшебниками, с гномами, а главное, со счастливым концом.